

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА
ИНСТИТУТ ПРАВА
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВА

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой МОП

Р.И. Гриванов_____

_____ 2020 г.

ОТЧЕТ ПО УЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
НАВЫКОВ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Студент гр. БМО-19

Е.А. Ким

Руководитель от организации,
кандидат полит.наук, доцент

Р.И. Гриванов

Руководитель от кафедры
кандидат полит.наук, доцент

А.А. Николенко

оценка, дата

подпись научного руководителя

Владивосток 2020

Содержание

Рабочий график (план)	3
Отзыв	6
Дневник прохождения практики по формированию навыков социального взаимодействия	7
Приложение А.....	8
Приложение Б	22
Приложение В	38
Приложение Г	58
Приложение Д.....	69
Приложение Е	83
Приложение Ё	101
Приложение И.....	118

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА
ИНСТИТУТ ПРАВА
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВА

СОГЛАСОВАНО

(руководитель от организации)
кандидат полит. наук Р.И. Гриванов

УТВЕРЖДАЮ

(руководитель практики от ВГУЭС)
кандидат полит. наук А.А. Николенко

«___» _____ 20__ г.

«___» _____ 20__ г.

РАБОЧИЙ ГРАФИК (ПЛАН)

Учебная практика по формированию навыков социального взаимодействия
(указывается вид и тип практики)

Студента Ким Елизавета Артуровна
(Ф.И.О.)

Группы БМО-19-03 курса 1 направления обучения 41.03.05 Международные отношения.
Международные отношения

Место прохождения практики: ФГБОУ ВО «ВГУЭС», Институт права, Кафедра МОП,
г.Владивосток

Сроки прохождения практики: с «13» июля 2020 г. по «25» июля 2020 г.

№ п/п	Этапы (периоды) практики НИР	Вид работ	Срок прохождения этапа (периода) практики	Форма отчетности
1	Организационный этап	1.Организационное собрание (конференция) для разъяснения целей, задач, содержания и порядка прохождения практики 2. Разработка индивидуального задания.	(до выхода на практику)	1.Решение выпускающей кафедры о назначении дня собрания. 2. Индивидуальное задание, утвержденное руководителем практики от ВГУЭС
2	Основной этап (совместный руководителей практики рабочий график (план))	1.Прохождение инструктажа по ознакомлению с требованиями охраны труда, техники безопасности, пожарной безопасности, а также правилами внутреннего распорядка. 2.Сбор информации. 3.Обработка, систематизация и анализ фактического и теоретического материала.	(время практики)	1.Дневник прохождения практики
3	Заключительный этап	Составление отчета по практике Защита отчета по практике	(последний день и после практики)	Отчет, экзаменационная ведомость

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА
ИНСТИТУТ ПРАВА
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВА

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Учебная практика по формированию навыков социального взаимодействия

Студента Ким Елизавета Артуровна

(Ф.И.О.)

Группы БМО-19-03 курса 1 направления обучения 41.03.05 Международные отношения. Международные отношения

Место прохождения практики: ФГБОУ ВО «ВГУЭС», Институт права, Кафедра МОП, г.Владивосток

Руководитель практики от ВГУЭС: кандидат полит. наук А.А. Николенко

Руководитель учебной практики по формированию навыков социального взаимодействия от профильной организации: кандидат полит. наук Р.И. Гриванов

Сроки прохождения практики: с «13» июля 2020 г. по «25» июля 2020 г.

Содержание практики:

Основная цель прохождения практики: формирование компетенций, необходимых для получения навыков по осуществлению социального взаимодействия и реализации своей роли в команде.

В ходе практики студент:

1) осуществляет самостоятельно и/или совместно с руководителем от профильной организации деятельность, связанную с определением и апробацией роли в зависимости от профессиональной области реализации проекта, участвует в различных видах общественной деятельности, участвует в реализации значимых социальных проектов и мероприятий.

Содержание задания на практику:

Выполнение заданий согласно компетенции УК-3

Планируемые результаты практики:

УК-3 СПОСОБНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РЕАЛИЗОВЫВАТЬ СВОЮ РОЛЬ В КОМАНДЕ

определять и принимать: необходимую для успешной реализации проекта роль в зависимости от профессиональной области реализации проекта

понимать: групповые и командные социально-психологические процессы

определять и апробировать: роли в группе, выстраивать социальное взаимодействие в команде

уметь: участвовать в различных видах общественно полезной деятельности с целью улучшения университетской и городской среды

уметь: участвовать в реализации значимых социальных проектов (мероприятий)

Дата составления (*до начала практики*): «10» июля 2020 г.

Руководитель практики: кандидат полит. наук А.А. Николенко (_____)
«Согласовано»

Руководитель от организации: кандидат полит. наук Р.И. Гриванов (_____)

ОТЗЫВ

руководителя практики от профильной организации
об обладании студентом компетенциями

В результате прохождения практики студента Ким Елизаветы Артуровны

показал обладание следующими компетенциями на следующем уровне:

Код компетенции	Формулировка компетенции	Сформированы полностью	В целом сформированы	Не в полной мере сформированы	Не сформированы
1	2	3	4	5	6
УК-3	Способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде	V			

Руководитель практики
от профильной организации:

Р.И. Гриванов (_____)

ДНЕВНИК

учебной практики по формированию навыков социального взаимодействия

Студента Ким Елизавета Артуровна

(Ф.И.О)

Группы БМО-19-03 курса 1 направления обучения 41.03.05 Международные отношения

Место прохождения практики: ФГБОУ ВО «ВГУЭС», Институт права, Кафедра МОП, г. Владивосток

Руководитель учебной практики по формированию навыков социального взаимодействия от профильной организации кандидат полит. наук Р.И. Гриванов

Дата (временной период)	Наименование конкретных работы (мероприятий)
13.07.2020г- 25.07.2020г.	Подготовка отчета об участии в генеральной уборке
13.07.2020г- 25.07.2020г.	Подготовка отчета по прохождению практики в центре абитуриентов
13.07.2020г- 25.07.2020г.	Подбор, анализ и систематизация научной литературы по изучаемому профилю. Включая литературу на иностранных языках с ее переводом.

Студент Е.А. Ким (_____)

Руководитель практики Р.И. Гриванов (_____)

Приложение А

Публикация на тему:

Гобелен китайского капитала на глобальном Юге. Хо-Фунг Хунг (2018)

Краткий обзор.

Хотя китайский экспорт капитала не так велик, как об этом пишут многие журналисты и аналитические центры, он определенно является растущей силой в формировании контекста развития во многих развивающихся странах. За исключением бегства капитала в финансовые центры, большинство китайских внешних инвестиций в развивающиеся регионы приходится на добывающий, инфраструктурный и торговый секторы. Китайская правительственная иностранная помощь, в основном в виде грантов и займов, растет и в развивающихся странах. Форма и размеры проникновения Китая на глобальный Юг варьируются от страны к стране, в зависимости от геополитических и геоэкономических отношений отдельных стран с Китаем, а также обеспеченности этих стран природными ресурсами. Существующая литература о Китае на глобальном Юге фокусируется главным образом на Африке. Эта статья сопровождает сборник статей, который расширяет наши знания о разнообразном влиянии Китая, изучая Аргентину, Пакистан, Филиппины и Центральную Азию. Он также рассматривает, как Китай меняет структуру глобальной политики в целом.

Введение.

За последние два десятилетия одним из наиболее значительных изменений в контексте развития на глобальном Юге стало превращение Китая из страны с дефицитом капитала и поглощением капитала в растущего экспортера капитала в мировой экономике. Она уже вызвала дебаты среди ученых и лиц, ответственных за внешнюю политику, относительно того, делает ли эта тенденция Китай новой колониальной державой в развивающемся мире, повторяя то, что делают традиционные экспортеры капитала из западных стран, или же экспорт капитала Китая способствует прогрессивному, альтернативному способу накопления, более выгодному для развивающегося мира. Эта статья сопровождает сборник, целью которого является изучение этих вопросов с помощью глобального анализа и углубленных тематических исследований.¹

В течение длительного времени основной формой экспорта капитала Китая была его массовая покупка казначейских облигаций США. Но начиная с эпохи Ху Цзиньтао (2002-2012 гг.) китайское государство направило все большую часть своих валютных резервов на поддержку исходящих прямых инвестиций китайских корпораций в инфраструктуру, горнодобывающую промышленность и другие секторы развивающегося мира. Китайское правительство и государственные банки также начали предлагать помощь в виде грантов и займов другим развивающимся странам.

¹ Китай на глобальном Юге [сборник статей] (2017) Palgrave Communications: <https://www.nature.com/collections/jplxmvbzbq/>

До сих пор многие журналистские и некоторые аналитические отчеты о масштабах китайских внешних инвестиций сбивают с толку и вводят в заблуждение. В настоящем документе представлен обзор масштабов и потоков китайского экспорта капитала в сравнительной перспективе, а также краткое изложение документов, представленных в прилагаемом сборнике.

Политическая экономия экспорта китайского капитала.

Экономический бум Китая за последние три десятилетия был обусловлен экспорт ориентированным производством. Расширение валютных резервов, которые принесли экспортные секторы, позволило государственным банкам продолжать создавать новые кредиты для стимулирования инвестиций в основной капитал. Быстрый рост инвестиций привел к избытку производственных мощностей, падению прибыли и большой задолженности в ключевых секторах (таких как сталелитейная промышленность) (Hung, 2015; Hung, 2008). Это избыточное производство является стимулом для стремления Китая экспортировать свой избыточный капитал за границу в поисках выгодных инвестиций, точно так же, как чрезмерное накопление капитала заставляло многие капиталистические державы экспортировать капитал на протяжении всей истории капитализма (Ленин, 1971 [1917]).

После глобального финансового кризиса 2008-09 годов экспорт Китая замедлился, в то время как инвестиции, финансируемые за счет долга, увеличились в рамках мега стимуляции на основе займов 2009-10 годов. После глубокого спада и сильного отскока китайский экономический рост замедлился, а отношение непогашенного долга к ВВП после 2010 года подскочило более чем до 250 процентов (и более 300 процентов, по некоторым оценкам; см. The Institute of International Finance, 2017). Это замедление и быстрое наращивание долгового бремени усилили давление на экспорт капитала. Это давление связано с переориентацией внешней политики Китая от пассивного сотрудничества с существующими державами к активному превращению экономического веса Китая в геополитическое влияние.

Исходящие прямые иностранные инвестиции Китая начали расти после 2000 года. Ежегодный приток прямых иностранных инвестиций из Китая подскочил с 2,7 млрд долларов США в 2002 году до 196 млрд долларов США в 2016 году (Рис. 1).

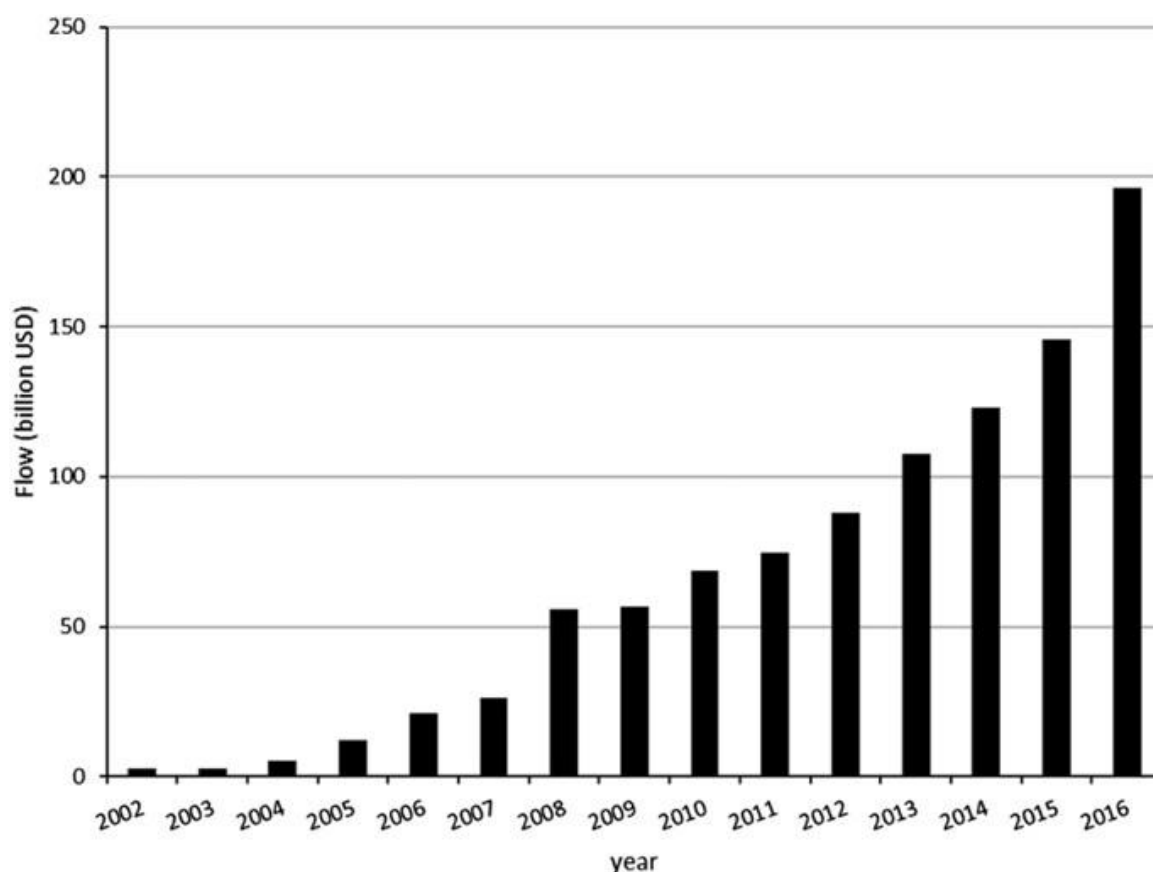

Рисунок 1

Общий объем прямых иностранных инвестиций из Китая к концу 2015 года поставил Китай в первую десятку стран-экспортеров капитала в мире, став единственной развивающейся страной в этом списке (Таблица 1 ; см. Также Hung, 2015 : таблица 5.4).

Рейтинг	регион страны	Акции (млрд долл.)	Доля от общемирового объема (%)	Регион страны	Поток (млрд долл.)
1	США	5982.8	23.9	США	300.0
2	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	1538.1	6.2	Китай	145.7
3	Германия	1812.5	7.2	Япония	128.7
4	Гонконг	1485.7	5.9	Нидерланды	113.4
5	Франция	1314.2	5.3	Ирландия	101.6
6	Япония	1226.6	4.9	Германия	94.3
7	Швейцария	1138.2	4.5	Канада	67.2
8	Китай	1097.9	4.4	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	61.4
9	Канада	1078.3	4.3	Гонконг	55.1
10	Нидерланды	1074.3	4.3	Сингапур	35.5
	Весь	17,748.4	70.9	Весь	1102.9

Официальная внешняя помощь Китая другим развивающимся странам в виде грантов и займов также резко возросла в качестве еще одного канала экспорта капитала. Общий объем расходов Китая на внешнюю помощь, выделяемых непосредственно Министерством финансов, вырос с 631 миллиона долларов США в 2003 году до 2,3 миллиарда долларов в 2016 году² (Рис. 2). Многие получатели помощи использовали эти ресурсы для приобретения китайской продукции или найма китайских компаний для осуществления различных строительных и девелоперских проектов, что еще больше стимулировало китайский экспорт и иностранные инвестиции на глобальный Юг.

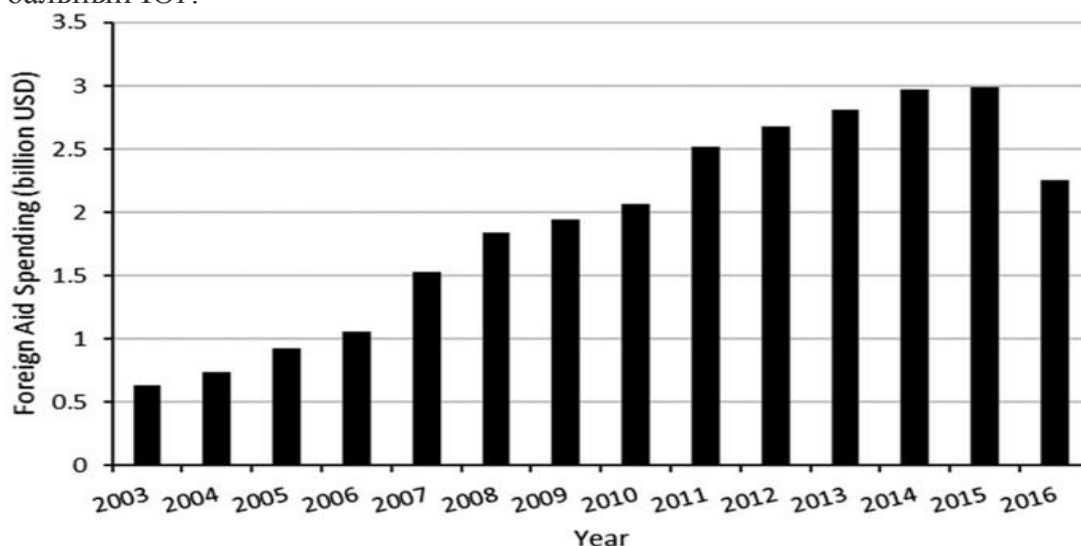

Рисунок 2

Общий объем официальной иностранной помощи Китая уже достиг уровня многих ведущих поставщиков официальной помощи в целях развития среди стран ОЭСР (Таблица 2).

Ранг	Страна	Помощь (млрд долл. США)
	Китай	2.25
1	США	33.6
2	Германия	24.7
3	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	18.0
4	Япония	10.4
5	Франция	9.5
6	Нидерланды	5.0
7	Швеция	4.9
8	Италия	4.9

² Цифра Министерства финансов, составленная China Africa Research Initiative, Университетом Джона Хопкинса, включает только гранты и беспроцентные займы, но не концессионные займы, управляемые Эксимбанком. Согласно отчету о внешней помощи Китая, опубликованному китайским правительством (CIOSO), гранты составили 36,2 процента, беспроцентные займы-8,1 процента, а льготные займы составили 55,7 процента всех китайских расходов на внешнюю помощь в период с 2010 по 2012 год.

Ранг	Страна	Помощь (млрд долл. США)
9	Норвегия	4.4
10	Испания	4.1
11	Канада	4.0
12	Швейцария	3.6
13	Австралия	3.0
14	Дания	2.4
15	Бельгия	2.3
16	Корея	2.0
17	Австрия	1.6
18	Финляндия	1.1
19	Ирландия	0.8
20	Польша	0.6

Государственные корпорации, в основном энергетические и инфраструктурные строительные компании, поддерживаемые крупными валютными резервами, поступающими из экспортного сектора, находятся в авангарде китайских внешних инвестиций в развивающиеся страны. Большинство из них сначала отправились в Африку в рамках правительственной кампании “возвращение в Африку”, направленной на ограничение экспорта сырья и энергии с континента. Их внешняя деятельность очень скоро распространилась на другие регионы, такие как Латинская Америка и Юго-Восточная Азия. После того как Си Цзиньпин пришел к власти в 2012 году, Пекин запустил инициативу “Один пояс, один путь”, которая должна способствовать созданию новой сети портов, железных дорог и автомагистралей в Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и Южной Азии, чтобы связать Китай и Европу.

Географическое и отраслевое распределение экспорта капитала Китая.

Журналистские и аналитические отчеты часто представляют картину того, как Китай скупает развивающиеся страны. Эта картина не является точной. Многие из этих докладов черпают свои данные из обещаний китайского правительства. Лишь небольшая часть таких обещаний может превратиться в реальные проекты. По данным базы данных China Global Investment Tracking Американского института предпринимательства, которая отслеживает объявления о прямых инвестициях Китая в мире, доля китайских инвестиций в Африке к концу 2016 года составляет 306,5 миллиарда долларов США. Но официальные данные Министерства торговли Китая показывают, что к концу 2015 года объем фактических прямых китайских инвестиций в Африку составил всего 34,7 миллиарда долларов США (Camba и Hung предстоящий; см. Также таблицу 4 ниже).

То же самое относится и к китайской помощи в виде грантов и займов. Согласно оценке, основанной на сообщениях СМИ, обязательства Китая по оказанию помощи Африке в 2011 году составили 189,3 миллиарда долларов США. Альтернатив-

ная оценка с более строгой методологией привела к более скромным 4,5 миллиардам долларов США за тот же год (Brautigam, 2015). Аналогичным образом, оценка глобальной иностранной помощи Китаю в 2000-2014 годах по данным AidData, которая черпает свои данные главным образом из сообщений СМИ и публичных объявлений, составляет 354,4 миллиарда долларов США, в то время как фактические общие расходы на иностранную помощь, по данным Министерства финансов Китая в 2003-16 годах, составляют только 27 миллиардов долларов США. Большое расхождение отражает тот факт, что большая часть обещанной Китаем помощи не материализуется. Сравнивая эти два показателя, мы можем получить коэффициент конверсии примерно в 8% между объявленной и фактической помощью.

Оценить реальные масштабы и охват китайских внешних инвестиций, будь то в форме FDI (прямых иностранных инвестиций) или в форме иностранной помощи, непросто, при условии, что китайское правительство не публикует подробную разбивку данных о своем внешнеэкономическом участии. То, что мы имеем, - это данные широкого круга, которые публикуются раз в несколько лет. Но, основываясь на этих прерывистых данных, мы все еще можем приблизительно отобразить структуру и распределение китайского экспорта капитала.

Таблица 3 показывает, что к концу 2016 года объем внешних инвестиций Китая значительно превысил 1 трлн долл. Гонконг и Карибские налоговые гавани возглавляют список из 20 стран, которые поглотили большую часть китайских инвестиций (измеряемых либо в запасах, либо в годовом потоке), а за ними следует целый ряд развитых стран.

Регион страны	Акции (млрд долл.)	% Делиться	регион страны
Гонконг	780.7	57.5	Гонконг
Каймановы острова	104.2	7.7	США
Британские Виргинские Острова	88.8	6.5	Каймановы острова
США	60.6	4.4	Британские Виргинские Острова
Сингапур	33.4	2.5	Австралия
Австралия	33.4	2.5	Сингапур
Нидерланды	20.6	1.5	Канада
Великобритания	17.6	1.3	Германия
Россия	13.0	1	Израиль
Канада	12.7	0.9	Малайзия
Индонезия	9.5	0.7	Luxembourg
Luxembourg	8.8	0.6	Франция
Германия	7.8	0.6	Великобритания

Регион страны	Акции (млрд долл.)	% Делить-ся	регион страны
Макао	6.8	0.5	Индонезия
Южная Африка	6.0	0.4	Россия
Лаос	5.5	0.4	Вьетнам
Франция	5.1	0.4	Нидерланды
Казахстан	5.1	0.4	ЮЖНАЯ КОРЕЯ
Вьетнам	5.0	0.4	Таиланд
объединенные арабские Эмираты	4.9	0.3	Новая Зеландия
Весь	1229.5	90.5	Весь

Это противоречит журналистскому представлению о том, что внешние инвестиции Китая в основном сосредоточены в развивающихся странах. Секторальное распределение вывозимых ПИИ Китая показывает, что сектор "лизинга и деловых услуг" является сектором, который поглощает большую часть китайского капитала во всем мире. Поскольку этот сектор охватывает широкий круг предприятий и, как полагают, включает в себя в основном инвестиции в холдинговые компании для операций слияния и поглощения, разумно предположить, что инвестиции в этот сектор больше связаны с бегством капитала из Китая, чем с производственными инвестициями. Эта гипотеза подтверждается секторальным распределением экспорта капитала Китая по различным регионам. В таблице 4 ниже показано, что китайские инвестиции в лизинг и бизнес-услуги доминируют в китайских инвестициях в Азию и Латинскую Америку.

Регион	Промышленность	Акции (млрд долл.)
Азия	Лизинговые и бизнес-услуги	331.3
	Финансовые операции	103.1
	Оптовая и розничная торговля	100.4
	Добыча полезных ископаемых	71.5
	Производство	40.7
	Промежуточный итог	647.0
Африка	Добыча полезных ископаемых	9.5
	Строительство	9.5
	Производство	4.6
	Финансовые операции	3.4

Регион	Промышленность	Акции (млрд долл.)
Европа	Научно-исследовательские и технические услуги	1.5
	Промежуточный итог	28.6
	Добыча полезных ископаемых	24.2
	Производство	16.1
	Финансовые операции	15.3
	Лизинговые и бизнес-услуги	8.0
	Оптовая и розничная торговля	5.9
	Промежуточный итог	69.5
	Лизинговые и бизнес-услуги	60.3
	Финансовые операции	23.1
Латинская Америка	Добыча полезных ископаемых	12.2
	Оптовая и розничная торговля	9.6
	Транспортные, складские и почтовые услуги	4.6
	Промежуточный итог	109.6
	Производство	12.2
Северная Америка	Финансовые операции	12.2
	Лизинговые и бизнес-услуги	6.6
	Добыча полезных ископаемых	6.5
	Недвижимость	3.8
	Промежуточный итог	41.2
	Добыча полезных ископаемых	18.6
	Недвижимость	3.0
Океания	Финансовые операции	2.6
	Лизинговые и бизнес-услуги	2.3
	Производство	1.3
	Промежуточный итог	27.8

Как показано в таблице 5, Гонконг и Каймановы острова являются двумя экономиками, поглощающими большую часть китайского капитала в этих двух регионах соответственно (Министерство торговли, 2016: Таблица 2).

Регион	Экономики	Сумма (млн долл. США)	Доля от общего числа регионов (%)
Азия	Гонконг	656.9	85.4
	Сингапур	32.0	4.2
	Индонезия	8.1	1.1
	Макао	5.7	0.7
	Казахстан	5.1	0.7
	Лаосец	4.8	0.6
	Каймановы острова	62.4	49.4
Латинская Америка	Виргинские острова	51.7	40.9
	Венеция	2.8	2.2
	Бразилия	2.3	1.8
	Аргентина	1.9	1.5
Африка	Южная Африка	4.7	13.6
	Конго	3.2	9.3
	Алжир	2.5	7.3

Принимая во внимание случаи вероятного бегства капитала, отраженного в крупных инвестициях в лизинг и сектор деловых услуг, а также финансовые услуги, секторами, которые получают большинство китайских инвестиций в развивающихся регионах, являются горнодобывающая промышленность, строительство и оптовая и розничная торговля. Это свидетельствует о том, что исходящие инвестиции Китая были обусловлены императивом Китая в ограничении поставок энергоносителей и сырья, а также в экспорте его резервных мощностей, связанных со строительством инфраструктуры. Китайские инвестиции в оптовую и розничную торговлю будут способствовать импорту Китаем сырья из других развивающихся стран и экспорту произведенной продукции в другие развивающиеся страны. Китайские инвестиции в эти сектора должны быть сосредоточены в экономиках, которые не являются финансовыми центрами (как Гонконг и Каймановы острова) в разных регионах. Таблица 5 показывает, что основными направлениями китайского капитала, исключая финансовые центры и налоговые гавани, являются Индонезия, Казахстан и Лаос в Азии, Южная Африка, Конго и Алжир в Африке, Венесуэла, Бразилия и Аргентина в Латинской Америке.

Аналогичным образом, китайские займы все больше увязываются с попыткой Китая обеспечить поставки энергоносителей и сырья, а также рынки для китайского экспорта. Во многих случаях заемщики, как сообщается, используют большую часть китайских кредитов для найма китайских компаний и приобретения китайских поставок в своих местных строительных проектах (например, кредит Китая

Эфиопии; см. Brautigam, 2011). В других случаях кредиты предоставляются странам-экспортерам энергоносителей или сырья, причем должники погашают кредит в виде определенного количества товаров. Хорошо известен пример китайских кредитов Венесуэле в размере 63 миллиардов долларов США в 2007-2014 годах в обмен на венесуэльскую нефть в качестве погашения кредита.

Экспорт капитала Китаем в виде иностранной помощи был значительным по сравнению с вывозом ПИИ. Что касается Африки, то китайская помощь превзошла внешние ПИИ как основную форму экспорта китайского капитала на континент (см. таблицу 6 ниже).

Регион	Иностранная помощь к концу 2012 года	OFDI к концу 2012 года
Азия	18.0	364.4
Африка	26.4	21.7
Европа	0.4	37
Латинская Америка и Карибский бассейн	6.5	68.2
Северная Америка	0.0	25.5
Океания	2.3	15.1
Прочее	2.3	
Весь	55.7	531.9

Как обсуждалось ранее, предполагается, что большая часть экспорта капитала Китая будет способствовать усилиям Китая по обеспечению поставок сырьевых товаров и экспорту его свободных мощностей на внешние рынки. Форма и размеры проникновения Китая на глобальный Юг варьировались от страны к стране в зависимости от геополитических и геоэкономических отношений отдельных стран с Китаем, обеспеченности этих стран природными ресурсами и экономических потребностей Китая. Таким образом, влияние Китая на глобальный Юг весьма разнообразно. Цель тематического сборника статей, сопровождающего эту статью, состоит в том, чтобы расширить наши знания о его вариации.

Существующие работы и эта коллекция.

Экономическая экспансия Китая в другие развивающиеся страны уже вызвала дебаты о том, является ли Китай неокOLONIALной державой или же он представляет собой альтернативную державу, которая помогает продвигать более равноправные международные отношения и модель развития. Например, некоторые обвиняют Китай совместно с другими странами БРИКС в инициировании новой "борьбы за Африку", напоминающей европейский раздел Африки после Берлинской конференции 1885 года (Bond, 2013). Перед саммитом БРИКС в Дурбане в 2013 году тогдашний глава нигерийского Центрального банка Ламидо Сануси написал в западных СМИ, что, принимая Китай, Африка "открывает себя для новой формы империализма", утверждая, что "Китай берет у нас первичные товары и продает нам произведенные. Это также было сущностью колониализма" (Sanusi, 2013).

Напротив, Джошуа Коппер Рамо придумал фразу "Пекинский консенсус", чтобы изобразить Китай как прогрессивную, альтернативную силу, бросающую вызов ориентированному на свободный рынок и эксплуататорскому" Вашингтонскому консенсусу" с Запада. Он утверждает, что китайский бизнес в развивающихся странах предлагает не только новые возможности, но и новые идеи развития (Ramo, 2004).

Более детальный анализ, в основном основанный на глубоких полевых работах в Африке, показывает, что картина гораздо сложнее, поскольку влияние Китая на Африку неоднородно и многое зависит от взаимодействия китайских игроков с местными условиями. Например, Дебора Бротигам считает, что размер и характер китайского СПИДа и инвестиций в различные африканские страны различаются в зависимости от ранее существовавших связей Китая с этими странами еще в эпоху Мао в 1970-х годах (Brautigam, 2011). Чинг-Кван Ли (2017), основываясь на своей многолетней полевой работе в Замбии, утверждает, что практика китайских игроков в различных африканских странах была сформирована взаимодействием между этими игроками и различными местными субъектами, такими как политические партии и профсоюзы. Это взаимодействие не предопределено структурно. Точно так же африканцы воспринимают присутствие Китая не так негативно, как это изображают многие западные СМИ. Реальное восприятие варьируется в зависимости от местного политического ландшафта и западных влияний в разных странах (Sautman and Hairong, 2009).

Те немногие исследования, в которых рассматривается связь между Китаем и Латинской Америкой, также указывают на различия в влиянии Китая на Южную Америку. Например, исследование Кевина Галлахера и Роберто Поржечнаксы показывает, что растущий спрос Китая на сырье создает благоприятную ситуацию в секторах экспорта природных ресурсов во многих странах (Gallagher and Robertom, 2010). Различные институциональные структуры различных стран опосредуют социальные и политико-экономические последствия бонанзы. В то время как некоторые страны становятся более уязвимыми для нестабильных сырьевых рынков, другие перераспределяют и инвестируют прибыль на долгосрочные социальные и экономические цели.

До сих пор эта растущая литература не уделяла достаточного внимания регионам и странам, помимо Африки, а также вероятным последствиям нового глобального проекта Китая, такого как инициатива "Один пояс-один путь" (OBOR). Влияние Китая на структуру мировой политической экономики в целом также мало изучено. Настоящий сборник статей призван восполнить этот пробел.

Статья Грелля-Бриска (2017) занимает длительную историческую перспективу для изучения влияния подъема Китая на расслоение доходов капиталистической мировой системы. С переходом Китая от периферии к полупериферии с ее огромным населением конкуренция внутри полупериферии и полупериферийного ядра будет усиливаться, открывая новые возможности для мировой политической перестройки. Такая перестройка может усугубить эксплуатацию периферии полупериферией и ядром. С другой стороны, это может спровоцировать многополярный союз между полупериферийными и периферийными государствами в споре с основными государствами.

Статья Камбы (2017) о китайских инвестициях на Филиппинах показывает, что уровень и структура китайских инвестиций в страну зависят от изменения местной

политики. Высокая политическая стабильность привлечет в будущем больше государственных инвестиций. Частные инвестиции растут, когда правовые, административные и фискальные возможности государства выше. Интенсивные элитарные и социальные конфликты, с другой стороны, будут сдерживать государственные и частные инвестиции из Китая и поощрять незаконные инвестиции. Различные виды инвестиций оказывают различное воздействие на развитие Филиппин.

Исследование Харо Слая (2017) о расширении Китая в аргентинскую сырьевую цепочку сои показывает, что растущий спрос Китая на сою усилил монополию и иностранный (китайский) контроль над каждым звеном этой цепочки. Это также ускоряет расширение неустойчивой монокультуры сельскохозяйственных границ и концентрацию землевладения, разжигая новые распределительные конфликты. Китайская связь воспроизводит эксплуататорский обмен между Аргентиной и основными державами на протяжении веков.

Помимо Юго-Восточной Азии и Латинской Америки (и Африки), Китай недавно начал проект OBOR по строительству новых транспортных, торговых и энергетических маршрутов, соединяющих Китай и Европу через Центральную Азию и Южную Азию. Этот проект все еще зеленый, и нет большой устоявшейся тенденции, чтобы смотреть на него. Использование исторического опыта для проектирования или оценки того, куда движется проект, имеет важное значение.

Хамид (2018) утверждает, что инициатива Китайско-Пакистанского экономического коридора (CPEC), которая является частью проекта grand OBOR, усиливает ранее существовавшие конфликты внутри пакистанской политической экономики. Поскольку многие проекты, связанные с этими инициативами, приносят наибольшую пользу центральному правительству и военному истеблишменту, Центрально-местные конфликты и конфликты гражданской и военной элиты поднялись над обор, бросив тень на политическое будущее инициативы.

На макроуровне обор может создать новый политический расклад по всей Евразии. Таким образом, это потенциальный игровой чейнджер, изменяющий структуру глобальной политики, как обсуждал Грелл-Бриск (Grell-Brisk, 2017). Ссылаясь на географическую динамику великой игры XIX века между Россией и Великобританией, Чэнь (2018) утверждает, что в случае успеха обор изменит политическую и экономическую географию Евразии. Это вернет Центральной Азии ее центральное место в китайско-европейских обменах. Это также создаст новые возможности для развития в давно забытых регионах. С другой стороны, Шэнь и Чань (2018) оспаривают идею о том, что китайский оборонный проект и создание новых многосторонних кредитных институтов, содействующих этому проекту, делают Китай новой глобальной гегемонистской державой, подобной послевоенному подъему США благодаря своему плану Маршала. Они указывают, что ряд условий, лежащих в основе подъема США через План Маршала, еще не присутствует в китайском проекте обор.

Все эти исследования еще раз показывают нам, что экспорт капитала Китая на глобальный Юг не является равномерным и постоянным. Поток китайского капитала варьируется по величине и структуре от места к месту и от времени к времени, а также его воздействие на принимающие страны. Поэтому мы не можем говорить о Китае на глобальном Юге как об особом процессе. Скорее, это гобелен, который ждет дальнейшего анализа с точки зрения сравнительной и крупномасштабной долгосрочной перспективы.

Рекомендации.

1. Bond P (2013) Sub-imperialism as lubricant of neoliberalism: South African 'Deputy Sheriff' Duty within BRICS. Третий Мир Q 34 (№2): 251-270
2. Brautigam D (2011) The Dragon's gift: the real story of China in Africa. Издательство Оксфордского университета, Нью-Йорк, Нью-Йорк
3. Brautigam D (2011) " партнерство Эфиопии с Китаем." Опекун. 30 декабря 2011 года
4. Brautigam D (2015) "5 мифов о китайских инвестициях в Африке." внешнеполитический. 14 декабря 2015 года
5. Camba A, Hung H (Готовится К Выпуску). Китай, Африка и глобальная экономическая трансформация. In: Alden C and Large D (eds). Новые направления в изучении Африки и Китая. Лондон: Routledge
6. Camba A (2017) межгосударственные отношения и государственный потенциал: рост и падение прямых иностранных инвестиций Китая на Филиппинах. Пэлгрейв Коммун 3: 41. <https://doi.org/10.1057/s41599-017-0033-0>. (2017)
7. CARI: China Africa Research Initiative, Университет Джона Хопкинса. <http://www.sais-cari.org/>
8. Chen X, Fazilov F (2018) Re-centering Central Asia: China ' s "New Great Game" in the Old Eurasian Heartland. Palgrave Communications 4 doi: 10.1057/s41599-018-0125-5
9. CIOSC: китайское информационное бюро Государственного Совета (2014) Белая книга о внешней помощи Китая. Китайское информационное бюро Государственного Совета, Пекин
10. Gallagher K, Roberto P (2010) The Dragon in the room: China and the future of Latin American Industrialization. Издательство Стэнфордского Университета, Стэнфорд
11. Грелл-Бриск М. (2017) Китай и глобальная экономическая стратификация во взаимозависимом мире. Коммуна Пэлгрейв 3: 17087. <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.87>
12. Хамид М (2018) инфраструктура и демократия-пример Китайско-Пакистанского экономического коридора. Коммуна палгрейв 4: <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0115-7>
13. Haro Sly MJ (2017) аргентинская часть товарной цепочки сои. Palgrave Communun 3, 17095: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.95>
14. Hung H (2015) The China boom: Why China will not rule the world. Издательство Колумбийского университета, Нью-Йорк, Нью-Йорк
15. Hung H (2008) подъем Китая и глобальный кризис Переаккумуляции. Rev Int Political Econ 15 (No. 2):149-179
16. Институт международных финансов (2017) глобальный долговой мониторинг. Октябрь 2017 года. <https://www.iif.com/publication/global-debt-monitor/global-debt-monitor-october-2017>
17. Lee CK (2017) The spectrer of global China: Politics, Labour, and foreign investment in Africa. University of Chicago Press, Чикаго
18. Ленин VI (1971) (1917) империализм, высшая стадия капитализма: популярный очерк. In: Tucker, Robert C (ed). Ленинская Антология. Нортон, Нью-Йорк, Нью-Йорк. 204-75

19. МОС: Министерство торговли Китая (2016) 2015 Статистический бюллетень прямых иностранных инвестиций Китая за рубежом. Китайская Статистическая Пресса, Пекин
20. NDRC: National Development and Reform Commission (2017) a report on China ' s outward investment. People's Daily Press, Пекин
21. ОЭСР. База данных официального помощника ОЭСР по вопросам развития (<http://www.oecd.org/dac/development-aid-rises-again-in-2016-but-flows-to-poorest-countries-dip.htm>)
22. Ramo JC (2004) The Beijing Consensus. Центр Внешней Политики, Лондон
23. Sanusi L (2013) Африка должна получить реальную информацию о китайских связях. финансовое время. 11 марта 2013 года
24. Sautman B, Hairong Y (2009) African perspectives on China–Africa links. Китай Q 199:728-59
25. Shen S, Chan W (2018) A comparative study of the “Belt and Road Initiative” and The Marshall Plan. Коммуна палгрейв 4 <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0077-9>

Хо-Фунг Хунг (2018)

Приложение Б

Публикация на тему:

Дуэльные национализмы в Северной и Южной Корее. Seo-Hyun Park (2019)

Краткий обзор.

Являются ли частые призывы политических лидеров к автономии и самостоятельности свидетельством сильного северокорейского и южнокорейского национализма? Как разделенные нации, пережившие колонизацию и интервенцию времен Холодной войны, Северная и Южная Корея характеризуются особенно националистическими тенденциями, примером которых может служить крайняя идеология самообеспечения в Северной Корее и эпизоды антияпонства и антиамериканизма в Южной Корее. Но часто игнорируется в существующих структурных или культурных детерминистских отчетах другая сторона национализма "великой державы" в обеих Кореех—то есть желание самих стать передовыми нациями, подражая успеху великих держав. Аргумент, представленный здесь, состоит в том, что такой внешний национализм также является общим источником корейской внешней политики и стал источником внутренних битв за легитимность, в ходе которых ослабленные лидеры обращаются к большей автономии, чтобы укрепить свои политические позиции. Через сравнительное изучение эволюции чучхе в Северной Корее, которая началась как реакция на воспринимаемое советское вмешательство в середине 1950 - х годов и развитие антисадовской (великодержавной) мысли в послевоенной Южной Корее, в этой статье предпринята попытка объяснить роль великих держав в борьбе за внутреннюю легитимность корейской внешней политики, а также выявить закономерности ее возникновения.

Введение.

Являются ли частые призывы политических лидеров к автономии и самостоятельности свидетельством сильного северокорейского и южнокорейского национализма? Согласно общепринятому мнению, из-за прошлого опыта колонизации и внешнего вмешательства во время Холодной войны азиатские государства считаются одними из наиболее защищающих принцип суверенитета и право на самооборону. Будучи разделенными нациями, Северная и Южная Корея проявляли сильную чувствительность к посягательствам на их суверенитет, особенно в отношениях с региональными великими державами. Например, северокорейский режим уже давно пропагандирует идеологию чучхе (самостоятельность) как способ преодоления долгой истории иностранного вмешательства—китайцев, русских, японцев и американцев—в корейскую политику. В Южной Корее анти-великодержавные настроения все чаще звучат после углубления демократизации и гражданского общества, опираясь на десятилетия различных исторических обид-воспринимаемых и реальных-против внешних акторов. В качестве альтернативы лидеры Северной и Южной Кореи могут использовать язык автономии в качестве риторической стратегии "оружия слабых", чтобы замаскировать свою зависимость и асимметрию власти по отношению к великим державам.

Но то, что часто игнорируется в этих существующих отчетах о культурном или структурном детерминизме—это другая сторона национализма "великой державы" в корейской истории, то есть желание самих стать передовыми нациями, подражая успешным моделям великих держав. Сразу после освобождения оба режима в Пхе-

ньяне и Сеуле стремились интегрировать свои политико-экономические системы в глобальную социалистическую и либерально-демократическую модели соответственно. Будучи разделенными по политическим, экономическим и социальным линиям, северокорейское и южнокорейское правительства разделяли схожие цели построения гангсон тэгук (сильного государства) и сонджингук (развитого государства) соответственно.

В этой статье я утверждаю, что такой внешний национализм также является общим источником корейской внешнеполитической риторики. Отношения с великими державами, однако, становятся источником внутренних битв за легитимность, в ходе которых ослабленные лидеры обращаются к риторике большей автономии, чтобы укрепить свои политические позиции. На основе сравнительного анализа введения и эволюции чучхе в Северной Корее, в основном реакции на воспринимаемое советское вмешательство в середине 1950-х годов, и риторики антисады Внешняя политика и" автономная оборона " (то есть меньшая зависимость от США) в Южной Корее, я пытаюсь объяснить роль великих держав в корейской внешней политике, а также выявить закономерности националистической риторики.

Девятнадцатый век происхождение дуэльных национализмов безопасности в Корее.

Националистическая риторика в корейских политических дебатах демонстрирует две ключевые характеристики: Во-первых, постоянный акцент на концепции суверенной автономии и стремление к ней; и во-вторых, модель колебаний между двумя устойчивыми рамками безопасности, которые предлагают конкурирующие взгляды на то, как управлять отношениями с великими державами. Обе эти черты были порождены широкомасштабными политическими и социальными преобразованиями конца XIX века в восточноазиатском регионе. По мере того как Цинский Китай, Япония Мэйдзи и Корея Чосон (Чосон) углубляли свое взаимодействие с западными державами, получение признания в качестве способных современных государств и повышение статуса по отношению к другим великим державам стало общей заботой.

В это время суверенная автономия стала центральной концепцией для обсуждения стратегий государственного строительства и поиска статуса в международных отношениях. Одним из понятий суверенной автономии было укрепление государства посредством повышения внешнего статуса. Открывая и вновь вводя язык из старых классических конфуцианских текстов, японские и корейские чиновники говорили о достижении статуса продвинутой нации через "богатую нацию, сильную армию " (фукоку кехэй по-японски, бугук гангбен по-корейски) в контексте переосмысленного и овеществленного иерархического порядка³. Иными словами, быть подлинно суверенным государством означало быть оцененным благосклонно по отношению к цивилизационным стандартам, продвигаемым доминирующими державами в международной системе.⁴

³ По мнению Питера Катценштейна (2010, с. 6), цивилизации внутренне разнообразны и противоречивы, но "как социальные конструкции первобытности, цивилизации могут стать политическими воплощениями, особенно при столкновении с другими цивилизациями."

⁴ См. Bowden and Seabrooke (2006, стр. 5-7) о сохраняющейся актуальности "установленных извне критериев социально-политической самоорганизации" в рамках нынешних дебатов о глобализации. Интернационализм, согласно Sluga and Clavin (2017), также был мобилизован как политическое движение, объединяющее

Именно в этом контексте концепция садае (уступчивости или почитания великих держав) впервые была политизирована—и подвергнута стигматизации—в корейской политике. Первоначально термин садае просто обозначал корейскую политику во время правления династии Чосон (1392-1910) по выплате дани и уважения китайскому императору в обмен на защиту и автономию правления, как это предписывалось традиционными конфуцианскими цивилизационными стандартами (Пак, 1977, С. 218). Это была также стратегия реальной политики для небольших государств, когда единственными возможными вариантами борьбы с цивилизационными силами были сопротивление, часто насильственное и бесполезное, или приспособление (Ledyard, 1968; Kim, 1989, PP.167-170; Chung, 2004, PP. 112-113; Larsen, 2000, PP. 17-19). Но политика и культурный контекст, подтверждающие уместность садае стал мишенью прогрессивных реформаторов в Корее, которые все больше критиковали правящих консерваторов, которые, чтобы сохранить свою власть и авторитет, продолжали полагаться на китайскую дипломатическую и военную поддержку. Эти лидеры партии просвещения (или Независимости) провозгласили в качестве своих политических целей независимость от Цинского Китая и продолжение осуществления модернизационных реформ. Подчеркивая свое стремление к независимости от китайского влияния, они называли правящие консервативные фракции партией Садае, упрекая их за рабские, рабские и отсталые взгляды и мысли.

С конца XIX века садае стал синонимом всего, что мешает корейской нации быть по-настоящему автономной⁵. Интересно, sadaejui (ориентировочно, садае мысль или великая сила поклонения) используется широко и взаимозаменяемо вместе садае, хоть и бывший-это относительно новый термин изобрел в 1900-х годах.⁶ троп из sadaejui тоже, как историк Йи ГУ-Пэк (1994, с. 177) и другие (например, Чан, 2014) напоминают нам, часто используемые угнетателем (в данном случае императорской Японией) для обвинения завоеваний и насильственного правления в слабости угнетенных (колонизированной Кореи). Короче говоря, в конце XIX века мы наблюдаем лингвистические изменения в употреблении и значении садае —от конкретной военно-политической стратегии в рамках Синоцентрического дипломатического порядка до символа устаревшего и нежелательного мировоззрения. Такое концептуальное изменение будет иметь долгосрочные последствия.

В процессе принятия дипломатических процедур и государственных институтов, основанных на формализованном, легальном Вестфальском суверенитете, чосонские (а позднее северо-корейские и южнокорейские) элиты вступили в политические дебаты—и риторические баталии—по поводу того, что представляло собой полную суверенную автономию. В то время как некоторые, такие как прогрессивные реформаторы, подчеркивали устранение и делегитимацию анахронистической политики и корыстных интересов (анти-садае), другие сосредоточились на демонстрации силы государства через институциональное строительство, а также меж-

коренное население, феминисток и антиколониалистов, а также политиков, экономистов и центральных банкиров.

⁵ Некоторые ученые, такие как Ким (2017), идут так далеко, чтобы утверждать, что “преобладающий менталитет” большинства корейцев является одним из sadaejui, который является антитезой национализму.

⁶ Другие, такие как Парк (2010) и “Кан” (2009), утверждают, что он был первоначально использовался Фукудзавы Юкити и его последователи сразу же после провала Gapshin Jeongbyeon, в 1884 государственного переворота в Корее во главе с молодой корейский прогрессивные образованные и вдохновленный реформами в Японии, в рамки происхождения с точки зрения ПРО-Цин, Sadae Консервативной партии, погрязшие в sadaejui (sadae ne shugi, в Японии) против Реформистской партии независимости.

дународное признание и поддержку (бугук гангбен). Хотя они и не обязательно взаимоисключающие, они действуют как альтернативные, часто конкурирующие, координационные центры политической мобилизации. Возможно, еще важнее то, что они остаются конкурирующими рамками политической легитимности как в северокорейской, так и в южнокорейской политике национальной идентичности. Анти-садайский фрейм мотивирует идеологию чучхе (самостоятельности или самоидентичности) в Северной Корее и призывает к Джаджу (автономии или независимости) в Южной Корее в послевоенный период. В то же время buguk gangbyeong strong-state-ism поддерживает привлекательность и резонанс официальных лозунгов, таких как gangseong daeguk (сильная великая держава) в 1990-х годах Северная Корея и сонджинхва (национальное продвижение, или становление развитой нации) и сегихва (глобализация) движут сменяющимися друг друга южнокорейскими правительствами с 1970-х годов.

Повторяющаяся националистическая риторика во внутренней политике легитимности Северной и Южной Кореи.

Предыдущий раздел продемонстрировал актуальность и непреходящее влияние концепций конца XIX века—а также контекст, в котором происходили их оспаривание и изменение—для современной националистической риторики в Северной и Южной Корее. Другие ученые также определили антисадовские настроения как основной источник широкой поддержки самостоятельности и чучхе. Например, Владимир Тихонов (2012, с. 1-2) пишет, что чучхе "во многом своей легитимностью в глазах северокорейского населения (и его немногочисленных изолированных южнокорейских сторонников) она обязана именно его (не обязательно необоснованному) заявлению о защите сущностной "Корейскости" от всех внешних угроз, особенно исходящих из "империалистических" стран."

Однако следует также отметить, что западная литература по северокорейской политике склонна преувеличивать значение чучхе как самого—возможно, единственного—важного источника всего северокорейского внешнеполитического поведения. Хотя это, безусловно, важный руководящий принцип, мы не должны упускать из виду тот факт, что Северная Корея была явно привержена Международной социалистической революции на протяжении большей части периода Холодной войны (Пак, 1996). После освобождения от японского колониального господства режимы как в Северной, так и в Южной Корее стремились подражать успешным великим державам, импортируя их политико-экономические модели и технологии, а также посылая студентов за границу. Несмотря на то, что обе Кореи чаще всего приводятся в качестве примеров стойких защитников суверенитета и принципов самообороны, часто существует напряженность между настроениями против садае, выступающих за автономию, с одной стороны, и привычным сравнительным анализом передовых наций—с другой.

Как же тогда эти дуэльные национализмы политически оспариваются в Северной и Южной Корее? Я утверждаю, что мобилизация националистической риторики происходит в Северной и Южной Корее в результате попыток лидеров сохранить или укрепить свою легитимность. Вопреки общепринятому мнению, интернационалистический способ национализма—то есть дискурс национального прогресса, ориентированный на внешний мир,—был стандартным способом, с более оборонительной, изолированной, анти—великой державой, самодостаточной позицией, подчеркиваемой в моменты внутреннего кризиса легитимности. Именно потому, что по-

следние, как правило, активизируются и мобилизуются посредством пламенных политических лозунгов или публичных состязаний в легитимности, мы с большей вероятностью признаем эту замкнутую структуру воплощением корейского национализма. В то время как эти два альтернативных националистических фрейма обычно сосуществуют в повседневной политике, в определенные периоды кризиса стремление к большей автономии от предполагаемого и будущего вмешательства великих держав рассматривается как более подлинная “националистическая” альтернатива прежним—казалось бы, скомпрометированным—политическим позициям.

Основные примеры легитимной политики в Северной и Южной Корее свидетельствуют о том, что она осуществляется в условиях крайней политической конкуренции. Дебаты между альтернативными национализмами безопасности, как правило, становятся поляризованными, особенно когда лидеры испытывают “конкурентное превосходство”, либо со стороны внешних соперников, либо внутрирежимных разногласий.⁷ Состязания за легитимность проводятся в рамках общих ограничений, часто выявляемых в языке. Сравнительные тематические исследования в этой статье дают эмпирический анализ повторяющихся споров о значении автономии с 1945 года. Политика внутренней легитимности в Северной и Южной Корее включала в себя оба источника националистических призывов—национализм сильного государства, ориентированный на соперничество, и дистанцирование или диссоциацию великой державы.

Стремление Северной Кореи к автономии: между чучхе и Кансон тэгуком.

Кризис 1956 года в Северной Корее и рождение чучхе.

В то время как северокорейский национализм часто отождествляется с самостоятельностью чучхе, Ким Ир Сен первоначально получил власть над своими соперниками под сильным советским влиянием. После Московской конференции в декабре 1945 года Советы вытеснили некоммунистических националистов из северной части Корейского полуострова. Объединившись с этническими корейскими коммунистами из Советского Союза, такими как Хо Ка и Пак Чан Ок, и представителями корейской Коммунистической партии с юга, такими как Пак Хон Ен и Пак Чон А, Ким Ир Сен успешно установил просоветский режим в Северной Корее. Революционный интернационализм поощрял такую взаимопомощь (Shen and Xia, 2015, стр. 96-97). Советская помощь имела решающее значение для промышленных операций и развития в Северной Корее в этот период, поскольку китайские коммунисты были не в состоянии сделать это. Образец подражания, воплощенный в лозунге “учись у Советского Союза!” был создан в основном во время оккупации Красной армией Северной Кореи с 1945 по 1948 год (Paige, 1963, с. 230). В феврале 1959 года Ким Ир Сен осторожно заявил: “солидарность с Советским Союзом была необходима вчера, необходима сегодня и будет необходима завтра. Эта солидарность вокруг Советского Союза не означает, что кто-то доминирует над кем-то

⁷ В своем исследовании политической мобилизации в этнических конфликтах Лейк и Ротшильд (Lake and Rothchild, 1996, р. 44) утверждают, что “политическое перекупание” происходит, когда умеренные, столкнувшись с электоральным вызовом со стороны экстремистов, склоняются к “этничности”. “Одна из причин, представленная Кауфманом, может заключаться в том, что экстремисты внутри этнических групп осуждают и наказывают выходцев из среднего класса, заставляя их выбирать этническую идентичность. Годдард (2010) также обсуждает риторическое перекупание во время конкурсов легитимности. В своем анализе элитного использования антиамериканизма Блейд и Линцер (Blaydes and Linzer, 2012) обнаруживают, что и исламисты, и секуляристы участвуют в антиамериканских притязаниях только тогда, когда они сталкиваются с интенсивной политической конкуренцией.

другим; она также не означает, что мы страдаем от sadaejuuui ...” (Paige, 1963, p. 250).

Но опыт Корейской войны (1950-1953 гг.) и последующие внешние и внутренние вызовы его власти и легитимности привели к перестройке северокорейской националистической риторики—от стремления стать частью глобальной социалистической сети к акценту на самостоятельность и отмежевание от влияния великих держав. В то время как Ким Ир Сен зависел от китайской и советской помощи во время Корейской войны, он также возмущался китайским доминированием и завидовал ограниченной военной помощи со стороны Советов, которые не хотели провоцировать конфликт с США. Когда американские воздушные налеты разрушили северокорейские города и деревни, это, вероятно, “укрепило решимость Кима уменьшить зависимость КНДР от двух коммунистических гигантов” (Szalontai, 2005, p. 33). За это время Ким также сумел устранить двух своих ключевых соперников из Китайской коммунистической партии яньаньской фракции, му Чонга и Хо ка-и, за их военные неудачи (Shen and Xia, 2015, p. 93; Szalontai, 2005, стр. 33). К 1956 году Ким Ир Сен маневрировал, чтобы очистить любую значительную политическую оппозицию от внутренней (южнокорейской) коммунистической фракции, фракции Яньань и советской фракции, несмотря на китайские и советские протесты (Shen and Xia, 2015, стр. 93-94).

Именно в этом контексте Ким Ир Сен и его сподвижники создали и институционализировали правящую идеологию чучхе (самостоятельность). Это была одновременно попытка укрепить его власть после фракционного кризиса и кризиса лидерства, а также реакция—и упреждающий вызов—на советское и китайское влияние во внутренних делах. Как Чжихуа Шэнь и Даньхуэй Ли (2011: 217) Примечание: “Ким вновь изобрел идеологию чучхе, чтобы подчеркнуть независимость Северной Кореи не только от Москвы, но и от Пекина. Под внешним видом “губ и зубов” китайско-северокорейские отношения носили неустойчивый характер. «После попытки государственного переворота 1956 года Ким Ир Сен был особенно неуверен в себе и не хотел участвовать в десталинизации советского типа или китайском эксперименте с кампанией “сто цветов”. Скорее, “ движение Чоллима 1958 года напоминало о более напряженных кампаниях в Советском Союзе и Европе, а не о гораздо более экстремальном Великом скачке вперед, несмотря на схожую терминологию” (Frank, 2010, p. 8). Как заметил Дэ Сук Су: “Вопреки распространенному мнению о том, что северокорейский маятник качался взад и вперед в Китайско-Советском споре, северокорейцы считали свою позицию столь же твердой, как они пытались сохранить свою независимость между Советским ревизионизмом и китайским догматизмом. На самом деле ... они просто пытались сохранить автономию Кореи” (Suh, 1988, p. 189).

После 1956 года Ким Ир Сен “ начал осторожно, но настойчиво сбрасывать оковы советско-китайской опеки. Он также начал избавляться от некоторых политических установок советского образца, которые были навязаны его стране. “Импортный сталинизм” конца 1940-х годов начал постепенно трансформироваться в” независимый сталинизм ”” (Ланьков, 2005, с. 4). Когда в феврале 1956 года среди социалистических стран начал циркулировать “секретный доклад” Никиты Хрущева, осуждающий сталинское руководство Ким созвал специальный пленум партии и съезд корейской рабочей партии, на котором он “доказывал, что сталинские извращения неприменимы к Северной Корее, которая всегда имела подлинное коллективное руководство” (Радченко, 2017). Ким также осторожно добавил: “овладеть

марксизмом-ленинизмом не значит слепо выучить отдельные положения марксистско-ленинской теории наизусть. Это значит уметь понять революционную сущность этой теории и на ее основе научно обобщить опыт революционной борьбы и поставленные действительностью вопросы, сделать из них правильные выводы и применить их в практической работе” (запись выступления Ким Ир Сена на III съезде корейской рабочей партии).

В ответ Леонид Брежнев выступил с язвительным докладом на III съезде КПСС:

"Несмотря на совершенно очевидные факты, всячески подчеркивалось, что в КВП и в работе ее ЦК последовательно проводился принцип коллективного руководства и что культ личности не произошло. Пак Хеонен (Pak Hon-yong) предположительно пытался распространить его, но он был разоблачен вовремя и т. д. Все это не соответствует действительности. Культ Ким Ир Сена продолжает процветать в КНДР. Об этом говорят многочисленные портреты, бюсты, всевозможные экспонаты, фильмы, картины и книги, полностью посвященные прославлению Ким Ир Сена" (отчет о III съезде корейской рабочей партии).

Брежнев также критиковал отсутствие признания советской помощи. Он пишет: "известно, что помощь Советского Союза и других социалистических стран играет большую роль в возрождении экономики КНДР. Однако ничего конкретного на этот счет в докладе сказано не было. Размер помощи не назывался, не указывалось, как она используется, какие недостатки имеются в этом вопросе, как предлагается использовать оставшуюся часть ресурсов” (протокол III Съезда корейской рабочей партии).

В январе-феврале 1957 года девять из семнадцати советников министерского уровня были отозваны Москвой. В символически важном жесте северокорейские власти распорядились, чтобы все классы шестой средней школы, где училось большинство советских корейцев во втором поколении, преподавались на корейском языке. В 1957 и 1958 годах число северокорейских студентов за рубежом было значительно сокращено, и в начале 1958 года северокорейское правительство решило направить в СССР только аспирантов (и ни одного магистранта) в попытке подавить возможности дезертирства (Ланьков, 2005, С. 186-188). Сохраняя и укрепляя некоторые сталинские институты, они все больше приобретали националистический оттенок. Например, после середины 1950-х годов Нодун синмун больше не публиковал классическую китайскую поэзию, потому что ее считали “лакейской” (Ланьков, 2005, с. 175-176).

В феврале 1958 года Северная Корея и Китай подписали соглашение о выводе китайских войск (китайских народных добровольцев) с территории Кореи, что стало еще одной дипломатической победой и пропагандистским инструментом режима в Пхеньяне. Северная Корея, в отличие от Южной Кореи, избавилась от иностранного военного присутствия, а уход Китая также ограничил возможности Пекина напрямую влиять на северокорейскую внутреннюю политику (Ланьков, 2005, с. 189). Ким также начал подчеркивать национальную "самодостаточность" в послевоенном экономическом восстановлении, даже когда он в частном порядке признал значительные объемы помощи, оказанной Китаем и советами.⁸

⁸ Чжихуа Шэнь и Даньхуэй Ли (2011, стр. 199-200) подробно описывают некоторые из этих пособий. "Чтобы помочь восстановлению и развитию экономики Северной Кореи, Москва и Пекин оказали Пхеньяну крупномасштабную помощь. Помощь Китая Северной Корее была огромной. За четыре года с 1954 по 1957 год Китай бесплатно предоставил Северной Корее 8000 миллиардов китайских иен, или 1,6 миллиарда рублей;

К концу 1950-х годов " и Китай, и СССР, главные иностранные покровители Северной Кореи, стали одновременно позитивными и негативными моделями для руководства Пхеньяна. И культурную революцию, и десталинизацию а-ля Хрущев надо было предотвратить любой ценой, поскольку они могли угрожать стабильности местной властной иерархии" (Тихонов, 2012, стр. 3). В 1958 году Ким Ир Сен встал на" автономный " путь экономического развития, известный как Чоллима Ундонг, чтобы уменьшить вмешательство как Китая, так и Советского Союза. Резкое сокращение советской помощи и китайско-советский раскол усилили чувство необходимости экономической самостоятельности. Режим Кима ответил лозунгом *uri-sik sahoejuui* (северокорейский социализм) или *sahoejuui-jeok aegukjuui* (социалистический патриотизм) (Пак, 1996, р. 35, 67). После противостояния китайской интервенции во Вьетнаме, в 1965 году, Ким объявил о своем "чучхе (самостоятельная автономия или независимость) в идеологии, *jaju* (автономия или самоуправление) в политике, *jarip* (самостоятельность) в экономике, *jawi* (самооборона) в национальной безопасности" платформа на Бандунгской конференции, состоявшейся в Индонезии. В 1966 году он провозгласил чучхе (самодостаточную автономию) официальной идеологией Северной Кореи в Нодонг синмуне и начал дистанцировать Северную Корею от Китая (Yi, 2013, с. 91-92; Jeon, 1994, с. 71).⁹ на первой сессии четвертого Верховного Народного собрания Ким Ир Сен выступил с речью, в которой подчеркнул важность чучхе этот вопрос он охарактеризовал как " вопрос особой важности в свете географического положения и окружающей среды [Северной Кореи], специфики ее исторического развития и сложного и трудного характера революции [в стране]. Кроме того, он добавил: "как полноценное, независимое государство, наша страна теперь самостоятельно устанавливает свои собственные линии и политику и осуществляет полное равенство и суверенитет в своих внешних отношениях" (Институт истории партии, 1971, С. 553-554). К 1970 году Ким уверенно говорил о создании чучхе- определяется как " революционная линия на независимость, самостоятельность и самооборону" -как "постоянный руководящий принцип [партии]" и что "непоколебимая борьба Северной Кореи против лакейства и догматизма" нашла свое отражение в политическом, экономическом, военном восстановлении страны (Ким Ир Сен, 1986).

Отношения между Северной Кореей и Китаем оставались напряженными на протяжении всего китайско-советского раскола начала 1960-х годов, культурной революции и американо-китайской разрядки в начале 1970-х годов (Lee, 2000, р. 8; Neo and Ma, 2011, р. 34). На протяжении всей этой серии внешних кризисов Ким Ир Сен сумел укрепить свой контроль и привести в действие свои планы по династическому преемству. В декабре 1972 года была принята новая Конституция, превратившая Ким Ир Сена из премьер-министра Кабинета министров в президента республики. Он вновь подчеркнул чучхе в качестве руководящего принципа для всей армии и страны и сплотил северокорейцев, чтобы преследовать уникальный северокорейский стиль социализма. Именно в это время Пхеньян начал наращивать

Китай простил Северной Корее все свои военные займы с 1950 по 1953 год, которые составили 7,290 миллиардов китайских иен, или 1,45 миллиарда рублей; и Китай принял 22 735 этнических корейских военных сирот в Северо-Восточном Китае в течение трех лет войны и взял на себя все расходы по проживанию северокорейских граждан и их семей, в общей сложности 31 338 человек, которые отвечали за образование этих сирот.

⁹ О сходстве акцентов на чучхе (автономии) Ким Ир Сена и Пак Чон Хи во время Холодной войны см. Ким (1999, стр. 99-100).

усилия по налаживанию связей с другими странами “третьего мира”, такими как Пакистан, Судан, Замбия, Сомали, Танзания, Мозамбик, Алжир, Ирак, Арабская Йеменская Республика и йеменская Народная Республика. Правительство Северной Кореи также продолжало стремиться к дистанцированию как от Советского Союза, так и от Китая. Восточногерманское посольство сообщает, что “несмотря на хорошие отношения между КНДР и КНР, существуют также оговорки, логически вытекающие из китайского национализма и великодержавного шовинизма. Продолжая настаивать на “независимости” и “самостоятельности”, КНДР, несомненно, посылает КНР сигнал о том, что она [КНДР] не желает полностью подчиняться китайским интересам. Видимо, корейское руководство хочет сохранить определенное пространство маневра для своих отношений с Советским Союзом и нашими странами” (тезисы о современном состоянии отношений КНДР и КНР, 1973).

Поворот к риторике сильного государства (гангсон тэгук) в 1990-е годы.

В то время как чучхе служил легитимирующей идеологией для северокорейских элит в послевоенный период и был неотъемлемой частью безопасности режима (Armstrong, 2013, pp.3-18; Cheong, 2011; Park, 2002), ряд вызовов безопасности в конце 1980-х годов привел к переформулировке риторики Пхеньяна. Смерть Ким Ир Сена в 1994 году и тяжелые экономические трудности, а также стихийные бедствия, приведшие к гибели миллионов людей, заставили северокорейский режим изменить свой язык легитимации—от акцентирования самостоятельности к выживанию, социальному единству и укреплению государства.

После официального вступления Ким Чен Ира на престол в 1998 году и укрепления его власти северокорейское руководство выдвинуло новый лозунг - “гангсон тэгук” (буквально - “могущественная процветающая нация”). Впервые этот термин появился в сентябре 1998 года в редакционной статье под заголовком “Давайте построим Кансон Тэгук [gangseong daeguk] во главе с великим руководством партии.” Она быстро стала доминирующей риторикой в 1999 году и на протяжении всего начала 2000-х годов (Kwon and Cho, 2014, p. 139). Учитывая цель стать гангсон тэгуком к 2012 году Ким Чен Ир нуждался в экономической и политической поддержке Китая, который пытался оказать давление на Северную Корею, чтобы она приняла экономические реформы. В июле 2002 года Пхеньян объявил об ограниченных мерах экономической реформы, которые были сосредоточены главным образом на либерализации цен и корректировке заработной платы (Joo, 2009, p. 184). Другие более конкретные цели в рамках инициативы gangseong daeguk включали строительство 100 000 жилых домов в городе Пхеньян, завершение строительства завода Hoeryong в Янггандо и открытие 105-этажного отеля Ryugyong (Gomi, 2014, p. 118).

Противостояние с Соединенными Штатами по ядерному развитию и внезапная смерть Ким Чен Ира в 2011 году привели к снижению использования лозунга gangseong daeguk. Но это говорит о том, что, несмотря на традиционные представления о Северной Корее как о статичной, изоляционистской, коммунистической стране, Пхеньян ответил на внешние и внутренние вызовы поиском новых способов легитимации и реконструкцией националистических дискурсов (Cho, 2011).

Дуэльные национализмы в послевоенной Южной Корее.

Антисадовский национализм в период после обретения независимости.

В период после обретения независимости в оккупированной США Южной Корее, несмотря на идеологические разногласия, все политические партии были едины в вопросе восстановления суверенитета и права на самоуправление. Сразу же после

освобождения Ким Ку заявил: "первая задача нашей нации-построить полностью независимую страну, которая не будет сдерживаться или зависеть от других стран" (Ким, 1985, с. 50). И Ким ку, и Сингман Ри справа черпали свою политическую легитимность из своего положения лидеров движения за независимость (Cheong, 1991, стр. xi-xii). Левые, несмотря на фракционные разногласия, были также объединены общей целью восстановления суверенитета и укрепления автономии национализма. Большая часть общественной поддержки корейских коммунистических лидеров основывалась не столько на их приверженности марксистско-ленинской идеологии, сколько на том факте, что они возглавляли движения сопротивления японскому империализму. На самом деле многие лидеры Северной Кореи не могли отличить коммунизм от национализма, приняв коммунизм за его антиимпериалистическую доктрину, чтобы поддержать свое национально-освободительное движение. Повторяя политическую позицию лидеров Движения за независимость в конце XIX века, националистические лидеры в Южной Корее в послевоенный период обвинили правых в том, что они придерживаются садае са-санг (идеологии уступки великим державам), поскольку последние предпочитали искать внешнюю помощь и опеку для национального строительства (Kim, 1995, PP.189-191). Например, Е Ун Хен утверждал в декабре 1945 года, что:

"Наш проект [государственного строительства] должен теперь иметь дело с иностранными державами. Им будет показана квалификация наших 30 миллионов человек. То, что мы находимся в ситуации, когда нам приходится принимать двух почетных гостей, действительно представляет собой затруднительное положение. Но мы всегда должны избегать унижения и слабости, которые являются нашей садае са-санг (идеологией подчинения великим державам), которая преследует нашу историю в течение 500 лет¹⁰.

Однако раскол между националистами и садае на Корейском полуострове сменился поляризационной реакцией на предложение, озвученное в декабре 1945 года на конференции министров иностранных дел в Москве, поставить Корею под совместную опеку внешних великих держав. Среди более чем 70 политических партий, сформированных после обретения независимости (Kim, 1995(с. 121), приоритеты национального восстановления варьировались на основе альтернативных государственно-укрепляющих национализмов: немедленная суверенная независимость, с одной стороны, и постепенное восстановление за счет международной поддержки, с другой. В целом южнокорейцы рассматривали опеку как продолжение зависимости от внешних держав, причем Соединенные Штаты и Советский Союз заменили позицию, ранее занимаемую Японией¹¹. использование преимуществ поддержки, созданной благодаря антисадам, анти-трастовая кампания, Сингман Ри начал кампанию по дискредитации левых, поддерживающих опеку, как антинационалистов. Он еще больше отделил себя от внешней зависимости, избегая националистической позиции своего соперника Ким Ку (ban woese), и начал мобилизовывать антикоммунистическое движение, чтобы искать американской поддержки (Choi, 2002, PP.18-19). После неудач совместной американо-советской комиссии 1946 года и леворадикального коалиционного комитета (Jwa-u harjak

¹⁰ Цитируется по Ким (1986, с. 39)

¹¹ В ответ на корейскую оппозицию генерал Джон Р. Ходж, глава американских оккупационных властей в Корее, попытался объяснить на пресс-конференции 31 декабря, что опека принципиально отличается от японского империализма. См. Jeon (2002, p. 83).

wiwonhoe)¹² Американские официальные лица решают провести отдельные выборы под наблюдением Организации Объединенных Наций. Опасаясь продолжения раскола страны, Ким ку и Ким Гю Сик бойкотировали выборы в Южной Корее, что позволило Ри стать инаугурационным Президентом Республики Корея 15 августа 1948 года (Kim, 1995, PP.233-235; Chung, 2000, PP. 127-135).

Шок Никсона и автономная оборона в Южной Корее.

После захвата власти в результате военного переворота в 1961 году Пак Чон Хи попытался компенсировать свою недостаточную легитимность, подчеркнув, как поддержку со стороны Соединенных Штатов, так и экономическую самостоятельность. Он обнародовал свои амбициозные и решительные планы “национальной реконструкции”, которые позволят Южной Корее стать Сонджин-Гук и достичь статуса “первоклассной нации”. Но эта тщательно продуманная кампания по строительству Сонджин-ГУК стала предметом политических споров к 1970-м годам и позже продолжала мотивировать антиамериканские и антигегемонистские дискурсы вовремя и после демократизации в Южной Корее.

Кризис легитимности южнокорейского президента Пака в начале 1970-х годов начался с нарастающих признаков снижения обязательств Вашингтона в области безопасности в конце 1960-х годов, таких как “предательство” Тайваня США и Японией, отступление США из Вьетнама и планы Никсона по выводу войск с Корейского полуострова. Статус Южной Кореи как верного антикоммунистического союзника также был подорван китайско-американским сближением. Еще один вызов политической легитимности Пака был продемонстрирован очень близкими результатами выборов в апреле и мае 1971 года, на которых Пак и его правящая партия едва не победили Ким Дэ Чжуна и новую демократическую партию.

Чтобы укрепить свою легитимность, Пак перенес фокус своего политического мандата с антикоммунистического партнерства с США на государственную программу военной, политической и экономической самостоятельности. Он внес радикальные институциональные и политические изменения, такие как авторитарная Конституция Юшина, развитие местной оборонной системы, запуск пятилетнего плана военной модернизации и планы приобретения независимого потенциала ядерного сдерживания, что создало значительную напряженность в отношениях между Южной Кореей и США (Nam, 1986, с. 103).¹³ Такие изменения в политике были также сопровождается изменением парка политическую риторику—с акцентом на “национальной реконструкции” и “модернизации” в начале - в середине 1960-х годов к самостоятельности (jarip) в 1970-х годах. В 1960-х годах, парк неоднократно говорил о цели экономической реконструкции—построить “богатая страна, сильная нация” (buguk gangbyeong) —и догнать западные великие державы. К 1970 году он стал уделять гораздо больше внимания экономической и военной самостоятельности, а также поддержанию антисадовских настроений отношения. В своей речи, произнесенной 1 января, он утверждал: “Мы должны обеспечить нашу собственную независимую силу самообороны, достаточную для подавления любой северокорейской агрессии без помощи других наций. Это то, что я называю духом Самопомощи, самостоятельности и уверенности в себе” (Park, 1970, p. 83).

¹² Эта коалиция умеренных, возглавляемая Ким Гю Сиком и Е Ун Хеном, была создана в октябре 1947 года, но вскоре стала недееспособной после убийства Е. О формировании и деятельности коалиционного комитета см. Jeon (2002); Oh (2002).

¹³ О “потере” Вьетнама и доктрине Никсона как критическом моменте для корейской политики, позволившем Пак Чон Хи ввести юшинские реформы, см. Oh (1999).

Вывод.

Каковы ставки, связанные с пониманием этих дуэльных национализмов в политике Северной и Южной Кореи? Эмпирически предположения о корейском национализме часто приводят к ошибочным или непоследовательным предположениям о внешнеполитических предпочтениях и поведении. Например, нам говорят, что чучхе-национализм—это то, что сделало возможным северокорейское ядерное развитие, и что режим Ким Чен Ына будет ревниво и яростно охранять его до самого конца. Здесь мы слишком много предполагаем о чучхе как единственная жизнеспособная форма северокорейского национализма. В то же время, однако, ожидания китайского влияния и рычагов влияния на Северную Корею пронизывают нынешние дискуссии, особенно в Соединенных Штатах, о том, как бороться с распространением ядерного оружия в Восточной Азии. Здесь северокорейский национализм почти не имеет значения и считается не более чем "дешевым разговором". Тем не менее, Северная Корея представляет собой одну из самых сложных проблем для китайского правительства, как в современный период, так и исторически; "перипетии международного коммунистического движения в период с 1950 по 1960 год нашли свое отражение и в изменениях китайско-северокорейских отношений" (Shen and Xia, 2015, стр. 92). Принимая во внимание устойчивые модели оспариваемой национальной идентичности в послевоенной Северной Корее, мы получаем более глубокое понимание альтернативных—иногда конкурирующих—идеологических источников внешней политики и стратегий внутренней политической легитимации лидеров. Он также предполагает, что северокорейские лидеры, как и политические лидеры других стран, должны обслуживать, реагировать и быть чувствительными к внутренним политическим аудиториям, создавая повествования, которые резонируют с общественностью и мобилизуют ее поддержку.

Тщательный анализ северокорейской и южнокорейской политики национальной идентичности также предлагает теоретические идеи. Корейские националистические дискурсы не являются ни единственно уникальными, ни единственно единичными. Они не являются исключительно результатом индивидуального риторического выбора харизматических лидеров или их культов личности, как это обычно характеризует чучхе Ким Ир Сена или Джаджу гукбанга Пак Чон Хи. Не существует также господствующего или гегемонистского стиля, или категории национализма, которые были бы с готовностью приняты большинством или всеми корейцами. Существующие исследования корейского национализма, как правило, подчеркивают уникальность Корейского контекста, например, противопоставление северокорейского и южнокорейского национализмов друг другу во время Холодной войны (Bleiker, 2005) или устойчивый этнический национализм в обеих странах (Shin, 2006). В недавнем исследовании Кэмпбелл (2016 3) утверждает, что южнокорейцы избегают этнически обоснованного национализма и связанного с ним объединительного дискурса и принимают "новый тип национализма", который может быть охарактеризован более современным, космополитическим, интернационалистическим национализмом, в значительной степени обусловленным сменой поколений. Хотя выделение конкретных структурных или культурных факторов является плодотворной исследовательской стратегией, это исследование предполагает ценность альтернативного подхода—такого, который выходит за рамки того, что кажется доминирующей националистической риторикой в данном контексте. Корейские националистические дискурсы исторически различались и не должны рассматриваться как единые, одномерные реакции на иностранное вмешательство или влия-

ние, такие как колонизация в начале XX века, Корейская война или соперничество времен Холодной войны. Я подчеркиваю в этой статье устойчивые модели оспаривания национальной идентичности и дуэльной националистической риторики в Северной и Южной Корее после 1945 года, истоки которых можно проследить до рамок безопасности, сформулированных в ходе бурной трансформации регионального порядка в конце девятнадцатого века и подкрепленных общим историческим опытом, таким как потеря суверенитета и последующий раздел страны.

Рекомендации.

1. Армстронг С. (2013) роль и влияние идеологии. In: Park Kyung-ae, Snyder Scott (Eds). Северная Корея в переходный период: Политика, Экономика и общество. Rowman & Littlefield, Lanham
2. Blaydes L, Linzer DA (2012) Конкуренция элит, религиозность и анти-американизм в исламском мире *Am Political Sci Rev* 106 (2):225-243
3. Блейкер р. (2005) разделенная Корея: к культуре примирения. Издательство Университета Миннесоты, Миннеаполис
4. Bowden B, Seabrooke L (2006) Цивилизуя рынки с помощью глобальных стандартов. В: Bowden Brett, Seabrooke Leonard (eds) глобальные стандарты рыночной цивилизации. Раутледж, Нью-Йорк
5. Campbell E (2016) новый национализм Южной Кореи: конец "единой Кореи"? Lynne Rienner Publishers, Inc, Боулдер и Лондон
6. Cheong S-H (1991) Политика антияпонских настроений в Корее: японо-южнокорейские отношения в условиях американской оккупации, 1945-1952 гг. Гринвуд Пресс, Нью-Йорк
7. Cheong SC (2011) современная северокорейская политика: история, идеология и система власти. Ханвол, Сеул
8. Cho YC (2011) северокорейский националистический дискурс: критическая интерпретация *Korea Obs* 42 (2):311-343
9. Choi S-Y (2002) дебаты об опеке и Корейская холодная война. В: о Бонни до н. э. (ред.) Корея под американским военным правительством. Прегер, Уэстпорт, Коннектикут
10. Chung H (2000) Корея и Соединенные Штаты через войну и мир. Издательство Университета Йонсей, Сеул
11. Chung Y-H (2004) Munmyung ui cheongchi sasang: Yu Kil-chun kwa keundae Hanguk [Политическая Теория цивилизации: Yu Kil-chun и современная Корея]. Munhak kwa chiseong sa, Сеул
12. Cumings B (1981) *The Origins of the Korean War*, volume 1. Издательство Принстонского Университета, Принстон
13. Франк р. (2010) социалистический неоконсерватизм и северокорейская внешняя политика. В: Парк Ген-Аид. Новые вызовы северокорейской внешней политики. Пэлгрейв Макмиллан, Нью-Йорк
14. Goddard SE (2010) неделимая территория и Политика легитимности. Издательство Кембриджского Университета, Нью-Йорк
15. Gomi Y (2014) Bukhan gwa Jung-guk [Северная Корея и Китай], trans. Донг-УК Ким и др. Академия Ханул, Сеул
16. Neo M-Y, Ma M-h (2011) Jungguk ui busang e daehan Bukhan ui insik gwa daeung [понимание Северной Кореи подъема Китая и реакция на него]. Корейский институт Национального объединения, Сеул

17. Jang I-S (2014) Junghwa cheje WA sadae: Han-jung sadae gwangye e gwanhan jeongchihak jeok haeseok [Tianxia, Power Structure and Sadae: Revising the Meaning of Sadae in China-Korea Tribute Relations]. Han-guk dong-yang jeongchi sasangsa yeon-gu [Korean Rev Asian Political Thought] 13 (2):185-218
18. Jeon S-I (1994) Bukhan minjokjuui yeon-gu [исследование северокорейского национализма]. Минджок Тун иль Ен ГУ вон
19. Чон СС (2002) корейская политика США и умеренные в эпоху военного правительства США. In: Oh BonnieBC (Ed) Korea under the American Military Government, 1945-1948. Прегер, Вест порт
20. Joо S-H (2009) Политика Северной Кореи В Отношении России. Квак Тхэ Хван, Чжу Сын Хо (ред.) внешняя политика Северной Кореи при Ким Чен Ире: новые перспективы. Эшгейт, Берлингтон
21. Kang D-G (2009) ' Sadaejuui ' ui giweon [происхождение Sadaejuui]. Ilbon gong-gan [Jpn Space] 5: 138-162
22. Katzenstein PJ (2010) a world of plural and pluralist civilizations: multiple actors, traditions, and practices. В: Katzenstein PeterJ(ed) Civilizations in world politics: plural and pluralist perspectives. Паутледж, Нью-Йорк
23. Kim G-S (1985) 8·15 jik hu jeongchi jidojadeul ui noseon bigyo” [сравнение политических идеологий корейских лидеров сразу после освобождения 1945 года]. In: Kang Man-gil, et al. (eds) Haebang jeonhusa ui insik [взгляды на историю корейской политики до и после освобождения], том 2. Хан-гильса, Сеул
24. Ким Х-К (1995) разделение Кореи и процесс создания альянсов: интернационализация внутреннего конфликта и интернализация международной борьбы, 1945-1948. University Press of America, Ланхем
25. Ким Иль (1986) заключительное слово на пятом съезде Трудовой партии Кореи". 13 ноября 1970 года. Цифровой архив программы истории и государственной политики, Ким Ир Сен, труды, т. 25 Января-Декабрь 1970 Года. Издательство иностранных языков, Пхеньян, стр. 327-333
26. Kim J-H (1999) Nambukhan jibae damron ui minjokjuui bigyo yeon-gu [сравнительное исследование национализма как гегемонистских дискурсов в Северной и Южной Корее]. Кандидатская Диссертация, Университет Йонсей
27. Kim Y-J (1989) Hanmal naesyonollijum yeonku [исследование корейского национализма в позднем Чосонском периоде]. Чонг Ге енкусю, Сеул
28. Kim Y-M (2017) Han-guk minjokjuui ui jaengjeom [проблемы, связанные с корейским национализмом]. Hanguk jeongchi oegyosa nonchong [J Korean Political Dipl Hist] 38 (1):217-247
29. Kwon S, Cho YC (2014) легитимность и безопасность режима в Северной Корее: политика лозунга Пхеньяна. Dongseo yeon-gu [East West Stud] 26 (4):119-147
30. Lake DA, Rothchild DS (1996) Containing fear: The origins and management of ethnic conflict Int Secur 21 (2): 41-75
31. Ланьков А (2005) кризис в Северной Корее: провал десталинизации, 1956. Пресс-центр Гавайского университета и центр корейских исследований, Гавайский университет, Гонолулу

32. Larsen KW (2000) От сюзеренитета к торговле: китайско-корейские экономические и деловые отношения в период открытого порта (1876-1910), кандидатская диссертация, Гарвардский университет
33. Ledyard GK (1968, октябрь) Han-guk-sa-ui sadaejuui [Sadaejuui в корейской истории]. Син ДонгА
34. Lee J-S (2000) Bukhan-Jungguk gwangye 1945-2000 [северокорейско-китайские отношения, 1945-2000]. Чжунсим, Сеул
35. Nam J-H (1986) приверженность Америки Южной Кореи: первое десятилетие доктрины Никсона. Cambridge University Press, Кембридж
36. Oh Bonnie BC (2002) Kim Kyu-sik and The Coalition Effort. In: Oh Bonnie BC (Ed.) Корея при американском военном правительстве, 1945-1948 годы. Прегер, Вестпорт
37. Oh JK-C (1999) корейская политика: стремление к демократизации и экономическому развитию. Cornell University Press, Итака и Лондон
38. Пейдж Г. Д. (1963) Северная Корея и подражание русскому и китайскому поведению. В: Barnett A Doak (ed) Communist Strategies in Asia: a Comparative Analysis of Governments and Parties. Фредерик А. Прегер, Нью-Йорк
39. Pak C-S (1977) Hanguksa e isseoseo ui kukche jilseo kwan nyum e kwan han sochal [исследование концепций мирового порядка в корейской истории]. Kukje jeongchi nonchong [обзор международной политики] стр. 17
40. Pak J-H (1996) Buk-han minjokjuui teukseong yeon-gu" [исследование особенностей северокорейского национализма]. Магистерская диссертация, Университет Йонсей
41. Park B-J (2010) Gapshin Jeongbyeon gwa Gabo Geyongjang sigi ui sadae wa donnip ui uimi [значение слова "садае" и "независимость" в эпоху переворота 1884 года и реформы Кабо]. Hanguk hak yeongu [J Korean Stud] 34:39-64
42. Пак ХС (2002) Северная Корея: политика нетрадиционной мудрости. Издательство Линн Риннер, Лондон
43. Park S-H (2017) суверенитет и статус в восточноазиатских международных отношениях. Cambridge University Press, Кембридж
44. Институт истории партии ЦК Трудовой партии Кореи (1971) Ким Ир Сен: Избранные труды IV. издательство иностранных языков, Пхеньян
45. Радченко С. (2017) "мы не хотим его свергать": Пекин, Москва и Ким Ир Сен, 1956. "Блог Международного Центра ученых имени Вудро Вильсона: источники и методы. 7 августа. <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/we-do-not-want-to-overthrow-him-beijing-moscow-and-kim-il-sung-1956>.
46. Запись выступления Ким Ир Сена на третьем съезде корейской рабочей партии (1956) программа истории и государственной политики цифровой архив, ГАРФ, Фонд 5446, Опис 98, дело 721, список 229-250. 23 апреля 1956 года. Перевод Гэри Голдберга. <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120185>.
47. Запись третьего съезда корейской рабочей партии Л. И. Брежнева (1956) программа истории и государственной политики цифровой архив, ГАРФ, Фонд 5446, Опис 98, дело 721, список 221-228. 30 апреля

- 1956 года. Перевод Гэри Голдберга.
<https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120183>.
48. Sluga G, Clavin Peds. (2017) интернационализм: история двадцатого века. Издательство Кембриджского Университета, Нью-Йорк
 49. Су Д-С (1988) Ким Ир Сен: Северокорейский Лидер. Издательство Колумбийского Университета, Нью-Йорк
 50. Салонтей Б (2005) Ким Ир Сен в эпоху Хрущева: советско-КНДРСКИЕ отношения и корни северокорейского деспотизма, 1953-1964. Пресс-центр Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия
 51. Тезисы о современном состоянии отношений между КНДР и КНР (1973) история и государственная политика программа цифровой архив, PolA AA, MfAA, C 295/78. 01 февраля 1973 года. Получено для НКИДП Берндом Шефером и переведено для НКИДП Карен Рихерт.
<https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116677>.
 52. Тихонов В. (2012, 11 февраля) преодоление границ, охват других: национализм и транснационализм в современной и современной Кореи. Азиатско-Тихоокеанский Журнал 10-7-3
 53. Yi H-R (2013) Bukhan ui dae-Jung jeongchaek e yeonghyang eul michin naebu jeok yeoksajeok yoin eun mueotinga [каковы внутренние и исторические факторы, повлиявшие на политику Северной Кореи в отношении Китая?]. In: Jeong Deok-gu, Chu Shulong (Eds) Giro e seon Buk-Jung gwangye [North Korea-China Relations at a Crossroads]. JoongAng Books, Сеул

Seo-Hyun Park (2019)

Приложение В

Публикация на тему:

Изменение политики и нарративы российских мозговых центров.

Эдвин Бэкон(2018)

Краткий обзор.

Правящий режим России, в котором властвует Владимир Путин с тех пор, как он впервые стал президентом в 2000 году, часто рассматривается как представляющий собой последовательный и совместный нарратив и оставляющий мало места для большинства мнений. В то время как на уровне мета нарратива была рассказана последовательная официальная история возрождения России как внутри страны, так и на международном уровне, анализ работы аналитических центров в рамках компетенции политического руководства России показывает, что противоречивые нарративы остаются в игре в политической палатке. Анализ десятилетней деятельности мозгового центра показывает, что в период президентства Медведева (2008-2012 гг.) наблюдался подъем, а затем упадок либерального мозгового центра ИН-СОР, в то время как наиболее заметным мозговым центром в третий президентский срок Путина (2012-2018 гг.) был антилиберальный Изборский клуб, который следовал аналогичной схеме увеличения и уменьшения известности. С точки зрения российского руководства, существование этих мозговых центров имеет функционалистское объяснение, позволяющее тому, что по сути является неидеологическим режимом, взаимодействовать и занимать различные позиции в соответствии с его непосредственными требованиями. Такой функционалистский подход рискует подорвать согласованность и убедительность нарратива. С точки зрения политологической классификации существующего российского режима, постсоветский "переход" России остается нерешенным в рамках выбранного ею курса даже спустя четверть века после распада коммунизма.

Введение.

Нарративный анализ как научный инструмент для исследования убеждений и политических предпочтений правящего режима России вышел на первый план в последние годы (Bacon, 2012; Chatterje-Doody, 2014; Bacon, 2015; Miskimmon and O'Loughlin, 2017). Он опирается на анализ выраженного мировоззрения российских правителей и тех, кто с ними связан, и определение их как нарративных частей, таких как—объединить типологические рамки Бэкона (2012) и Мискиммон и др. (2013) - агенты (персонажи), действия (сюжеты и под-этапы), временный характер (начало и окончание), пространство (установка), центральная цель (мотив) и агентство (инструмент). Использование этого подхода имело тенденцию находить последовательность повествования в истории, рассказанной российскими лидерами в эпоху Путина (2000-2018 гг.) с точки зрения широкого позиционирования. Аналитики уже знакомы с автобиографическим повествованием России о российском государстве, настаивающем на своем великодержавном статусе, готовом работать с Западом, но отвергнутом в своих усилиях по созданию взаимоприемлемой системы безопасности после окончания Холодной войны; стремясь соблюдать международное право, но неохотно и редко, например, в Крыму, нарушая его букву в целях защиты себя и своего народа. Во внутренней политике сопутствующая история заключается в том, что страна поднимается из нищеты и политического хаоса 1990-х годов, вызванных приверженностью неадекватным западным политическим и эко-

номическим моделям, и приносит своему народу вместо них стабильность, экономический рост и национальную гордость перед лицом западных попыток подорвать то же самое.

В данной статье не ставится задача проанализировать достоверность российского нарратива с практической точки зрения. Скорее, он фокусируется на самом рассуждении, чтобы узнать, так ли он последователен, как предполагает наш краткий обзор. В частности, он спрашивает, как идея последовательного повествования о путинской эпохе (2000-2018) связана с тем фактом, что третий срок Владимира Путина (2012-2018) широко признан авторитарным поворотом после, по крайней мере внешне, более либеральной позиции президентства Медведева (2008-2012). Как мы можем говорить о последовательности повествования перед лицом значительных изменений в позиции и политике России? Этот вопрос не нов. Ранее аналитики обращались к идее множественности взглядов в рамках российской режимной системы через концепцию "управляемого плюрализма" (Бальцер, 2003); отмечали, что "сильное государство" России допускает, но содержит различные политические перспективы через "управляемую демократию" своей избирательной системы (Цыганков, 2014: с. 130-140); и рассматривал баланс между "принудительными и мобилизационными мерами", поскольку российское государство стремилось "управлять" разрозненными, часто анти-режимными, националистическими силами в своих политических целях (Laine, 2015: p. 35).

Особый вклад этой статьи заключается в анализе того, как правящий режим России взаимодействует с благоприятствуемыми мозговыми центрами для разработки и развертывания нарративных сдвигов в рамках своей стабильной системы. Рассматривая, в частности, дискурс мозгового центра, который получил известность во время третьего президентского срока Путина и представляет собой широкое "мнимое", на которое опирались аспекты его нарратива—консервативный и националистический Изборский клуб,—я утверждаю, что множественность эпистемологических рамок и сопутствующих политических предложений, играющих внутри правящей палатки России, бросает понятие единого аккуратного нарратива в беспорядок, когда-то дезагрегированный за пределами самой широкой кисти мета нарратива. Рост и относительный упадок известности Изборского клуба во время третьего президентского срока Путина имеет сходство, как показывает наш более поздний анализ, с судьбой предпочтительного аналитического центра президента Медведева-либерального Института современного развития (ИНСОР).

Помимо идентификации, посредством анализа, сфокусированного на мозговом центре, разнообразие нарративов, сталкивающихся друг с другом в рамках "идеологической экосистемы России" (Laruelle, 2017), я утверждаю, что это удивительное отсутствие идейной однородности хорошо отражает природу правящего режима России как с непосредственной, так и с телеологической точки зрения. Как следует из заключительного раздела, продолжающееся присутствие идеологически разнородных мозговых центров в рамках правящего режима несет в себе потенциальные выгоды и опасности, а также сохраняет открытость в отношении будущего пути, который предстоит избрать существующему режиму или его преемнику. В следующем разделе описываются преимущества, опасности и будущие варианты, вытекающие из существования различных повествований; к ним мы вернемся более подробно в конце документа.

В политическом плане российская элита, пришедшая к власти на рубеже века, последовательно отдавала предпочтение прагматизму, а не грандиозным схемам. Как

в журналистских инсайдерских отчетах, так и в анализе политической науки на основе количественного кодирования Путин предстает скорее оппортунистом, чем идеологически ориентированным стратегом (Zygar', 2016; Dyson and Parent, 2018). Сохранение целого ряда потенциальных политических позиций в рамках всеобъемлющей унифицирующей описательной части имеет то преимущество, что облегчает гибкость программ. В терминах, развернутых в рамках нарративного анализа, существование подзаголовков наряду с центральным сюжетом служит для поддержания открытых вариантов и персонажей в игре, так что они могут быть выведены на передний план или отброшены без подрыва основного сюжета и центральных персонажей (Bacon, 2012: PP.780-781).

Однако существует опасность, которая сопутствует этому преимуществу. Обратная сторона такой программной гибкости заключается в том, что, когда конкурирующие подзадачи становятся одновременными или слишком тесно связанными с правящим режимом, любой убедительный и согласованный центральный сюжет ослабляется. Во время третьего президентского срока Путина (2012-2018 гг.), и особенно после аннексии Россией Крыма в 2014 г., международная критика российского политического дискурса неоднократно стремилась подчеркнуть отсутствие последовательности и фактически обвинить Россию в целенаправленном стремлении подорвать согласованность повествования и поощрять "постправдивую" среду. Русские фермы троллей и боты стремились подорвать "основные" нарративы, чтобы повлиять на политические дебаты и поведение избирателей (Abrams, 2016 ; Prier, 2017). Такое относительно скрытое и отрицаемое поведение сопровождалось более открытым распространением противоречивых и несообразных заявлений со стороны российских официальных лиц и российских "основных средств массовой информации". Давно отмеченная последовательность официального повествования России (Miskimmon and O'Loughlin, 2017: стр. 118) подрывается такими несоответствиями. Например, международное интервью с президентом Путиным в 2018 году потратило больше времени, чем ему казалось удобным, на то, чтобы поставить под сомнение его авторитет, бросив вызов его явно противоречивым заявлениям, связанным с событиями в Крыму в 2014 году.

[Армин Вольф, интервьюер:] многие люди не верят российским аргументам, потому что несколько лет назад в Крыму вы сказали, что знаменитые "зеленые люди", бойцы в зеленой форме без опознавательных знаков, были все местными силами самообороны. Но чуть позже выяснилось, что это действительно были русские солдаты. После этого вы много раз признавали, что это были российские военнослужащие, хотя ранее отрицали это. Почему мы должны верить вам сейчас? (Президент России, 2018 год).

Дело об отравлении Скрипаля в Соединенном Королевстве в 2018 году аналогичным образом привело к тому, что британские официальные лица подчеркнули российскую непоследовательность в связи с "более чем 30 противоречивыми и меняющимися высказываниями, объясняющими нападение в Солсбери" (Министерство иностранных дел и по делам Содружества, 2018), а министр иностранных дел Великобритании обвинил Россию в создании 'потока абсурда' вокруг покушения на убийство (Johnson, 2018).

Помимо пользы и опасности нарративного разнообразия, когда речь заходит о непосредственной политике, в телеологических терминах, ориентированных на будущее, приливы и отливы заметно отличающихся потоков мыслей и дружествен-

ному режиму мозговых центров в российской политической жизни за последнее десятилетие или около того больше говорят о том, что Сергей Прозоров называет "приостановкой телеологического времени", в котором неспособность любого конкретного пути в будущее получить гегемонистский статус "сосуществование радикально несовместимых потенциалов" в рамках компетенции режима (Прозоров, 2008. Другими словами, то, что различные нарративы остаются в игре, показывает Россию, природа долгосрочного будущего урегулирования которой остается нерешенной.

Российские мозговые центры в сравнительной перспективе.

Научное обоснование рассмотрения нарративов отдельных мозговых центров при рассмотрении политических рамок, в которых действует режим Путина в России, основывается на двух факторах. Во-первых, политические аналитические центры по своей природе во всем мире в нынешнюю эпоху склоняются к открытой, но пристрастной позиции, в рамках которой они анализируют проблемы и выдвигают политические предложения в рамках широкой, но поддающейся определению политической структуры. Мы привыкли к тому, что мозговые центры в Соединенном Королевстве обозначаются ВВС, например, как проевропейское движение, свободный рынок и так далее. Аналогичным образом, в Соединенных Штатах мозговой центр может быть известен как консервативный или неконсервативный, либеральный или прогрессивный. Политическая позиция очевидна, и исследования, и политические предложения аналитического центра отражают эту позицию. Как более подробно изложено ниже, ситуация в недемократических государствах, таких как Россия и Китай, менее открыта, но тем не менее аналогична. Существует определенное политическое пространство для изучения и продвижения политических идей, которые не просто диктуются государством, и в этом разделе, посвященном российским мозговым центрам в сравнительной перспективе, такие организации рассматриваются именно в этом контексте. Во-вторых, последние два президентских срока в России—Дмитрия Медведева (2008-2012 гг.) и Владимира Путина (2012-2018 гг.) - были отмечены дифференцированными политическими дискурсами и явным сдвигом в ландшафте мозгового центра в отношении близости к действующему президенту. Мы вернемся к этому позже, когда, рассмотрев сравнительные и дефиниционные вопросы, в статье будет рассмотрено усиление и ослабление влияния различных мозговых центров в соответствии со сменой российского президента и политических акцентов.

В первую очередь я рассматриваю положение мозговых центров в России в контексте более широкого научного исследования политических мозговых центров. Определение "мозговых центров" даже в ограниченной литературе, посвященной этому явлению, неизбежно вызывало споры. Как отмечает Эндрю Рич, существуют "значительные разногласия "по поводу того, какие институты относятся к этой категории", проведение неопровержимых различий между мозговыми центрами и другими типами организаций не является ни полностью возможным, ни желательным " (Rich, 2004: стр. 11). Рич утверждает, что аналитические центры следует отличать от университетских научно-исследовательских институтов, правительственных научно-исследовательских организаций и исследовательских организаций, прикрепленных к определенным группам интересов и лоббистов. Независимость от правительства, политических партий и групп интересов выступает в качестве важнейшей характеристики в литературе о мозговых центрах на Западе. Аналитические центры-это некоммерческие группы, которые стремятся влиять на по-

литику и более широкую общественность посредством анализа и интеллектуальной аргументации, а не посредством прямого лоббирования (Stone, 1996: стр. 16). Еще одним определяющим элементом "мозговых центров" является аспект вовлечения общественности наряду с влиянием политики или рука об руку с ним. Камень подчеркивает, что они 'общественники' в том, что они стремятся воспитывать и действовать в интересах большого сообщества, в то время как богатые постулирует более утилитарный мотив для привлечения общественности, а именно то, что думаю члены агрессивных учреждений состоят из агрессивных борцов за идеи и идеологии, чтобы увеличить общественное доверие, в целях повышения их влияния (Rich, 2004).

Вопрос о независимости в отношении мозговых центров имеет два аспекта, которые привлекли внимание в литературе по этому вопросу, а именно: институциональная независимость и интеллектуальная независимость. Существует множество свидетельств, в которых мало внимания уделяется точности определений в отношении мозговых центров как в западных, так и в не западных условиях. Особое значение в этой статье имеет ориентацию на клуб Изборского, националистическую политическую организацию в современной России, эмпирически богатая статья Марлена Ларуэля 'Новые националистические мозговые центры в России' (Laruelle, 2009) применял этот термин к целому ряду групп—в том числе к тем, которые были прикреплены к Советскому правительству, университетским центрам, опросникам общественного мнения, дискуссионным клубам и маркетинговым консультантам,—но не занимался вопросами определения. Оба ключевых аспекта дефиниции, а именно институциональная независимость и интеллектуальная независимость, требуют дальнейшего развития, когда речь заходит о различении мозговых центров в не западных условиях.

Чжу Сюфэн утверждает, что нецелесообразно просто принимать западные критерии определения при оценке мозговых центров в Китае, где, если такие критерии будут строго применяться" нет таких организаций', потому что однопартийная политическая система означает, что практически все китайские мозговые центры финансируются правительством или имеют некоторую связь с правительством (Zhu, 2009: PP. 336-337). Фактически, вопрос о финансовой независимости не имеет четкого определения как в западных, так и в азиатских условиях, поскольку многие западные аналитические центры имеют финансирование, которое прямо или косвенно происходит из государственного бюджета. Второй аспект независимости-интеллектуальная независимость - относится на одном уровне к вопросу о финансовой независимости. Хотя финансирование может поступать из правительственных источников, мозговые центры, получающие такие ресурсы, "сохраняют свою" академическую "или исследовательскую свободу и не связаны никакими конкретными интересами" (Stone, 1996: стр. 16). В китайском случае Чжу предпочитает термин "автономия"-независимость. Он утверждает, что исследовательские учреждения, созданные в рамках государственных структур, не могут называться "мозговыми центрами", но утверждает, что "полуофициальные" государственные учреждения вне государственной структуры являются достаточно автономными, чтобы соответствовать этому определению. Такие организации—например, Китайская академия общественных наук и Шанхайский институт международных исследований-не являются полностью независимыми от правительства, но они имеют свободу принимать исследовательские комиссии от внешних, в том числе международных, клиентов и критиковать политику правительства (Zhu, 2009: p. 337).

Интеллектуальная независимость мозговых центров явно требует, чтобы они были исследовать и сообщать то, что обнаруживают в их исследованиях, без того, чтобы их голоса были "куплены" правительством или группами интересов. Независимость этого приказа может быть даже юридическим требованием, например, с точки зрения формально-правового или финансового статуса аналитических центров. Полуофициальные мозговые центры в нашем китайском примере юридически оформляются как "государственные учреждения", а не "правительственные учреждения". В Соединенных Штатах освобожденный от налогов статус некоммерческих аналитических центров зависит от того, что они не стремятся напрямую влиять на законодательство или выборы (Rich, 2004: стр. 18). Однако такие формальные обозначения не отражают более тонкого аспекта интеллектуальной независимости, который особенно актуален для нашего обсуждения Изборского клуба в России, а именно идеологической независимости и позиции. Изборский клуб-яростный государственный, анти-западник и ультраконсерватор (в российских терминах, что позволяет самозванным марксистам советско-ностальгического типа квалифицироваться как консерваторы). Каким бы детальным не был бы ее анализы и выводы по той или иной теме, никогда не возникает сомнений в основной направленности ее выводов. Какова цена интеллектуальной независимости в таком контексте? Может ли термин "мозговой центр" быть применен к группе, чья работа так ограничена в идеологических рамках? Действительно ли ультраконсервативный характер этой конкретной идеологии лишает легитимности концептуализацию Изборского клуба как мозгового центра?

Эти вопросы имеют много общего с дискуссиями, связанными с использованием термина "гражданское общество" в российском контексте, некоторые могут утверждать, что называть Изборский клуб мозговым центром означает генерировать аналогичный пример неуместного растяжения западных концепций. Категоризация прокремлевской молодежной организации "Наши" хорошо иллюстрирует эту аналогию (Atwal and Bacon, 2012). Линц и Степан определяют гражданское общество как состоящее из групп, которые действуют на политической арене и имеют отношения с государством, но не стремятся занять его (Линц и Степан, 1996). "Наши" соответствовали бы этим критериям, но не соответствовали бы более строгому Грамшевскому критерию вовлечения в антитетическую "позиционную войну" между государством и гражданским обществом (Чебанкова, 2013: с. 103). Другие также занимают нормативную позицию, утверждая, что термин гражданское общество должен применяться только к тем группам, которые преследуют то, что в широком смысле можно было бы определить, как демократические цели (Putnam et al., 1993; Evans et al., 2006: стр. 4). Объединение этих элементов вместе, хотя прокремлевская (по сути, спровоцированная Кремлем) группа, такая как "наши", занимает позицию в пространстве гражданского общества и выполняет некоторые из тех же функций, что и гражданское общество, ее политическая и идеологическая позиция создает проблематичную категоризацию. Разве группа с про путинскую позицию и склонностью к эпизодическому участию в спорной политике улицы не лучше классифицируется как часть нецивилизованного, а не гражданского общества? Копецкий и Мудде утверждают, что категориальные решения должны основываться не на субъективной оценке политических позиций-кто входит, и кто выходит в условиях Интернационала, для чего читай "западное" политическое мнение, — а на эмпирических оценках ассоциативной жизни в стране в целом (Копецкий и Мудде, 2003: с. 15, 160-161).

Дискуссия вокруг использования термина "гражданское общество" в российском контексте переключается с утверждением этой статьи о том, что Изборский клуб может быть полезен и законно проанализирован в рамках более широкой литературы о мозговых центрах. Хотя его идеологическая и политическая позиция не укладывается в стандартную западно-демократическую черту, в своем намерении поддержать Евразийский и государственный поворот в России с 2012 года и аргументировать дальнейшие шаги в этом направлении Изборский клуб тем не менее заполняет пространство и выполняет функции мозгового центра. Это определение применяется функционально, а не нормативно. Кроме того, разработки в рамках исследований мозгового центра в более широком плане обеспечивают поддержку включения Изборского клуба в эту категорию. Во-первых, как уже отмечалось выше, исследования "мозговых центров" в Китае сохранили ключевые определяющие элементы интеллектуальной и финансовой независимости, но детализировали их в зависимости от конкретной страны. С точки зрения этих определяющих критериев Изборский клуб представляется в любом случае институционально и интеллектуально свободным от правящего режима России. Даже занимая полуподдерживающую позицию по отношению к режиму во время третьего президентского срока Путина, он также критикует режим, и его претензии на независимость подкрепляются его участниками, многие из которых были громко критичны и независимы в течение многих лет, даже десятилетий, в своей оценке постсоветской России. Во-вторых, за последние несколько десятилетий произошел явный идеологический поворот в характере исследований мозгового центра на Западе. Эндрю Рич изложил два центральных вопроса, которые формируют его книгу "мозговые центры, государственная политика и роль экспертизы":

Превратились ли вообще мозговые центры от производства кропотливых исследований и объективного написания к преследованию идеологических программ с далеко идущим воздействием в войне идей? Если да, то чем объясняются эти преобразования и каковы их последствия для роли и влияния их продуктов—опыта и идей—в американском политическом процессе? (Rich, 2004: р. 2)

Рич утверждает, что между 1960-ми годами и XXI веком в Соединенных Штатах роль аналитических центров изменилась, став менее объективной и более идеологической, а вместе с ней изменилось и общественное восприятие экспертов. Эксперты больше не являются "нейтральными, заслуживающими доверия и стоящими выше суеты и неразберихи процесса выработки политики", вместо этого они "теперь ведут себя как адвокаты ... не просто заметные, но и весьма спорные". Они активно рекламируют свою работу, которая часто состоит из "заранее сформированных взглядов, а не даже попыток нейтрального рационального анализа" (Rich, 2004: стр. 2, 4-5). Идея о том, что мозговые центры должны заниматься, насколько это возможно, объективными исследованиями без заранее определенной идеологической точки зрения, была выдвинута советом несколько лет назад на Западе, как это было продемонстрировано в Соединенных Штатах такими организациями, как Фонд наследия, Дом Свободы и Фонд Джеймстауна на консервативном крыле или институт прогрессивной политики и Институт политических исследований, более приближенные к либеральному концу спектра. Дайан Стоун в своем фундаментальном исследовании мозговых центров ссылаясь на то, что было тогда возникающими организациями, как на "идеологические танки" (Stone, 1996: с. 21).

Когда российское правительство во время второго президентского срока Путина (2004-2008 гг.) начало выражать озабоченность по поводу влияния деятельности западных неправительственных организаций (НПО)-в том числе деятельности мозговых центров—в России, тот факт, что многие мозговые центры имеют идеологические программы, был уже хорошо установлен. В 2012 году в России был принят закон, который обязал все НКО в России, получающие финансирование из-за рубежа и занимающиеся, даже частично, политической деятельностью, регистрироваться в качестве "иностранных агентов". Несмотря на резкую критику со стороны западных правительств и самих НПО за введение мстительного и символического законодательства, президент Путин обосновал закон тем, что общественность должна быть проинформирована о возможных мотивах этих групп (Russia Today, 2014). Карательные санкции закона состояли в основном из лжесвидетельственного обозначения этих групп, тем самым служа для обозначения двух классов деятельности НПО / мозговых центров— "наших" и "их"—и способствуя росту популярного дискурса, который противопоставлял, по выражению Каролины Хамфри, "евроатлантический набор ценностей" с российскими / евразийскими ценностями (2002: стр. 15). На этом фоне Изборский клуб представляет собой идеологическое обратную сторону, а именно, мозгового центра, который явно претендует на продвижение, с помощью аналитических отчетов, совещаний и публикаций, российских и евразийских позиций в явной оппозиции к западным ценностям и "решений", которые его участники в лучшем случае неуместные, а в худшем—и более широко—заведомая 'угроза уничтожения России как государства' (Дугин, 2013: стр. 75).

Последний элемент, который следует рассмотреть в нашем обсуждении определения Изборского клуба как мозгового центра, - это номенклатура, используемая в России, и в частности форма организации, известная как интеллектуальный или политический клуб. Обозначение мозговых центров как клубов имеет мало эквивалентности в современной западной политической жизни. Глава Стоуна о мозговых центрах внешней политики носит название "Клуб внешней политики" (Stone, 1996), хотя это и не аналитическая категория, но скорее очевидная ссылка на то, что активистские и идеологические мозговые центры отличаются от "довольно более идеалистических, клубных и менее гиперактивных" институтов непосредственно послевоенных лет (Higgott and Stone, 1994: p. 34). В России появление элитных социальных клубов в Москве и Санкт-Петербурге в постсоветское время привлекло аналитические сравнения с элитными клубами, как историческими, так и современными, в Лондоне и различных американских городах, где развиваются сети политических и деловых элит (Лешукова, 2009). Изборский клуб, однако, не вписывается в эту категорию. Его самоназвание как клуба связано скорее с развитием политических "клубов" в политической среде путинизма. Здесь уместно выделить два частных проявления. Во-первых, правящая "партия власти": "Единая Россия", - в 2008 году создала внутри себя три "политических клуба", представляющих социал-консервативные, либерально-консервативные и государственно-патриотические элементы внутри партии. Терминология "клуб" стремилась подчеркнуть, что это не были раскольнические фракции, предвещающие разрушительный раскол в "Единой России", само название которой служит для того, чтобы подчеркнуть ее глубокое недоверие и страх перед расколом. Клубы "Единой России" представляют себя как инструменты широкого политического обсуждения, а не как ранние признаки появления конкурирующих политических партий внутри существующей партии вла-

сти (Щипанов, 2008). Во-вторых, Валдайский клуб, созданный в 2004 году путинским режимом для "развития диалога между российскими и международными интеллектуальными элитами и проведения независимого, объективного научного анализа политических, экономических и социальных событий в России и остальном мире" (Валдайский Дискуссионный клуб, 2018 год). Флагманским мероприятием Валдайского клуба с момента его основания является ежегодное заседание, на которое приглашаются ведущие западные эксперты, а также предоставляется возможность задавать вопросы и обсуждать вопросы с президентом и премьер-министром России. Именно на этом фоне Изборский клуб добился своего титула. Как и клубы "Единой России", Изборский клуб не представляет собой электорального вызова существующему положению вещей. Хотя ее политические позиции являются более экстремальными, чем те, которые распространены в рамках Единой России, тем не менее она действует в рамках широкой палатки нынешнего политического урегулирования России в том, что она не призывает к свержению нынешнего режима или институциональных структур. Как и Валдайский клуб, Изборский клуб берет свое название от места его Учредительного собрания. При этом, по-видимому, в его основе было указано, что Валдайский клуб, членом которого является Александр Проханов, основатель Изборского клуба, является его компаратором, но что Изборский клуб представляет собой "анти—Валдайскую" тенденцию, "контрлиберальную альтернативу, разрабатываемую экспертами из консервативно-патриотического лагеря" (Хамраев и др., 2012).

Мозговые центры и президенты России.

Во время президентства Дмитрия Медведева (2008-2012 гг.) и третьего срока Владимира Путина (2012-2018 гг.) на первый план вышли два аналитических центра с заметно отличающимися политическими позициями. Основной темой данной статьи является националистически-государственнический и анти-либеральный Изборский клуб, созданный в сентябре 2012 года. Однако в предыдущие 4 года наиболее близким к российскому президенту мозговым центром, регулярно получавшим заголовки своих докладов и рекомендаций, был прежде всего либеральный Институт современного развития (ИНСОР-Институт современного развития). ИНСОР был официально запущен весной 2008 года, одновременно с избранием Дмитрия Медведева президентом России. Он возник из мозгового центра под названием Центр развития информационного общества, и президент Медведев занял неисполнительную роль председателя попечительского совета ИНСОРа. На протяжении всего президентства Медведева ИНСОР подготовил целый ряд докладов, посвященных теме модернизации. Несмотря на то, что ИНСОР был связан с президентом, он заслужил термин "мозговой центр", поскольку его независимые мысли в широких рамках любимой Медведевым темы модернизации стала очевидной. Американский ученый Джеффри Манкофф отмечал тогда, что ИНСОР выпустил "публичные заявления, которые выходят далеко за рамки того, к чему призывал сам Медведев" (2011: с. 77). В частности, самый громкий отчет ИНСОРа - "Россия 21-го века: очертания желаемого будущего" призывал к всесторонней демократизации российской внутренней политики, а также к тому, чтобы Россия работала в направлении возможного полного членства в НАТО и тесных отношений с западными державами (ИНСОР, 2010). Оставляя в стороне анализ фактических политических решений, принятых режимом, рамки политических предписаний, выдвинутых излюбленным мозговым центром президента Медведева, резко отличаются от тех, которые можно найти в элитарном дискурсе во время третьего срока президента

Путина (2012-2018 гг.), отмеченные как эти последние годы были движениями в авторитарном направлении и нарастанием антизападничества.

С момента окончания президентства Медведева в 2012 году от ИНСОРа практически ничего не было слышно. Он продолжает существовать, хотя и значительно уменьшившись в своем статусе. На его сайте есть официальные отчеты о своей деятельности только за 2008-2011 годы; а ссылка на руководство института, которая раньше, в свою очередь, ссылалась на страницу с изображением Медведева как председателя попечительского совета, теперь возвращает любознательного читателя на домашнюю страницу ИНСОРа. Рис.1 показывает снижение общественной известности либерального мозгового центра ИНСОРа через количество упоминаний, полученных им в российской прессе во время президентства Медведева и за его пределами, подсчитывая упоминания во всех газетах и журналах, доступных в базе данных Eastview Russian Central Newspapers, состоящей из более чем 80 публикаций и включающей все основные новостные издания России.

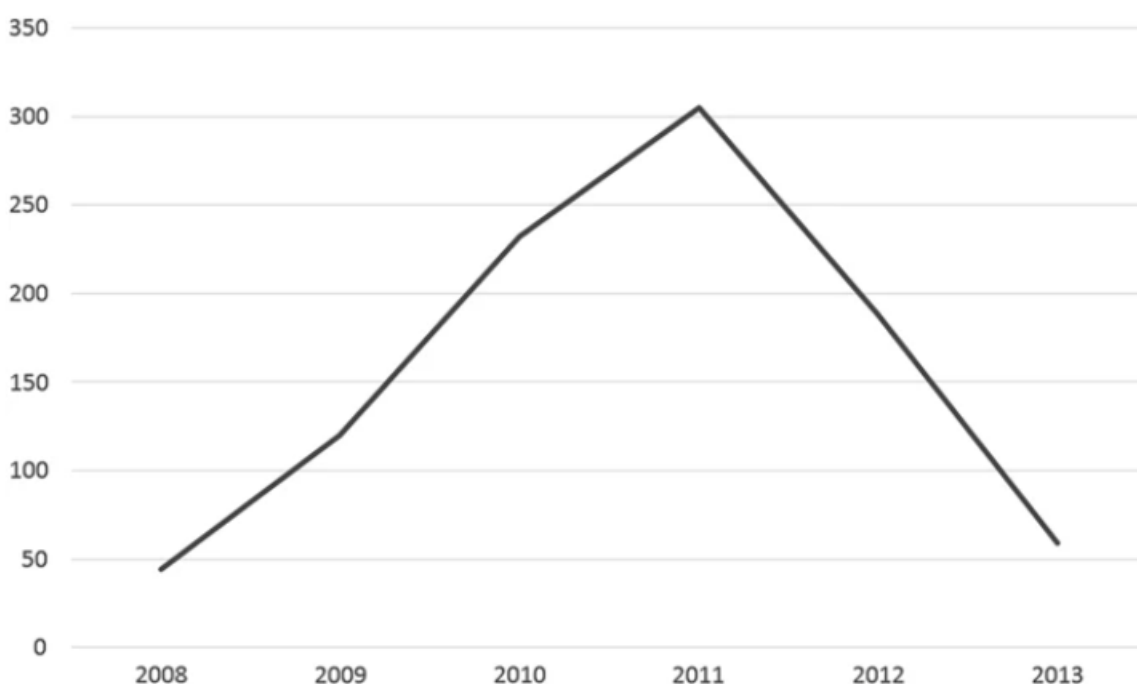
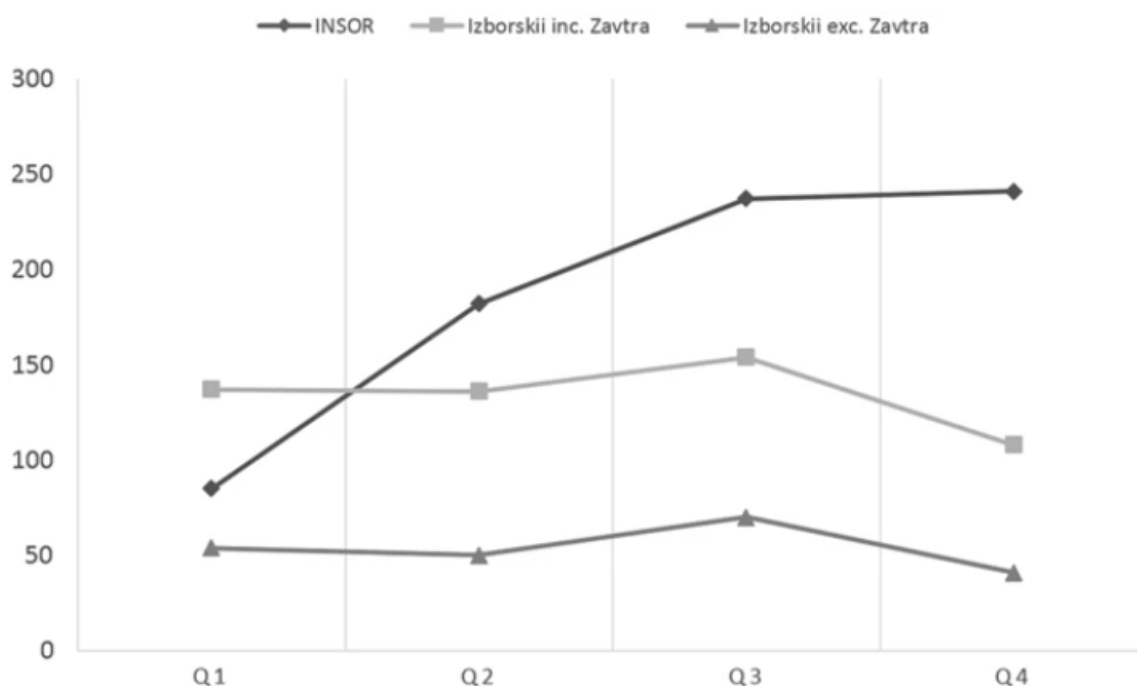

Рисунок 3

При переходе от либерального мозгового центра ИНСОРа к антилиберальному Изборскому клубу можно проследить аналогичную картину подъема и падения общественной известности, как показано на Рис. 2 иллюстрируется с помощью сравнения упоминаний ИНСОРа и Изборского клуба. В связи с этим сравнением необходимо сделать два предостережения. Первый касается темпоральностей. Поскольку президентский срок Дмитрия Медведева составлял 4 года, а третий президентский срок Владимира Путина-6 лет, Рис.2 подсчеты упоминаний за каждый квартал двух президентских сроков, что позволяет сравнивать в течение различных отрезков времени. Поскольку членство Изборского клуба совпадает с членством газеты "Завтра", а газета "Завтра" усердно продвигает деятельность Изборского клуба, отдельные данные для упоминаний об Изборском клубе, включая и исключая упоминания в "завтра", использованы на Рис. 2. Кроме того, сумма упоминаний Изборского клуба в российской прессе заканчивается, когда завершается третий президентский срок Путина в 2018 году, тогда как рис. 1 напомним, что после окончания

срока полномочий президента Медведева ИНСОР уже более года возглавляет аналитический центр компании.

Ри-

сунок 4

Во-вторых, как показывает приведенный ниже подробный анализ Изборского клуба, президент Путин не может быть так тесно отождествлен с этим мозговым центром, как президент Медведев с ИНСОРОМ. Аргументация этой статьи, однако, не опирается на утверждения о тесной связи, а скорее утверждает, что дискурс и нарративная структура двух рассматриваемых здесь мозговых центров как питают, так и отражают повествование о правящем режиме. ИНСОР и Изборский клуб были самыми известными мозговыми центрами на российской политической сцене соответственно в президентские сроки 2008-2012 и 2012-2018 годов. Президент Медведев поощрял ИНСОР, хотя некоторые из его выводов были резко критичны в отношении политической системы, во главе которой он стоял—по крайней мере номинально-и некоторые из его рекомендаций выходили далеко за рамки того, что он мог бы рассмотреть для осуществления. Несмотря на то, что, как утверждает Кеннет Уилсон, "реформы Медведева были не совсем косметические, но результаты ... были очень скромными" (2015 г: с. 154), повествование, продвигаемое ИНСОРОМ среди прочих, действительно изменило условия дебатов и, по крайней мере, создало обстановку, в которой титульный вопрос статьи Вильсона—была ли "оттепель" при Медведеве? —имеет смысл. Точно так же, хотя и в противоположном политическом направлении, Изборский клуб иногда критикует президента Путина и хотел бы, чтобы он избрал более сильный националистический и государственный путь чем, к которому он склонен. Марлин Ларюэль убедительно доказывает, однако, вслед за антиправительственные протесты в Москве в последние месяцы президентства Медведева, когда Владимир Путин вернулся на пост президента 'администрации президента приветствовали нового, более структурированного борьбе идеологий... выражена в "серой зоне", которая не является ни полностью официальный диссидент [но] ... опирается на значительную поддержку' (Ларюэль, 2016: стр. 643).

Как на Рис. 2 видно, что количество упоминаний Изборского клуба в российской прессе было ниже, чем у аналитического центра ИНСОР. Мы можем предположить потенциальные причины этого—например, Изборский клуб не так тесно отождествляется с главой государства, имеет политическую позицию, менее согласованную с большей частью прессы, выпускает менее сфокусированные сообщения в менее дружественной для СМИ манере, чем ИНСОР, — но за совокупными цифрами тенденция снижения популярности в народе с третьего квартала президентского срока и далее сопоставима. В обоих случаях мы видим сдвиг в повествовании в противоположном направлении от вновь созданных мозговых центров, служащих сигналом к началу президентского срока, причем влияние этого нового потока повествования уменьшается по мере приближения президентского срока к его концу.

Изборский клуб: российский антилиберальный "супер-мозговой центр".

Теперь я обращаюсь к Изборскому клубу, центральной задачей следующего раздела которого является выявление сюжетных тем и потоков результатов работы этого антилиберального аналитического центра. Изборский клуб—это экспертная группа, состоящая из нескольких наиболее известных имен в российской государственно-патриотической политике. Постоянный член этого политического клуба состоит из 48 ведущих деятелей из всего социально консервативно-государственного спектра, которые разделяют широкий идеологический подход, который они сами называют "социальным консерватизмом", но более широко известен в академической литературе как национальный патриотизм. Критический западный наблюдатель определил Изборский клуб как интеллектуальный кружок, расположенный внутри "крайне правого российского политического спектра" (Umland, 2008: с. 3). Председательствует ветеран националист автор, агитатор и редактор Ежедневного Завтра, Александр Проханов, в его состав входят такие известные деятели, как идеолог евразийства и когда-то профессор МГУ Александр Дугин, православный священник и автор бестселлеров архимандрит Тихон, экономист и политик Сергей Глазьев. Созданный в сентябре 2012 года в исторически значимом российском городе Изборск, расположенном недалеко от эстонской границы, Изборский клуб сразу же завоевал известность, поскольку его идеологически обусловленные анализы соответствовали все более консервативному, государственноческому и Евразийскому тону третьего срока Владимира Путина на посту президента России (2012-2018 годы). Первые аналитические доклады Изборского клуба содержали предупреждения о том, что "вскоре может возникнуть ряд региональных вооруженных конфликтов вблизи границ России" (Деягин и др., 2012: стр. 72). Когда такие конфликты начались, с аннексией Крыма и боями на юге и востоке Украины в 2014 году, как акции, так и риторика Изборского клуба усилились.

При формировании Изборского клуба его основатели стремились объединить различные течения внутри национально-патриотического движения, "от социалистов и советских патриотов до монархистов и православных консерваторов" (Изборский клуб, 2013). Такой союз идеологических течений отнюдь не представляет собой нового элемента в российской политической жизни. Более четверти века назад, когда распался Советский Союз, консервативные силы левых и правых начали искать пути совместной работы против того, что они представляли, как импорт западного либерализма, представленного в то время политикой последнего советского лидера Михаила Горбачева и первого президента постсоветской России Бориса Ельцина. Групп, таких как Координационный совет Национально-Патриотических Сил России, Всероссийского патриотического движения "Отечество", российское народное

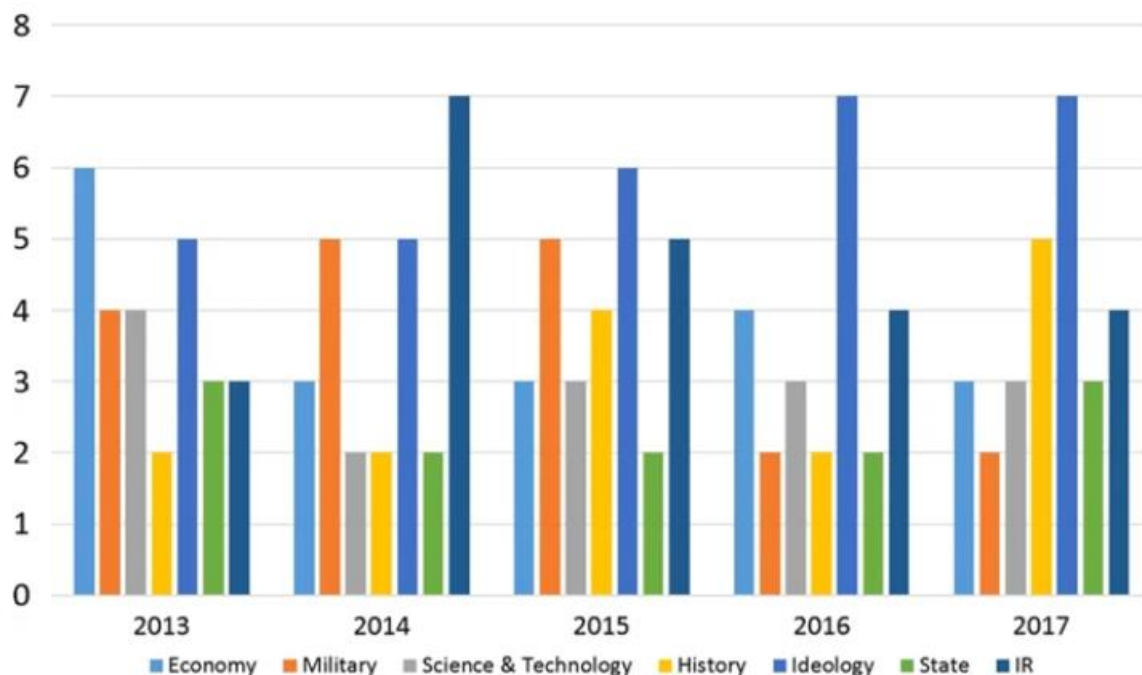
собрание и Национальный совет появился и исчез, но наиболее значительные из этих групп был создан во многом по инициативе Александра Проханова, Фронта национального спасения (Фоменков, 2008: стр. 123). Основополагающую позицию Фронта национального спасения можно найти в политической декларации левой и правой оппозиции, опубликованной в газете *Den'*, под редакцией Проханова, в октябре 1992 года. Эта декларация определила альянс левых и правых как "Союз красных и белых", имея в виду две стороны в Российской послереволюционной гражданской войне между коммунистическими большевиками и монархистскими белыми (Slater, 1998: стр. 2). Когда Советский Союз исчез в истории, появилась новая Россия, объявившая себя рыночной демократией, вновь присоединившейся—используя фразу Владимира Путина в его манифесте тысячелетия 1999 года—к цивилизационному мейнстриму. Голоса национал-патриотической оппозиции казались тогда не более чем напрасными разглагольствованиями против хода истории. К 2012 году тематика Учредительного заявления Изборского клуба Проханова осталась прежней, только теперь его авторы представляли свою позицию в русле позиции лидера России:

Единство двух исторических эпох, стратегическое примирение "красных" и "белых" перед лицом либеральной угрозы—вот огромная, мирового масштаба задача подлинных государственных деятелей ... грядущая победа России требует единства "красных" и "белых". Она требует создания государства, в котором, как сказал В. В. Путин, можно будет жить как "красный" комиссар и "белый" офицер (Изборский клуб, 2012а, стр. 6).

Призывая к единству "красных" и "белых", Изборский клуб идет в ногу с давней приверженностью путинского режима к национальному единству и прекращению разногласий в России, которые развал Советского Союза вывел на первый план. Сам президент Путин последовательно разрабатывал эту тему, символически продвигая в начале своего первого срока введение государственной символики (флаги, гербы, государственный гимн), которая опиралась на различные исторические периоды. "Красный" поток ностальгии советской эпохи подчеркивает роль государства, социальной справедливости и научного прогресса, а антисоветский "Белый" поток опирается на более эзотерические концепции православия, традиционной России и природы. По словам Ляруэля, Изборский клуб стремится "не пытаться решить эти различия, а интегрировать их в консенсусный метанарратив, который допускает множественность мнений внутри него" (2016: с. 635). Как "красный", так и "белый" потоки имеют Россию как, соответственно, сверхдержаву или имперскую державу на мировой арене, формирующую судьбы наций, особенно тех, кто находится в ее смежной сфере влияния.

Рисунок 3 использует ежемесячный журнал Изборского клуба, чтобы показать относительную известность с течением времени этих красно-белых тем. Журнал "Изборский клуб", в некотором смысле указывающий на ресурсы, доступные для мозгового центра, представляет собой хорошо подготовленную публикацию, состоящую из более чем ста страниц, щедро иллюстрированных фотографиями и произведениями искусства, которые даже без слов дают представление о темах игры (Vason, 2017: р. 182). При этом большинство или все темы обозначены на фиг. 3 присутствуют в той или иной степени в каждом выпуске журнала, выпуски, как правило, имеют доминирующую тему. Чтобы упростить, обсуждение экономики, военной и научной техники имеет 'красный "советский ностальгический оттенок; история и идеология тяготеют больше к "белому"; а дискуссии о государстве и МО

(международные отношения) стремятся синтезировать политические предложения, хотя они несут позиционный отпечаток конкретного автора(ов), пишущего каждое произведение.

Ри-

сунок 5

Тенденции, проявляющиеся на рис. 3 отражают развитие событий в российской политике одновременно с тем, как они пытаются на них влиять. В начале третьего президентского срока президента Путина на первый план вышла экономика, а мировой финансовый кризис вызвал поиск антилиберальных предписаний в ответ на откровенно либеральные модернизационные предложения медведевского президентства, продвигаемые аналитическим центром ИНСОР. Аннексия Крыма и конфликт на Украине в 2014 году вывели военные вопросы и международные отношения России на передний план дебатов, а также сформировали политическую дискуссию в России на последующие годы. По мере того как бурные события 2014 года переходили в новое, пусть и шаткое, антизападное равновесие, в работе Изборского клуба стал проявляться все больший акцент на "идеологии" (по большей части, националистически-цивилизационной русской исключительности).

Значение смещения нарративных рамок в путинской России.

Анализ в этой статье до сих пор утверждает, что можно выделить широкий метанарратив России как возрождающейся великой державы, рассказанный путинским режимом с начала этого века, необходимо более тонкое описание изменений в политике и позиционировании российского государства в период между 2000 и 2018 годами. Если взять только последнее десятилетие этого периода, то из меняющейся судьбы мозговых центров ИНСОР и Изборского клуба видно, что структура повествования российского руководства изменилась, когда президентство Медведева уступило место третьему сроку Путина в 2012 году. Многие из членов Изборского клуба были в оппозиции к Путину в течение предыдущего десятилетия или около того, хотя и в разной степени с точки зрения, как различных взглядов отдельных членов, так и изменения позиции Владимира Путина в более националистическом и консервативном направлении, поскольку его время у власти продолжалось. Ко времени третьего президентского срока В. В. Путина (2012-2018 гг.) последова-

тельные идеологические позиции национально-патриотических сил, представленных Изборском клубом, уже не представляли собой периферийного голоса протеста, поскольку политика и риторика официальной России сближались с их позицией и с энтузиазмом охватывали такие идеи, как Евразийское единство, этнический национализм и антизападничество.

Представление о том, что российский режим допускает и даже поощряет широкий спектр зачастую противоречивых и плохо подобранных политических позиций для отлива и отлива в границах (полу)официального политического дискурса, не соответствует образу, который появляется в большинстве западных СМИ, изображающих современную Россию как авторитарное государство, стремящееся подавить инакомыслие, как будто это все еще старое советское государство. Управляемая множественность, очевидная через анализ тех мозговых центров, которые близки к правящему режиму России, однако, полностью соответствует природе нынешнего российского государства. Как отмечалось ранее, существование нескольких субплощадок в рамках центрального нарратива российского государства дает российским правителям ряд преимуществ с точки зрения гибкости политики, сохраняя открытыми противоположные политические пути в рамках существующего режима. В то же время такой подход несет в себе потенциальную опасность, если расстояние между режимом и разрозненными нарративами становится слишком близким, а центральный нарратив-слишком размытым. Наконец, и отступая от непосредственных плюсов и минусов принятия политики и выживания режима, продолжающееся ослабление и перетекание различных политических потоков говорит о все еще нерешенной постсоветской идентичности для России.

Во-первых, есть очевидные преимущества для правящего режима России в сохранении различных политических и идентификационных нарративов, представленных мозговыми центрами, близкими к властям, но отделенными от них, в пределах общей палатки режима. С точки зрения классификации российского режима по типу демократии и авторитаризма, Россия сохраняет демократическую конституцию и институциональную структуру, но эти рамки формальных прав, регулярные многопартийные выборы и приверженность ограничениям того, как долго один человек может оставаться президентом, критически ущербны с демократической точки зрения тем, что политика управляется так, что режим всегда сохраняет власть. Там, где правящий режим никогда не был отстранен от власти, где нет никаких признаков того, что это когда-либо будет разрешено, там назначение этого государства в качестве демократии недействительно, независимо от формальных институциональных механизмов. С этой точки зрения Россия хорошо описана, если использовать типологию недемократических режимов пола Брукера, как недемократическое государство, стремящееся замаскироваться под демократию для легитимации власти своего правителя (-ов) (Brooker, 2013: стр. 225-254). Успешная демократическая маскировка-это такая маскировка, которая максимально похожа на демократию без какого-либо риска того, что режим потеряет власть на выборах. Случайным и сравнительно смехотворным утешением такого подхода является то, что в подобной системе элементы демократии существуют в той мере, в какой они не угрожают положению правителей. С этой точки зрения существование множества мировоззрений, выраженных в мозговых центрах и в других местах, усиливает демократическую маскировку, особенно когда вывод имприматура режима представляется достаточным—как в случае ИНСОРа и потенциально в будущем случае Из-

борского клуба—для уменьшения влияния этого мозгового центра. Поощряя такую ограниченную множественность, режим обеспечивает отсутствие монолитной государственной идеологии, поддерживающей обозначение "авторитарный", в то же время влияние государства достаточно для того, чтобы тонко настроить многоуровневую смесь по своему желанию.

Во-вторых, и в значительной степени с точки зрения международных отношений, есть явные опасности для режима России, чем дальше он стремится придерживаться многочисленных нарративов в рамках центрального нарратива, который говорит о себе как о демократической великой державе, приверженной международному праву. Эффективность политических нарративов является фактором как их последовательности, так и их эмпирической основы. По мере того как продвигался третий срок президента Путина, западные правительства все чаще обвиняли Россию, по словам премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, "в стремлении вооружить информацию ... в попытке посеять раздор на Западе и подорвать наши институты" (май 2017 г). Британский министр иностранных дел выразился более решительно через несколько месяцев после своего премьер-министра, когда, после отравления бывшего русского двойного агента Сергея Скрипаля в Солсбери, он говорил об "утомительном шквале русской лжи, потоке запутывания и межконтинентальных баллистических громадинах" (Johnson, 2018b). С точки зрения России вооружаться информацией, обвиняется в том, что она пыталась оспорить западные повествования не просто, имея противовеса, а повышать достаточность противоречивые, даже противоположные, рассказы, так что каждый может построить свою собственную версию истины, и тем самым подорвать понятие самой истины (Мэттьюс, 2018). Именно это имел в виду министр иностранных дел Борис Джонсон, когда говорил о российском "потоке абсурда" (Johnson, 2018).

Многим наблюдателям, которые достаточно прочли объемистый выпуск Изборского клуба, чтобы понять его содержание, применение прилагательного "абсурд" к значимым его элементам не кажется неуместным. В "выводах Изборского клуба" содержатся конспирологические метанарративы, говорящие о грядущей катастрофе, в которой миру необходимо будет продолжать технический прогресс при сохранении гуманизма, а Россия "единственная часть человечества, способная выполнить эту задачу" (Десягин, 2013: стр. 10). Или представление о тайном англо-американском обществе, контролирующем мировую политику в XX веке, вызвавшем две мировые войны, и существующем до сих пор (Фурсов, 2013). Среди огромного количества бесспорных, полуформализованных идей Изборского клуба существуют также некоторые хорошо аргументированные концептуализации и предложения, но большая часть опубликованного материала ближе к конспирологическим фантазиям, чем к аргументированному анализу. Может показаться, что в Изборском мышлении никогда ничего не происходит оттого, что оно происходит, или от очевидных причинных факторов, а скорее оттого, что оно как-то вызвано "ими", врагом.

Важно еще раз подчеркнуть, что Изборский клуб не представляет мышления путинского режима, как и один из его ведущих членов, Александр Дугин, не заслуживает титула "мозг Путина", присвоенного ему журналом *Foreign Affairs* (Barbashin and Thoburn, 2014). Да и подавляющее большинство россиян не знало бы о подробных излияниях Изборского клуба, не говоря уже о том, чтобы согласиться с ними. В то же время существует значительное меньшинство россиян, которые заняли бы антизападную позицию. Две трети россиян хотели бы видеть лучшие от-

ношения с Западом, и чуть менее трети предпочли бы уменьшение контактов. В частности, 48% россиян считают, что Россия должна быть открыта для улучшения отношений с Соединенными Штатами, в то время как 52% предпочли бы, чтобы Россия работала над ограничением влияния и власти США (Левада-Центр, 2018: стр. 196, 201). Какова бы ни была роль многочисленных нарративов широких красно-белых нитей Изборского клуба в плане подрыва западных нарративов, нет никаких сомнений в том, что их общая антизападная, антилиберальная позиция опирается и отражает значительную часть внутреннего мнения.

В-третьих, диапазон различных нарративов, представленных аналитическими центрами в игре вокруг российского режима в 2008-2018 годах, по-прежнему говорит о нерешенном характере посткоммунистического перехода России. Хотя можно привести веские доводы в пользу идеи возвращения социально консервативной страны с великодержавным комплексом к авторитарному типу спустя четверть века после распада СССР, оказавшейся непригодной для демократии западного образца и участия в международной системе, созданной Западом, такой случай не может быть окончательным. Наш анализ подъема и падения мозговых центров с заметно отличающимися нарративными и политическими рамками показывает, на рис. 2, Продолжение мобильности, с акцентом на Изборский клуб и его ностальгические концептуализации будущего России, начинает снижаться. Опросы общественного мнения в 2017 году демонстрируют сходные тенденции среди людей России, в связи с резким погружением в поддержку России становление демократии западного образца, которая произошла во время аннексии Крыма в 2014 году отмечается резкий разворот и наиболее популярный вариант для России идеальное будущее—предпочитают около трети респондентов—быть для того, чтобы быть 'как развитые западные страны с рыночной экономикой, демократическим институтам и правам человека (Левада-Центр, 2018: стр. 26, 34).

Однако такие данные общественного мнения также показывают, что россияне по-прежнему сильно разделены относительно своего-позаимствованного из названия самого известного доклада ИНСОРа—желаемого будущего. Возможно, больше всего на свете Россия хочет иметь рыночно-демократическое будущее западного типа, чем любой другой вариант, но многие также жаждут системы советского типа или специфического для России пути развития. Мы даже не можем с уверенностью утверждать, что сам режим занял последовательную позицию. Хотя трудно представить себе, что четвертый срок президента Путина увидит возвращение к своего рода либеральным повествованиям предыдущих лет, его ежегодное "государство нации" в 2018 году было сосредоточено на прозаических внутренних приоритетах, а не на эзотерических философских и цивилизационных проблемах его речей 2013 и 2014 годов. Как было показано в данной статье на основе анализа нарративов "мозговых центров", целый ряд дискурсивных фреймов продолжает играть важную роль как в политической элите России, так и среди ее населения. С точки зрения политологической классификации существующего российского режима, постсоветский "переход" России остается нерешенным в рамках выбранного ею курса даже спустя четверть века после распада коммунизма.

Бэкон, Э. Изменение политики и нарративы российских мозговых центров. Palgrave Commun (2018).

Рекомендации.

1. Abrams S (2016) Beyond propaganda: советские активные меры в путинской России. Соединения: Q J 15(1): 5-31
- Atwal M, Bacon E (2012) молодежное движение "Наши": спорная политика, гражданское общество и партийная политика. Восточный EUR Polit 28(3): 256-266
2. Bacon E (2012) Public political narratives: разработка забытых источников через исследовательский случай России в эпоху Путина-Медведева. Polit Stud 60(4): 768-786
3. Bacon E (2015) речь Путина в Крыму, 18 марта 2014 года: меняющийся общественно-политический нарратив России. Ю Сов Пост-Сов Полит Сок 1(1):13-36
4. Bacon E (2017) внутри российской политики. Biteback Publishing, Лондон
5. Барбашин а, Тоберн х (2014) мозг Путина: Александр Дугин и философия, стоящая за вторжением Путина в Крым. Иностранные Дела . Доступно по адресу: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-03-31/putins-brain?cid=soc-facebook-in-snapshots-putins_brain-040114 (Дата обращения 18 апреля 2018 года)
6. Бальцер Х. (2003) управлял плюрализмом: формирующимся режимом Владимира Путина. Постсоветский АФФ 19(3):189-227
7. Brooker P (2013) недемократические режимы. Пэлгрейв Макмиллан, Бейзингсток
8. Chatterje-Doody PN (2014) освоение истории: нарративы, идентичность и восприятие постсоветской роли России. Политика 34(2):126-137
9. Чебанкова Е. А. (2013) гражданское общество в путинской России. Раутледж, Лондон
10. Делягин М. (2013) Демократия и рынку конец. Изборский клуб: Русь 1 (9):7-10
11. Делягин М. и др. (2012) стратегия "большого рывка". Изборский клуб: Рус стратег 1(1): 46-73
12. Дугин а (2013) Александр Дугин: Русский ответ на лирику Запада. Клуб "Избор": "Русенборг" - 1(1):74-79
13. Dyson SB, Parent MJ (2018) The operational code approach to profiling political leaders: understanding Vladimir Putin. Интел Натл Секур 33(1): 84-100
14. Evans AB et al. (2006) российское гражданское общество: критическая оценка. М. Е. Шарп, Армонк, Нью-Йорк, Лондон
15. Фоменков А. А. (2008) Фронт национального спасения и его роль в политических процессах в России в 1992 году. Научные Ведомости 42(6):123-129
16. Министерство иностранных дел и по делам Содружества (2018) заседание Исполнительного совета ОЗХО: 18 апреля обновленная информация об использовании нервно-паралитического вещества в Солсбери. Доступно по адресу: <https://www.gov.uk/government/speeches/opcw->

- executive-council-meeting-18-april-update-on-the-use-of-a-nerve-agent-in-salisbury (доступ 25 июня 2018 г)
17. Фурсов А. (2013) психоисторическая война. Изборский клуб: Рус стратег 1(11): 36-71
 18. Higgott R, Stone D (1994) the limits of influence: foreign policy think tanks in Britain and the USA. *Rev Int Stud* 20(1): 15-34
 19. Humphrey C (2002) имеет ли все еще смысл категория "Постсоциалист"? Hann CM (ed) *Postsocialism: ideals, ideologies and practices in Eurasia*. Routledge, London, PP. 12-15
 20. ИНСОП 2010) Россия XXI века: образ желаемого завтрака. Институт современного развития, Москва
 21. Изборский клуб (2012a) Обь в Изборском клубе. Доступно по адресу: <http://www.dynacon.ru/opr/izborsk-c.php> (Дата обращения 18 апреля 2018 года)
 22. Изборский Клуб (2013) Рождество Изборского Клуба. Клуб "Избор": "Русенборг" - 1 (1):2-11
 23. Johnson, B (2018a) российский поток абсурда поглощается "инфантильным" Корбином. Санди Таймс. 8 апреля 2018 года. Лондон
 24. Джонсон, В (2018b) выступление министра иностранных дел в особняке на пасхальном банкете лорд-мэра 2018 года. Доступно по адресу: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-lord-mayors-easter-banquet-speech-at-mansion-house-wednesday-28-march> (Дата обращения 18 апреля 2018 года)
 25. Хамраев В. и др. (2012) Антивалдайская возвышенность. Коммерсантъ, Москва
 26. Kopecký P, Mudde C (2003) нецивилизованное общество: спорная политика в посткоммунистической Европе. Раутледж, Лондон
 27. Laine V (2015) управляемый национализм: современные российские националистические движения и их отношение к власти. Рабочий документ ФИИА. Финский Институт международных отношений. Хельсинки
 28. Laquelle, M (2009) внутри и вокруг черного ящика Кремля: новые националистические мозговые центры в России. Стокгольмская Серия Документов. Институт политики в области безопасности и развития, Стокгольм
 29. Ларуэль м (2016) Изборский клуб, или новый консервативный Авангард в России. *Russ Rev* 75:626-644
 30. Laquelle M (2017) идеологические экосистемы Кремля: равновесие и конкуренция. ПОНАРС Евразия политическая памятка № 493. Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, округ Колумбия
 31. Лешукова П. И. (2009) феномен клубов элит. *Социологические Исследования* 9: 33-41
 32. Левада-Центр (2018) общественное мнение 2017-ежегодник. Аналитический Центр Юрия Левады, Москва
 33. Linz JJ, Stepan AC (1996) проблемы демократического перехода и консолидации: Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа. Издательство Университета Джонса Хопкинса, Балтимор, Лондон

34. Манкофф Дж. (2011) внешняя политика России: возвращение политики великой державы. Rowman & Littlefield Publishers, Lanham, MD
35. Мэтьюс О (2018) токсичная власть Владимира Путина. The Spectator, Лондон
36. Май Т (2017) РМ выступление на банкете лорд-мэра 2017. Доступно по адресу: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-2017> (Дата обращения 18 апреля 2018 года)
37. Мискиммон А, О'Лафлин Б (2017) российские нарративы глобального порядка: наследие великой державы в полицентрическом мире. Polit Gov 5(3):111-120
38. Miskimmon A et al. (2013) стратегические нарративы: коммуникационная мощь и новый мировой порядок. Раутледж, Нью-Йорк; Лондон
39. Интервью президента России (2018) австрийскому телеканалу ORF. Доступно по адресу: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/57675> . (доступ 25 июня 2018 г)
40. Prier J (2017) Commanding the trend: социальные медиа как информационная война. Strateg Stud Q 11(4): 50-85
41. Прозоров С. (2008) российский посткоммунизм и конец истории. Стад Восточный Eur Thought 60:207-230
42. Putnam RD et al. (1993) как заставить демократию работать: гражданские традиции в современной Италии. Издательство Принстонского Университета, Принстон, Нью-Джерси
43. Rich A (2004) Think tanks, public policy, and the politics of Experience. Cambridge University Press, Кембридж
44. МИА "Россия сегодня" (2014) Минюст готовит законопроект, запрещающий чиновникам сотрудничать с НКО - "иностранными агентами". Доступно по адресу: <http://rt.com/politics/176044-russian-officials-foreigners-ban/> (доступ 18 апреля 2018 г)
45. Щипанов М. (2008) Клубная жизнь единороссов. Верхняя Москва, Г. Москва
46. Слейтер У. (1998) воображая Россию: идеология национально-патриотической оппозиции России, 1985-1995 гг. Кафедра славяноведения. доктор философии. Кембриджский университет
47. Stone D (1996) Capturing the political imagination: think tanks and the policy process. Фрэнк Касс, Лондон
48. Фонд "Валдайский Дискуссионный Клуб" (2018). Доступно по адресу: <http://valdaiclub.com/about/valdai/> (доступ 18 апреля 2018 г)
49. Цыганков А. П. (2014) сильное государство в России: развитие и кризис. Издательство Оксфордского Университета, Оксфорд
50. Umland A (2008) постсоветское "нецивилизованное общество" и возвышение Александра Дугина: кейс-стади внепарламентских радикальных правых в современной России. доктор философии. Кембриджский университет
51. Wilson K (2015) модернизация или больше того же в России: была ли "оттепель" при Медведеве? Пробл Посткоммунизм 62(3):145-158
52. Zhu X (2009) Влияние мозговых центров в китайском политическом процессе: различные пути и механизмы. Азиатский Surv 49(2):333-357

53. Zygar' M (2016) Вся кремлевская крыса: Краткая история современной России. Интеллектуальная литература, Москва

Эдвин Бэкон(2018)

Приложение Г

Публикация на тему:

Ни друг, ни большой брат роль Китая в северокорейской внешнеполитической стратегии.

Вэйци Чжан(2018)

Кратки обзор.

Северная Корея бросила вызов международному сообществу в отношении своей ядерной программы, несмотря на дипломатическое и экономическое давление. Почему эта страна была готова и способна бросить вызов международному сообществу и оказать ему сопротивление? Что же нам с этим делать? Многие подчеркивают связи Китая с Северной Кореей и считают, что вопрос о том, готов ли Китай использовать свои рычаги давления на Северную Корею, является ключом к решению корейской ядерной проблемы. Эта статья опирается на теорию международных отношений и историю китайско–северокорейских отношений для анализа северокорейской внешнеполитической стратегии. Выдвигаются два аргумента, а именно: во-первых, что Северная Корея не рассматривает свои отношения с Китаем так высоко, как многие могли бы подумать; и, во-вторых, что роль Китая в стратегическом планировании Северной Кореи недостаточно значительна, чтобы изменить ее поведение. Поэтому, как утверждается, обращение к Китаю с просьбой использовать свои рычаги воздействия на Северную Корею не решит корейский ядерный кризис. Напротив, чем больше Китай оказывает давление на Северную Корею, тем больше вероятность того, что последняя будет сопротивляться. Предлагается возможный путь вперед в решении корейской ядерной проблемы.

Введение.

Я посетил Северную Корею в мае 2016 года. 5-дневная поездка дала мне некоторое интересное представление об отношениях между Северной Кореей и Китаем. Например, мои северокорейские гиды¹⁴ никогда не упоминали о “дружбе” между Северной Кореей и Китаем во время поездки, даже когда мы посетили “башню Дружбы”, памятник китайской Добровольческой армии, погибшей во время Корейской войны. Кроме того, они сказали мне, что Китай редко упоминался в северокорейских средствах массовой информации и что, когда он упоминался, его не называли союзником или другом. Когда я спросил гидов об их мнении относительно голосования Китая за экономическую санкцию против Северной Кореи в Совете Безопасности ООН, они ответили, что Китай имеет право делать все, чтобы преследовать свои национальные интересы, и что Северная Корея должна делать то же самое.

На мой взгляд, такие прозрения проливают свет на отношения между Северной Кореей и Китаем и корейскую ядерную проблему. Несмотря на все более сильное международное дипломатическое и экономическое давление, Северная Корея бросила вызов международному сообществу, проводя все более частые ядерные и ракетные испытания (Таблица 1). Многие считают, что северокорейские лидеры иррациональны и непредсказуемы (Zahn, 2017). Другие считают, что неповиновение Северной Кореи объясняется защитой Китая и что Китай должен добросовестно применять международные экономические санкции и оказывать большее давление на Северную Корею, чтобы изменить ее поведение (Dyer, 2016; Office of the Press Secretary, 2014).

¹⁴ Бузо, а (2016) создание современной Кореи. 3-е изд., Раутледж, Нью-Йорк, Нью-Йорк.

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Нет. из тестов	1	0	0	0	0	3	1
Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Нет. из тестов	6	16	0	0	6	9	18

Китай оказывает все более сильное давление на Северную Корею, но его давление мало повлияло на поведение последней. Например, по данным Международного торгового центра, совместного агентства ООН и Всемирной торговой организации, после первого ядерного испытания Северной Кореи в 2006 году Китай сократил экспорт зерновых в Северную Корею на 66% (International Trade Centre, 2017). Когда Северная Корея провела второе ядерное испытание в 2009 году, Китай сократил свой экспорт топлива на 44%. В 2013 году Китай сократил экспорт топлива и зерновых в Северную Корею на 81 и 89% соответственно после того, как последняя провела третье ядерное испытание. Совсем недавно, в ответ на последние северокорейские ядерные испытания и ракетные испытания, Китай запретил экспорт нефти в Северную Корею и импорт текстиля из Северной Кореи и приказал закрыть весь северокорейский бизнес в Китае (Clover et al. 2017; Дубек, 2017). За тот же период времени, что и Таблица 1 кроме того, Северная Корея увеличила частоту проведения испытаний. Если давление Китая действительно является ключом к изменению поведения Северной Кореи, то почему ситуация ухудшилась с усилением китайского давления? Как объяснить поведение Северной Кореи?

Внешнеполитические стратегии Северной Кореи.

Теории международных отношений показывают, что государство рационально и стремится максимизировать свои шансы на выживание в анархической международной системе. Для небольшой державы, чьи возможности недостаточны для обеспечения безопасности, она особенно обеспокоена злоупотреблениями со стороны великих держав (Waltz, 1979). Реакция малой державы на большую зависит от ее восприятия угрозы, на которое влияют возможности и намерения других государств (Jervis, 1976; Kang, 2003; Walt, 1987). Государство чувствует меньшую угрозу со стороны своего союзника, чем со стороны противника. Поскольку государство ожидает от своего союзника больших будущих выгод, оно восприимчиво к просьбам союзника изменить политику, даже если это повлечет за собой краткосрочные издержки. Напротив, если противник государства просит его изменить политику, государство не удовлетворит эту просьбу, даже если это принесет ему выгоду. Причина в том, что государство ожидает в будущем длительных конфликтов с противником и больших общих издержек. Более того, выполнение просьбы противника не только означает слабость государства. В случае с Северной Кореей США и их союзники в Северо-Восточной Азии официально рассматривались Северной Кореей как самая большая угроза, поскольку у них есть возможности и явные намерения угрожать выживанию северокорейского режима.

Для того чтобы справиться с внешней угрозой, государство имеет следующие варианты: бендвагинг с угрожающим государством, бэк-пас (свободное использование усилий других государств для балансирования против угрозы) и балансирование против угрозы. Среди этих вариантов маленькое государство с наибольшей вероятностью уступит угрозе, чем будет балансировать против нее (Powell, 1999; Schroeder, 1994; Schweller, 1994; Walt, 1985). Однако бандвагонирование не является жизнеспособным вариантом для Северной Кореи. Поскольку Северная Корея рассматривает США как империалистическую державу, которая незаконно оккупировала Южную Корею и принесла экономические трудности и отсутствие безопасности на север, бандитизм с США подрывает легитимность северокорейского правительства. Передача доллара также недоступна для Северной Кореи, потому что эта стратегия требует, чтобы многочисленные державы статус-кво в регионе могли и

хотели балансировать против угрозы от имени маленького государства. Поскольку ни одна другая азиатская страна не стремится к открытому, прямому конфликту с США, геополитика Северо-Восточной Азии после окончания Холодной войны не имеет условий для того, чтобы Северная Корея “взяла на себя ответственность”.

Балансирование, следовательно, является единственной осуществимой стратегией для Северной Кореи. Государство может балансировать против угрозы внутри страны (повышать свой военный потенциал) или извне (формировать гибкие союзы). Внутри страны Северная Корея начала свою ядерную программу в 1950-х годах при содействии Советского Союза для противодействия ядерной угрозе США изнутри Южной Кореи (Kristensen and Robert, 2017). Выбор ядерного оружия основан на идее, что оно является более экономичным оборонительным оружием, чем обычные (Schwartz, 2008; Waltz, 1990). С развитием технологий стоимость разработки и развертывания ядерного оружия становится все более доступной для государств (Erickson, 2001). Хотя указывается, что ядерное оружие может нести высокие долгосрочные социальные издержки, эти издержки могут быть значительно снижены в краткосрочной перспективе государством, находящимся под непосредственной угрозой безопасности (Epstein, 1977).

Процесс ядерного вооружения Северной Кореи был медленным во время Холодной войны из-за советского ограничения. Тем не менее распад Советского Союза поставил Северную Корею перед внешними угрозами и побудил Ким Чен Ира ускорить ядерную программу в рамках политики “сначала военные”, что привлекло внимание США. Несмотря на то, что обе страны смягчили кризис с помощью рамочного соглашения в 1994 году, сделка развалилась, когда США не смогли предоставить Северной Корее два легководных реактора, и последняя ответила возобновлением своих ядерных программ. Увидев судьбу Ирака и Ливии, северокорейские лидеры твердо верят, что компромисс по ядерному оружию ради экономических или дипломатических выгод не только подорвет его безопасность, но и заставит северокорейский режим выглядеть слабым и, следовательно, уязвимым в будущих переговорах (KCNA, 2017a).

Прежде чем Северная Корея достигнет достаточного сдерживающего потенциала, она дополнит свой потенциал внешней балансирующей стратегией. В частности, стратегия балансирования Северной Кореи имеет два уровня соображений. На глобальном уровне Северная Корея после Корейской войны быстро подписала два договора о взаимной военной помощи с Советским Союзом и Китаем. После разрыва советско-китайских отношений Северная Корея, естественно, встала на сторону более могущественного Советского Союза, чтобы уравновесить США. Тем временем, в связи с разрывом китайско-советских отношений, Китай нормализовал свои отношения с США, Японией, а затем и Южной Кореей. Серия внешнеполитических сдвигов Китая убедила северокорейских лидеров в том, что Китай ненадежен. Тем не менее, неожиданный внезапный крах Советского Союза сделал необходимым для Северной Кореи найти другую крупную державу, чтобы уравновесить США и помочь с ее внутренней экономикой. Быстро растущая экономика Китая в 1990-е годы и его социалистическая идеология сделали его единственным выбором для Северной Кореи. Поскольку Китай играет важную роль в глобальной стратегии балансирования Северной Кореи после окончания Холодной войны, северокорейские лидеры решили разогреть отношения с Китаем и отвергнуть такие “предательства” Китая, как признание Южной Кореи. На рисунках 1 и 2 показано, что китайские и северокорейские лидеры часто обменивались визитами с конца 1990-х годов, и двусторонняя торговля росла экспоненциально. Более поздние исследования официальных отношений Северной Кореи к Китаю также показывают, что Северная Корея сохраняет высокий уровень номинально позитивного отношения к Китаю, даже когда Китай вредит интересам Северной Кореи (Zhan, 2016; Чжан и Зиновьев, 2017). Позже я объясню, почему это отношение “номинально позитивно.”

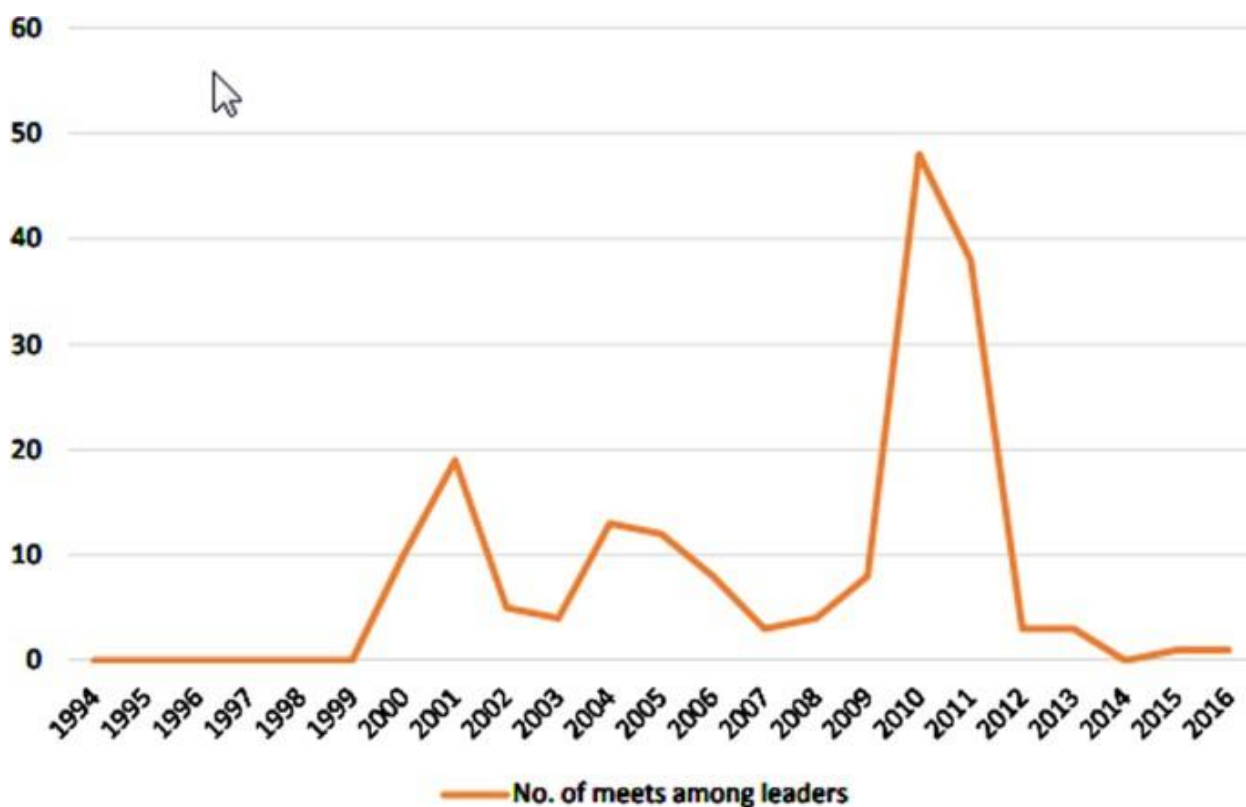

Рисунок 6

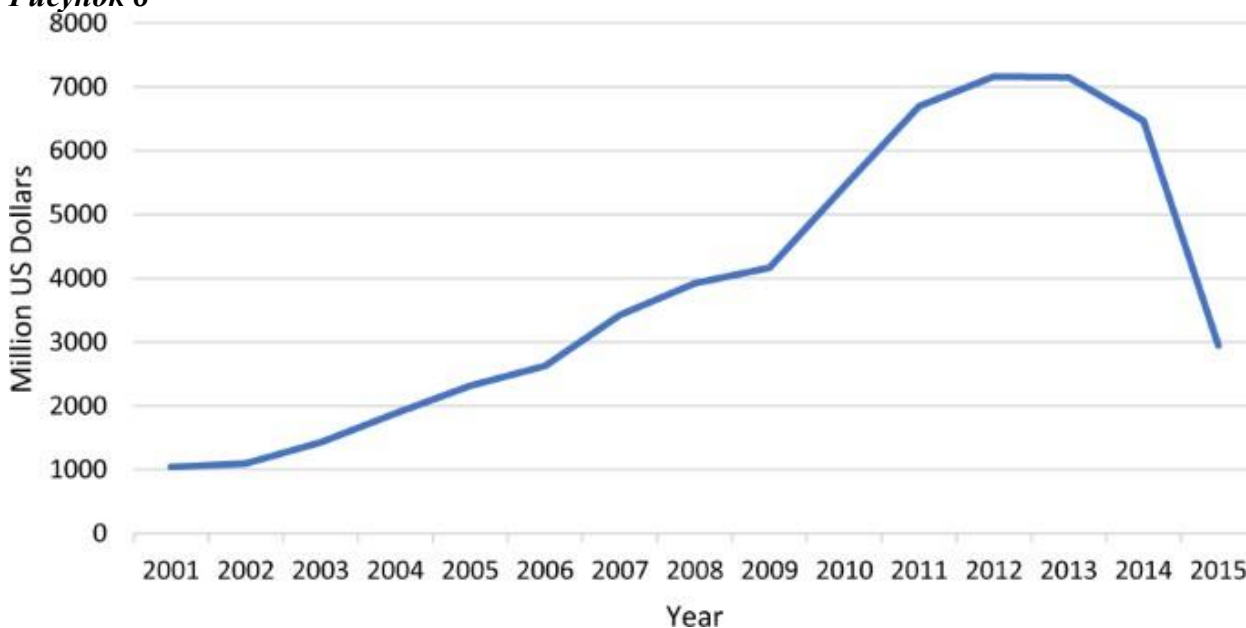

Рисунок 7

По сравнению с глобальным балансом сил, небольшая держава больше заботится о балансе сил на региональном уровне (Kang, 2003; Rothstein, 1968). Среди всех государств, при прочих равных условиях, государство больше всего заботится о своих соседних странах, поскольку они заинтересованы в формировании его внутренней политики, а географическая близость означает большую вероятность войны (Gause, 2007). Корея имеет долгую историю иностранного вмешательства в свою внутреннюю политику. Поэтому ее лидеры остерегались иностранного влияния. Например, северокорейская официальная идеология, чучхе, исповедует стремление к независимости от любого иностранного влияния в своей внутренней и внешней политике.

Из-за истории вмешательства Китая в корейскую политику и его растущего потенциала корейские лидеры опасались влияния Китая в стране. Например, среди основателей корейской рабочей партии, правящей партии Северной Кореи, была группа корейцев, кото-

рые помогали китайским коммунистам в Китае во время Второй мировой войны и гражданской войны в Китае. Они вернулись в Корею после войны, чтобы помочь восстановить Корею. Из-за их тесных отношений с китайскими лидерами их называли “яньаньской фракцией” в Корее (Ланьков, 2013) или “Яньаньской группой” (Бузо, 2016). Поскольку Ким Ир Сен, тогдашний лидер Корейской рабочей партии (КВП), был поддержан Советским Союзом, он был обеспокоен сильным влиянием яньаньской фракции и Китая в корейской политике. Например, накануне Корейской войны яньаньская фракция была исключена из военного планирования, и Китай не был информирован о военном планировании до сентября 1950 года, когда Ким нуждался в помощи Китая (Shen, 2003; Suh, 2004). Поддержка Китая во время Корейской войны, с одной стороны, помогла северокорейскому режиму выжить, но с другой стороны, усугубила беспокойство Кима, поскольку это укрепило власть яньаньской фракции. Поэтому после Корейской войны Ким Ир Сен официально потребовал вывода всех иностранных войск с Корейского полуострова (Chung and Choi, 2013). Тем не менее, США проигнорировали запрос, и Советский Союз не имел военных баз в Северной Корее. Единственный иностранный военный в Северной Корее тогда принадлежал Китаю. Таким образом, просьба Ким Ира Сена подразумевала просьбу китайцев покинуть Корею, чтобы сдержать влияние Китая в послевоенной Корее. Как только Китай вывел войска, Ким Ир Сен вычеркнул яньаньскую фракцию из КВП, потому что он верил, что они замышляют с китайцами переворот против него. С тех пор прокитайская политическая сила в Северной Корее была ликвидирована, вплоть до конца 1990-х годов, когда Северная Корея нуждалась в помощи Китая.

Подобно своей военной поддержке во время войны, экономический успех Китая после холодной войны, с одной стороны, предоставляет Северной Корее новые торговые источники для развития экономического потенциала и финансирования ядерных программ; в то же время он также создает экономическую зависимость Северной Кореи от Китая. Экономическая зависимость может использоваться как источник власти и контроля (Hirschman, 1980; Kirshner and Rawi, 1999; Knorr, 1975; Levy, 2003). Поскольку Северная Корея в среднем полагается на Китай более чем на восемьдесят процентов своей торговли (International Trade Center, 2017), такой высокий уровень торговой зависимости ставит ее в невыгодное положение и потенциально может угрожать стабильности режима. Помимо экономического влияния, экономическая реформа Китая вызвала большой интерес среди северокорейских элит и, следовательно, возродила прокитайскую фракцию в Северной Корее. Одним из самых влиятельных сторонников экономических реформ в китайском стиле был Чан Сон Тхэк, шурин Ким Чен Ира и заместитель председателя Комитета национальной обороны. Поскольку Чан курировал экономическое сотрудничество Северной Кореи с Китаем, у него сложились очень хорошие отношения с китайскими лидерами. Под его руководством в Северной Корее были созданы десятки особых экономических зон китайского типа. Чан и его последователи могли рассматриваться Ким Чен Ыном как реальная угроза его авторитету.

Эта гипотеза подтверждается моими исследованиями отношения Северной Кореи к Китаю. Эта работа показывает, что, с одной стороны, администрации Ким Чен Ира и Ким Чен Ына поддерживают номинально высокий уровень позитивного общего отношения к Китаю (Чжан и Зиновьев, 2017). С другой стороны, если мы внимательно изучим различные типы отношений, мы увидим очень разные паттерны отношений. Например, позитивное отношение к экономическому взаимодействию с Китаем при администрации Ким Чен Ира возросло, когда увеличился объем двусторонней торговли. Для сравнения, администрация Ким Чен Ына оказывает столь сильное сопротивление влиянию Китая, что позитивный настрой снизился даже тогда, когда объем торговли увеличился. Различие в ответах на экономическое влияние Китая можно объяснить различиями во внутриполитических условиях двух режимов (Hilsman, 1971; Levy and Barnett, 1991, 1992; Schilling, 1962; Rose, 1998; Schweller, 2003, 2006). Одна из причин, по которой Ким Чен Ир не оказывал такого сильного сопротивления Китаю, как Ким Чен Ын, заключается в том, что первый

пользовался более высоким уровнем легитимности, чем второй. Ким Чен Ир начал править Северной Кореей вместе с Ким Ир Сеном в 1970-х годах и, следовательно, получил легитимность, когда унаследовал эту власть. Для сравнения, Ким Чен Ын не пользовался особой легитимностью, когда унаследовал трон. Во-первых, Ким Чен Ын был мало известен в корейском обществе отчасти потому, что личности детей Ким Чен Ира были хорошо защищены от общественности, а отчасти потому, что Ким Чен Ын провел большую часть своей жизни за пределами Северной Кореи. Во время моей поездки в Северную Корею мои местные гиды сказали мне, что они не знали, кем был Ким Чен Ын, когда его объявили новым лидером. Во-вторых, молодой возраст Ким Чен Ына, отсутствие опыта управления страной, а также то, что он является младшим сыном Ким Чен Ира, являются его препятствиями для получения поддержки среди высших должностных лиц режима. Поэтому, несмотря на важность выживания режима на глобальном уровне, Ким Чен Ын больше беспокоится о своем собственном политическом выживании в режиме и будет рассматривать влияние Китая и внутреннюю прокитайскую политическую силу как главную угрозу своему авторитету.

Чтобы получить легитимность, Ким Чен Ын убирает своих соперников. Через год после того, как он официально принял власть, он быстро арестовал и казнил Чан Сон Тхэка, второго по силе человека в Северной Корее, своего дядю и назначенного наставника (Harlan, 2010). В обвинительном заключении Чан обвинялся в организации группировки против Ким Чен Ына и дешевой продаже ресурсов Китаю. В то же время Ким Чен Ын отозвал многих северокорейских бизнесменов из Китая и приостановил все официальные контакты высокого уровня с Китаем (Yonhap News, 2013).

Список целей Ким Чен Ына выходит за рамки фракции Чана и включает потенциальных соперников за пределами страны. Например, Ким Чен Нам, старший сын Ким Чен Ира, который в течение многих лет находился под защитой Китая, был убит в феврале 2017 года северокорейскими агентами в Малайзии. Несмотря на то, что Ким Чен Нам открыто заявил о своей незаинтересованности в лидерстве в Северной Корее (Chow and Park, 2017), его личность как старшего сына Ким Чен Ира придала бы ему легитимность на северокорейском троне. Кроме того, тесные отношения Ким Чен Нама с Китаем делают его потенциальным мощным конкурентом Ким Чен Ына с внутренней и внешней поддержкой, если Китай хочет заменить Ким Чен Ына. Это предположение подтверждается недавней попыткой убийства сына Ким Чен Нама северокорейскими агентами в Китае после смерти Ким Чен Нама (Kong, 2017a).

Помимо устранения конкурентов, второй подход Ким Чен Ына к обретению легитимности - это экономическое развитие. Подсчитано, что северокорейская экономика под руководством Ким Чен Ына росла и достигла темпов роста в 3,9% в 2016 году, возможно, благодаря программам ядерного и ракетного развития (Kim and Chung, 2017). Согласно моим северокорейским руководителям, большая часть северокорейской городской экономики была несколько либерализована, и предприятия и потребители практически следуют рыночному механизму в ежедневных сделках, хотя экономика все еще номинально является государственной, плановой экономикой. В своем выступлении на 7-м Конгрессе КВП Ким Чен Ын сделал экономическое развитие одним из своих приоритетов (Kim, 2017). В частности, он подчеркнул необходимость дальнейшего повышения самообеспеченности продовольствием и энергией, а также диверсификации торговых партнеров.

Пересмотр сегодняшней ситуации.

Как я уже показал, несмотря на номинальную “дружбу”, китайско–северокорейские отношения не всегда были дружественными. На самом деле северокорейские лидеры, особенно Ким Чен Ын, опасались влияния Китая. Вера в то, что Китай имеет рычаги влияния на Северную Корею и что его влияние может изменить поведение Северной Кореи, сомнительна. Таким образом, мы должны вернуться к вопросу, почему маленькая, бедная, изолированная страна хочет продолжать дорогостоящую, рассчитанную на десятилетия ядерную программу, несмотря на сильное международное давление?

Короткий ответ-выживание. Выживание является приоритетом для любого правительства. Без выживания все остальное бессмысленно. По этой причине северокорейские лидеры не склонны к самоубийству или иррациональны. Дела Ирака и Ливии убедили северокорейских лидеров в том, что страна нуждается в ядерном оружии для обеспечения безопасности независимо от его стоимости. Но прежде чем Северная Корея создаст продвинутый ядерный потенциал, ей нужен баланс Китая против США. Таким образом, Северная Корея должна поддерживать достаточно хорошие отношения с растущей коммунистической властью. Однако потребность Северной Кореи в Китае не означает, что Китай может использовать рычаги воздействия для управления поведением Северной Кореи. Причина в том, что, во-первых, Северная Корея нуждается в Китае, чтобы уравновесить американскую угрозу в своей глобальной стратегии, а не в том, чтобы Китай помогал США подрывать свою собственную безопасность. Недавнее голосование Китая в ООН за экономические санкции вновь доказало, что Китай является ненадежным балансиром.

Если Китай не сможет выполнить функцию балансировки, то Северная Корея потенциально может относиться к Китаю так же, как она относится к США. Например, в комментарии Центрального информационного агентства Кореи за 2017 год Китай критиковался как "танцующий под дудку США", чтобы "проверить свою ядерную программу (Kong, 2017b)", и предупреждал Китай "задуматься о серьезных последствиях, которые повлечет за собой его безрассудный акт разрушения столпа отношений КНДР и Китая (KCNA, 2017b)". Кроме того, ненадежность Китая будет еще больше мотивировать Северную Корею ускорить развитие ядерных программ, потому что ее потребность в Китае уменьшится по мере того, как ее ядерный потенциал будет продолжать расти.

Во-вторых, для северокорейского лидера рационально противостоять влиянию Китая. Ким Чен Ын заботится о выживании режима, но его приоритетом является собственное политическое выживание. Таким образом, значение экономических отношений с Китаем для Ким Чен Ына можно переоценить. Хотя помощь Китая действительно может улучшить северокорейскую экономику и стабильность режима, она не рассматривается северокорейским лидером как рычаг, который Китай может использовать, чтобы приказывать Северной Корее. Скорее, Северная Корея считает экономическую помощь Китая формой платы за услуги, которую Северная Корея заслуживает за "защиту мира и безопасности Китая" от западного влияния и потенциального вторжения США (KCNA, 2017b). Кроме того, потенциальная политическая угроза, которую Китай представляет для Ким Чен Ына, может перевесить выгоды, которые он и его режим могли бы получить от Китая. Как показывает "трудный марш" середины 1990-х годов, сильная экономика является идеальной, но не необходимой для выживания закрытого тоталитарного режима.

Потенциальное решение.

Для многих политиков санкции по-прежнему являются предпочтительным решением отчасти из-за их низкой стоимости осуществления, а отчасти из-за недоверия к Северной Корее. Однако история показывает, что санкции редко меняют поведение государств-мишеней. Для такого общества, как Северная Корея, которое уже закрыто и отрезано от международного рынка, долгосрочное воздействие санкций было бы еще более ограниченным. Как я уже показал, для Северной Кореи практически невозможно отказаться от ядерного оружия на данном этапе из-за ее озабоченности угрозой со стороны США и стремления быть более независимой от китайского влияния.

Утверждается, что даже если санкции не смогут убедить Северную Корею отказаться от ядерного оружия, они могут поставить под угрозу северокорейскую экономику, подорвать стабильность режима и в конечном итоге решить ядерную проблему внутри страны. Это, я полагаю, к сожалению, принятие желаемого за действительное. Во время моего визита в Северную Корею мои гиды говорили мне, что люди уже "привыкли жить под санкциями" и что люди в целом верят, что санкции в конечном итоге будут сняты, если режим продолжит развивать ядерную программу. Кроме того, санкции были использованы северокорейской пропагандой, чтобы показать пример западной агрессии против Северной Ко-

реи и обвинить в социальных проблемах Запад, особенно США. Иными словами, санкции могут быть использованы северокорейским правительством для укрепления своей легитимности как защитника страны и дальнейшего контроля общества по соображениям безопасности.

Даже если санкции могут заставить северокорейский народ расстроиться из-за своего правительства, маловероятно, что они смогут эффективно координировать и мобилизовать крупномасштабные коллективные действия. Например, северокорейская политическая система поощряет людей шпионить друг за другом и сообщать о “контрреволюционном” поведении или мыслях других. Во время моей поездки в Северную Корею один из моих гидов притворился, что дремлет в автобусе, в то время как карниз обрывал Мой разговор с другим гидом. Поэтому северокорейцы постоянно опасаются, что о них могут сообщить близкие им люди. Кроме того, очень трудно мобилизовать людей в Северной Корее.

Транспортная инфраструктура в Северной Корее находится в плохом состоянии. Когда я путешествовал между северокорейскими провинциями, водитель автобуса мог ехать только приблизительно со скоростью 30 км в час (или 18,6 мили в час) по шоссе, потому что ему приходилось тщательно избегать многочисленных выбоин. Кроме того, для того, чтобы путешествовать между городами и деревнями, людям нужны официальные разрешения, которые можно получить только в том случае, если у них есть официальный бизнес. Телекоммуникационная сеть в Северной Корее находится под пристальным наблюдением правительства. Поэтому правительству легко пресечь любое потенциальное массовое движение в зародыше. Политически, после казни Чан Сон Тхэка, Ким Чен Ын отодвинул в сторону или очистил чиновников, которым он не доверял, и наполнил руководство КВП своими верными последователями, которые вряд ли изменят в ближайшем будущем. В результате вместо того, чтобы добиваться перемен в стране, политические диссиденты или реформисты предпочли бы покинуть страну.

Таким образом, нынешний подход введения санкций в отношении Северной Кореи или обращения к Китаю с просьбой ввести более жесткие санкции вряд ли увенчается успехом. Что может изменить поведение Северной Кореи? Вместо того чтобы просить и ожидать невозможного, США и международное сообщество должны сосредоточиться на том, как принять тот факт, что Северная Корея является ядерным государством, и научиться справляться с этим. Например, Северная Корея в течение многих лет стремилась провести двусторонние переговоры с США, чтобы нормализовать свои отношения. Однако США настаивают на полной денуклеаризации перед любыми прямыми двусторонними переговорами, что неприемлемо для Северной Кореи.

Недавняя эскалация кризиса дает возможность Северной Корее и США наладить отношения. Ким Чен Ын заботится о своем политическом выживании и выживании режима. Поэтому, несмотря на свою антиамериканскую риторику, Северная Корея не хочет быть врагом мировой сверхдержавы. Он разрабатывает ядерное оружие и полагается на Китай, чтобы уравновесить его против США, потому что он подвергся враждебной политике США и изолирован международным сообществом. Следовательно, чем с большей угрозой сталкивается Северная Корея или чем она более изолирована, тем больше она нуждается в Китае в краткосрочной перспективе, чтобы уравновесить угрозу, тем больше Северная Корея становится осторожной по отношению к влиянию Китая и тем больше она будет сопротивляться внутреннему влиянию Китая. Таким образом, Северная Корея может нуждаться в ком-то, чтобы уравновесить Китай. Если США продолжат свою нынешнюю политику, то Северная Корея может обратиться к другим соседним державам, таким как Россия, чтобы уравновесить как Китай, так и США.

В конце концов, никто не хочет видеть ядерную войну на Корейском полуострове. Если бы США могли отойти от своей нынешней враждебной политики в отношении Северной Кореи и необоснованных требований к ней или если бы международное сообщество могло взаимодействовать с Северной Кореей вместо ее изоляции, то северокорейскому руководству не нужно было бы нацеливать ядерное оружие на США и их союзников; оно могло

бы даже приветствовать больше политических и экономических сил, чтобы уравновесить влияние Китая в стране. Этот подход отнюдь не прост из-за истории и недоверия между Северной Кореей и США. Но это будет намного лучше, чем другие альтернативные результаты.

Рекомендации.

1. Бузо а (2016) создание современной Кореи. 3-е изд., Раутледж, Нью-Йорк, Нью-Йорк.
2. Kim C, Chung J (2017) North Korea 2016 экономический рост на 17-летнем максимуме, несмотря на санкции—Южная Корея. корреспондент агентства Рейтер. <https://www.reuters.com/article/uk-northkorea-economy-gdp/north-korea-2016-economic-growth-at-17-year-high-despite-sanctions-south-korea-idUKKBN1A6083>
3. Центр стратегических и международных исследований (2017) запуски северо-корейских ракет. ракетная угроза. <https://missilethreat.csis.org/north-korea-missile-launches-1984-present>
4. Chow E, Park JM (2017) Северная Корея подозревается в убийстве сводного брата лидера. корреспондент агентства Рейтер. <https://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-malaysia-kim/north-korea-suspected-behind-murder-of-leaders-half-brother-u-s-sources-idUKKBN15T1EA>
5. Chung JH, Choi M (2013) неопределенные союзники или неудобные соседи? Придание смысла китайско-северокорейским отношениям, 1949-2010 Pac Rev 26 (3):243-264. <https://doi.org/10.1080/09512748.2012.759262>
6. Clover C, Harris B, Lockett H (2017) северокорейские компании в Китае приказали закрыть. финансовое время. <https://www.ft.com/content/be406ed8-a4b3-11e7-9e4f-7f5e6a7c98a2?mhq5j=e5>
7. Doubek J (2017) Китай движется к ограничению торговли топливом, текстилем с Северной Кореей. NPR. <http://www.npr.org/sections/thetwo-way/2017/09/23/553087705/china-moves-to-limit-fuel-textile-trade-with-north-korea>
8. Dyer G (2016) США давят на Китай из-за отношений с Северной Кореей. <https://www.ft.com/content/a527c3c6-b5c0-11e5-b147-e5e5bba42e51>
9. Erickson SA (2001) экономические и технологические тенденции, влияющие на ядерное нераспространение. Нераспространение Rev Лето: 40-54. <http://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/82erick.pdf>
10. Epstein W(1977) Why states go—and don't go—nuclear Ann Am Acad Political Social Sci 430 (1):16-28. <https://doi.org/10.1177/000271627743000104>
11. Gause FG (2007) угрозы и восприятие угроз в регионе Персидского залива ближневосточная политика 14 (2):119-125
12. Харлан Си (2010) преемственность в Северной Корее: Ким Чен Ир назначает Чан Сон Тхэка смотрителем для Ким Чен Ына. Вашингтон пост. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/08/15/AR2010081503356.html?sid=ST2010083105101>
13. Hilsman R (1971) The politics of policy making in defence and Foreign Affairs. Поуман и Литтлфилд, Нью-Йорк, Нью-Йорк
14. Хиршман А (1980) национальная власть и структура внешней торговли. University of California Press, Berkeley
15. Международный торговый центр (2017) торговая карта. www.intracen.org/marketanalysis
16. Джервис Р. (1976) восприятие и неправильное восприятие в международной политике. Издательство Принстонского университета, Нью-Джерси, Нью-Джерси
17. Kang D (2003) Getting Asia wrong: The need for new analytical Framework Int Secur 27 (4): 57-85

18. KCNA (2017a) Родонг Синмун призывает к упорной борьбе против американской KCNA. <https://kcnawatch.co/newstream/1509260484-528114070/rodong-sinmun-calls-for-stubborn-struggle-against-u-s/>
19. KCNA (2017b) комментарий к отношениям между КНДР и Китаем. ККНА. <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this>
20. Ким Си (2017) комментарий к отношениям между КНДР и Китаем. Центральное Кореяское Информационное Агентство. <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this>
21. Выступления Ким Чен Ына на 7-м съезде Рабочей партии. https://www.ncnk.org/resources/publications/KJU_Speeches_7th_Congress.pdf
22. Kirshner J, Rawi A (1999) Strategy, economic relations, and the definition of national interests *Securities* 9 (1/2): 119-56
23. Кнопп К. (1975) власть наций: политическая экономия международных отношений. Основные книги, Нью-Йорк, Нью-Йорк
24. Kong K (2017a) China breaks up plot to kill Kim Jong Un's nephew, Report Says. Блумберг Полит. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-30/china-breaks-up-plot-to-kill-kim-jong-un-s-nephew-report-says>
25. Kong K (2017b) Северная Корея говорит, что Китай "танцует под американскую дудку" в редкой ссоре. Блумберг Полит. <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-02-24/north-korea-says-china-dancing-to-u-s-tune-in-rare-criticism>
26. Kristensen HM, Robert SN (2017) A history of US nuclear weapons in South Korea *Bull At Sci* 73 (6):349-57
27. Ланьков а (2013) Реальная Северная Корея: жизнь и политика в несостоявшейся Сталинской утопии. Пресса Оксфордского Университета
28. Levy JS, Barnett MN (1991) внутренние источники союзов и объединений: дело Египта, 1962-1973 *Int Organ* 45 (3): 369-395
29. Levy JS, Barnett MN (1992) формирование альянсов, внутренняя политическая экономия и безопасность третьего мира *Jerus J Int Relat* 14 (4):19-40
30. Levy J (2003) Balances and balancing: concepts, propositions, and research design. В: John AV, Colin E (eds) *Realism and the balance of power: a new debate*. Прентис-Холл, Аппер-Седл-Ривер, Нью-Джерси
31. NK News (2017) NK leadership tracker. www.nknews.org. Дата обращения 1 января 2017 года
32. Офис пресс-секретаря (2014) пресс-конференция с участием президента Обамы и Президента Республики Корея Пака. <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/press-conference-president-obama-and-president-park-republic-korea>
33. Пауэлл р. (1999) в тени власти: государства и стратегии в международной политике. Издательство Принстонского университета, Принстон, Нью-Джерси
34. Rose G (1998) неоклассический реализм и теории внешней политики *World Polit* 51 (1):144-172
35. Ротштейн р. (1968) альянсы и малые державы. Издательство Колумбийского университета, Нью-Йорк, Нью-Йорк
36. Schilling WR (1962) The politics of National Defense: Fiscal 1950. В: Schilling WR, Hammond PY, Snyder GH (eds) *Strategy, politics, and defense Budget*. Издательство Колумбийского университета, Нью-Йорк, Нью-Йорк
37. Schroeder P (1994) Historical reality vs. neo-realist theory *Int Secur* 19 (1):108-48
38. Schwartz S (2008) the costs of U. S. nuclear weapons. Инициатива по ядерной угрозе. <http://www.nti.org/analysis/articles/costs-us-nuclear-weapons/>
39. Schweller RL (1994) Bandwagoning for profit: bringing the revisionist state back *Int Secur* 19 (1): 72-107

40. Schweller RL (2003) прогрессивность неоклассического реализма. In: Elman C, Elman MF (eds) Progress in international relations theories: assessing the field. MIT Press, Кембридж, Массачусетс
41. Schweller RL (2006) неотвеченные угрозы: политические ограничения баланса сил. Издательство Принстонского университета, Принстон, Нью-Джерси
42. Shen J (2003) Weihu dongbeiya anquan de dangwu zhi ji [the urgent task in safeguarding Northeast Asian security] Shijie Jingji Yu Zhengzhi [World Econ Polit] 9:55–60
43. Suh D (ed.) (2004) Bukhan munhon yongu [studies of North Korean documents]. Institute for Far Eastern Studies, Seoul
44. Walt S (1985) Alliance formation and the balance of world power Int Secur 9(4):3–43
45. Walt S (1987) The origins of alliances. Cornell University Press, Ithaca, NY
46. Waltz K (1979) Theory of international relations. Addison-Wesley, Reading, MA
47. Waltz K (1990) ядерные мифы и политические реалии Am Political Sci Rev 84 (3):731
48. Yonhap News (2013) N. K. бизнесменов в Китае вызвали обратно после казни Чана. Новости Йонхапа.
<http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2013/12/14/82/0401000000AEN20131214001400315F.html>
49. Зан х (2017) Ким Чен Ын опасен и склонен к риску, но не является “сумасшедшим”, говорят аналитики. Час новостей PBS.
<https://www.pbs.org/newshour/world/analysis-kim-jong-un-is-dangerous-and-unpredictable-but-not-a-madman>
50. Чжан Д (2016) анализ изменений в познании Северной Кореей Китая Korean J Def Anal 28 (2): 199-221
51. Чжан Ш, Зиновьев Д (2017) семантический сетевой анализ северокорейско–китайских отношений. In: American Political Science Association 2017. Сан-Франциско, Калифорния. <https://apsa2017-apsa.ipostersessions.com/default.aspx?s=2B-C4-89-82-EB-CA-83-AD-14-CB-4F-B3-97-64-00-72>

Вэйци Чжан(2018)

Приложение Д

Публикация на тему:

Пересмотр потенциальных угроз безопасности, связанных с китайско-пакистанским экономическим коридором (СРЕС) ***Риаз Ахмад, Гонг-Ми, Ллойд У. Fernald(2020)***

Краткий обзор.

Данное исследование подтверждает предполагаемые положительные результаты, связанные с китайско-пакистанским экономическим коридором (СРЕС) в связи с развитием порта Гвадар в Пакистане. Кроме того, исследование дает представление о вызовах и угрозах, связанных с СРЕС, и предлагает политические последствия для улучшения ситуации в Пакистане. СРЕС является всеобъемлющим соглашением о развитии, которое не только устанавливает экономические и стратегические связи между Китаем и Пакистаном, но и обладает потенциалом интеграции других субрегионов Азии, которые могли бы играть ключевую роль в улучшении экономической и стратегической обстановки в регионе. В данной статье освещается будущий сценарий энергетических сделок как для Китая, так и для Пакистана и рассматривается вопрос о том, как порт Гвадар может возродить экономику Пакистана в условиях быстро растущей взаимозависимости между двумя странами. Эта связанность окажет значительное влияние на экономику Пакистана, так как Китай инвестирует огромные суммы капитала с точки зрения инвестиций и передачи технологии в строительство мегапроектов в течение длительного периода времени. На основе обзора литературы в статье также исследуется жизненно важная роль, которую порт Гвадар, как ожидается, будет играть в региональной экономической интеграции Южной и Центральной Азии.

Введение.

Пакистан является одной из самых важных стран в Азии с точки зрения народонаселения. Она считается шестой по численности населения страной в мире, с предполагаемым населением почти 200 миллионов человек по состоянию на 1 января 2017 года и 220 миллионов в 2024 году, согласно прогнозам Организации Объединенных Наций (Chandio, Yuansheng, & Magsi, 2016; см. Рисунок 1).

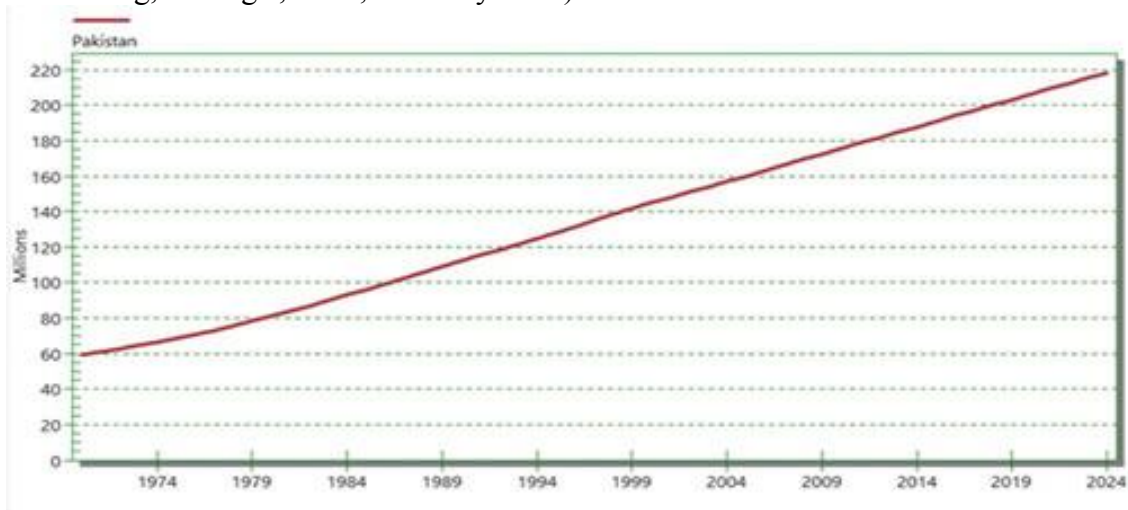

Рисунок 8Прогноз ООН в области народонаселения

Большая часть населения проживает в четырех провинциях Хайбер-Пахтунхва (КПК), Пенджаб, Синд и Белуджистан. По прогнозам, к 2050 году она станет четвертой по численности населения страной. По состоянию на середину 1990-х годов это одна из восьми стран с населением свыше 25 миллионов человек в сочетании с общим уровнем рождаемости свыше пяти рождений на одну женщину (Machel, Salgado, Klot, & Salgado, 2001).

Известная китайская поговорка гласит: "Чтобы понять сегодняшний день, нужно знать историю; а, чтобы узнать будущее, нужно пересмотреть прошлое." Это очень важно знать о грубом понимании населения Пакистана сегодня и демографических изменениях в истории страны (Zhuo & Liping, 2010, стр. 42).

Другие конкретные данные о населении до 2016 года включают темпы роста на 2,10 процента, рождаемость на 29,8 рождений / 1000 населения, смертность на 7,5 смертей/1000 населения и ожидаемую продолжительность жизни на 67,7 года, что составляет 65,8 года для мужчин и 69,8 года для женщин. Кроме того, коэффициент рождаемости в Пакистане до 2016 года составлял 2,68 ребенка/женщина, а коэффициент младенческой смертности- 53,86 смерти/1000 живорождений. Общий коэффициент рождаемости был относительно высоким до конца 1970-х годов, но постепенно снижался и, как ожидается, достигнет 2,5 в 2024 году (см. рис 2).

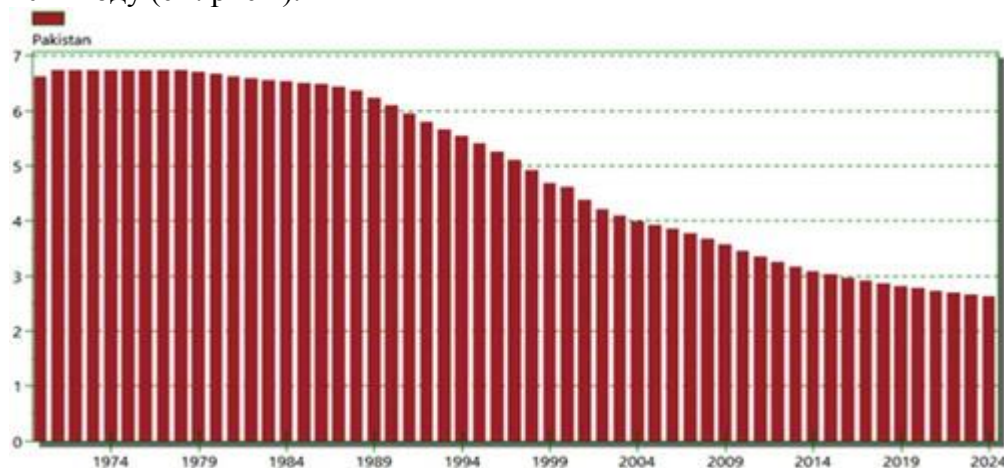

Рисунок 9 Коэффициент рождаемости в Пакистане

Белуджистан-самая обездоленная провинция Пакистана. Он расположен на восточном краю иранского холма, и трудно определить пограничные регионы между Юго-Западной, Центральной и Южной Азией. Он является географически самым крупным из четырех провинций на 347 190 км и составляет 42 процента от общей площади земли Пакистана. Плотность населения очень низкая из-за холмистой территории и недостаточности водных и других людских ресурсов. Он имеет 26 районов и приблизительное население Белуджистана составляет 13 162 222, согласно переписи 2014 года.

Белуджистан богат природными ресурсами. Экономика страны в значительной степени базируется на добыче природного газа, угля и полезных ископаемых. Природные ресурсы провинции в значительной степени способствуют удовлетворению энергетических потребностей Пакистана в целом. Ограниченное земледелие на востоке и рыболовство вдоль побережья Аравийского моря являются другими формами дохода и средств к существованию для местного населения. Белуджистан очень беден базовым образованием. Грамотность является главным краеугольным камнем развития человеческого потенциала и борьбы с нищетой. Его влияние распространяется на многие отрасли-здравоохранение, социальную сферу и экономику. Дети грамотных родителей имеют гораздо больше шансов получить образование и подготовиться к лучшей жизни, а грамотное население имеет лучшие экономические перспективы, чем неграмотное (Khan, 2013).

Как показано в Таблице 1 уровень грамотности в Белуджистане очень низок, и только 39 процентов мужчин получают базовое образование. Доля городских мужчин составляет 65; доля сельских мужчин-33. Доля женщин, получающих образование, составляет лишь 16 процентов, причем в городах этот показатель составляет 40 процентов, а в сельских районах-10 процентов. Это отражает огромный разрыв между уровнем грамотности мужчин и женщин (39 процентов против 16 процентов). Доля городских и сельских мужчин и женщин (65 процентов против 40 процентов) и (33 процента против 10 процентов), соответ-

ственно, свидетельствует об огромном разрыве в уровне дискриминации. Наконец, общая грамотность мужчин и женщин составляет 28 процентов. Она составляет 54 процента в городских районах и только 23 процента в сельских районах (Ghaffar, Pongponich, Ghaffar, & Mehmood, 2015).

	Белуджистан	Городской
Мужской	39	65
Женский	16	40
Весь	28	54

Таблица 1 Уровень грамотности в процентах за 10 лет.

В Белуджистане есть только пять государственных университетов, и большинство населения, как отмечалось выше, лишено образования. Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) внесет существенные изменения в уровень образования. Поэтому образование является основным способом стандартизации образа жизни народа Пакистана, особенно в Белуджистане. КПЭК особенно создаст образовательные возможности в неблагополучных районах. Это поможет уменьшить бедность, безработицу и недовольство несправедливостью для слаборазвитой провинции. Рост мятежей является одной из самых серьезных угроз для федерации Пакистана. Родина племени — Балоч-это огромная территория пустынь и гор. Географически провинция Балоч считается самой большой провинцией Пакистана, в то время как демографически она является самой маленькой. Белуджистан является самой слаборазвитой провинцией, и эта слаборазвитость свидетельствует о тревожной ситуации. С 1947 года Белуджия сталкивается с различными формами лишений, и это чувство лишения в Белудже стало одной из главных причин ряда восстаний против федерального правительства. Политические договоренности при длительном военном правлении вызывают сомнения в умах Белуджийцев, которые имели скудное представительство в пакистанских военных и гражданских службах. Эта ситуация стала главным источником усиления чувства национализма среди населения Белуджистана (Majeed & Hashmi, 2014).

Обзор литературы.

Демографический состав населения Гвадар-Белуджистана.

Демографические изменения определяются по регионам. По оценкам Гвадарского Управления по вопросам развития, в течение 30 лет в Гвадар должны переехать около 1,7 миллиона человек. Порт пока не функционирует, но заметные признаки прогресса были замечены. Точно так же новые жилые районы, гостиницы, здания, школы, больницы и дороги являются индикаторами современных тенденций. Он также, как ожидается, окажет позитивное воздействие на остальную часть провинции, которая долгое время оставалась без внимания. Порт Гвадар является мегапроектом СРЕС, и ожидается огромный объем инвестиций как в его инфраструктуру, так и в расширение (Ali, 2015).

В апреле 2015 года председатель КНР Си Цзиньпин посетил Пакистан-второй визит китайского лидера в Пакистан с начала XXI века после визита Ху Цзиньтао в 2006 году. Си Цзиньпин хотел посетить Пакистан в 2014 году во время своей поездки в Южную Азию на Мальдивы, Шри-Ланку и Индию, однако эта поездка была отложена из-за политических проблем в Пакистане. В ходе его визита было подписано около 51 соглашения между Китаем и Пакистаном на общую сумму 46 миллиардов долларов, которые также включали в себя развитие СРЕС. Первоначальные 46 миллиардов долларов, которые Китай инвестировал в Пакистан в рамках СРЕС, теперь расширились примерно до 54 миллиардов долларов. Эта сумма превышает все прямые иностранные инвестиции. В результате за послед-

ние несколько лет Пакистан получил значительно больше помощи, чем он получил от Соединенных Штатов с 11 сентября 2001 года (Ali, 2015).

СРЕС и порт Гвадар.

СРЕС также будет способствовать развитию экономической и торговой деятельности через сухопутный маршрут, который соединит Кашгар с Гвадаром, где Китай уже имеет экономическую зону. Он также продлит транспортный путь более чем на 4500 миль от Шанхая до крупных портов в регионе Персидского залива (Ghauri, 2006).

Правительство Пакистана уделяет повышенное внимание вопросам образования. В результате они запустили схему ноутбуков для всех талантливых студентов в комиссии по высшему образованию, которая включает в себя все признанные колледжи и университеты. В то время как Белуджистан является одной из отсталых провинций Пакистана по всем аспектам стандартной жизни, этот регион полон природных ресурсов. СРЕС и Гвадар порт будет использовать эти ресурсы как можно скорее и будет просвещать людей в этой области, прежде всего потому, что этот мега-проект позволит создать более 70 000 рабочих мест, по словам китайского посла и планирования министра Пакистана (Хали, Shukui, & Икбал, 2015). Образование является мощным инструментом социально-экономических и политических изменений, сопутствующих глобальному, технологическому и демократическому развитию. Именно поэтому необходимо повышать качество образования в менее развитых районах Пакистана (Hali et al., 2015).

История Китая-Пакистана и СРЕС/ Один пояс и один путь.

Пакистан и Китай разделяют классическую историю отношений, которая процветала со временем, независимо от различий в культуре, досуге, верованиях и географической близости. Первые официальные дипломатические отношения между двумя странами были установлены 21 мая 1951 года. Тем не менее, отношения между двумя странами начали складываться непросто. В 1949 году девальвация индийской валюты остановила двустороннюю торговлю между Индией и Пакистаном. Пакистан серьезно пострадал, поскольку импортировал уголь из Индии для развития своих новых отраслей промышленности. Когда Китай вскоре подписал соглашение о торговле углем и хлопком с Пакистаном, отношения между двумя странами улучшились, и Пакистан стал первой мусульманской страной, признавшей Китай в качестве независимого государства. Пакистан также поддержал включение Китая в Совет Безопасности ООН, а Китай поддержал Пакистан во время войны 1965 года. Кроме того, обе страны улучшили свою двустороннюю торговлю. В 1963 году между двумя странами было подписано первое двустороннее торговое соглашение. Позже, в 2006 году, между двумя странами было подписано соглашение о свободной торговле, а в 2009 году-еще одно внешнеторговое соглашение о торговле услугами. Торговля между двумя странами возросла с \$ 1 млрд в 1998 году до \$ 13 млрд в 2013 году и далее до \$ 20 млрд в 2015 году (Ахмед, Махмуд, Хасан, Сидху, и стыковой, 2016).

СРЕС является важным соглашением в улучшении региональной связанности в качестве "стратегических партнеров". "Идея экономического коридора между Китаем и Пакистаном существовала много лет, но стала реальностью в 2013 году благодаря визиту китайского премьера Ли Кэцзяна в Пакистан. Исторический меморандум о взаимопонимании между двумя странами по КЗЭК был подписан 5 июля 2013 года. В том же году премьер-министр Наваз Шариф посетил Китай и подписал восемь соглашений. В 2014 году президент Пакистана Мамнун Хусейн посетил Китай и обсудил различные планы, связанные с СРЕС. Премьер-министр Наваз Шариф вновь посетил Китай, и было подписано еще 19 соглашений (Ahmed et al., 2016).

СРЕС является важной частью программы "Один пояс-один путь" (обор), которая была провозглашена как крупное изменение, обещающее принести мир и процветание Пакистану. Это пакет инфраструктурных и энергетических проектов, продолжение амбициозной инициативы Китая по оборонке. Его конкретная цель-модернизация и расширение пакистанской инфраструктуры, связывающей западную провинцию Китая Кашгар с пакистанским портом Гвадар на Индийском океане. Пакистан-развивающаяся страна; СРЕС -

это прекрасная возможность для укрепления своей экономики. Благодаря этому мегапроекту (CPEC) население Пакистана может сократить свою бедность и достичь более высокого уровня жизни. Как уже говорилось ранее, CPEC является основной частью OBOR, глобального проекта председателя КНР Си Цзиньпина, имеющего корни в древнем и средневековом Шелковом пути (Kazi, 2006), хотя и установлен на современном фоне (Kazi, 2017).

Ранний анализ CPEC на национальном уровне, который обеспечивает инициативу экономического роста и развития, был проведен Naseem (2015). Он обрушил общий объем инвестиций в общий объем китайских инвестиций (см. таблицу 2).

	Инвестиции (млрд долл.)	Внутренняя доля	Внутренняя доля (млрд долл.)
Энергия (распад)	33.8		
Уголь 7,560 МВт	8.8	20-процентный	1.8
Ветер 200 МВт	0.5	20-процентный	0.1
Hydel 1,590 МВт	4.2	50-процентный	2.1
Солнечная энергия 1000 МВт	1.7	0 процентов	0
Вторая фаза 6,445 МВт	9.5	20-процентный	1.9
Расходы на добычу полезных ископаемых	9.0	50-процентный	4.5
Дорога	5.9	80-процентный	4.7
Рельс	3.7	50-процентный	1.8
Общественный транспорт в Лахоре	1.6	50-процентный	0.8
Порт Гвадар	0.7	50-процентный	0.3
Китай Пак Волоконная оптика	0	0 процентов	0
Весь	45.7		18.1

Таблица 2 Оценка локальной составляющей в CPEC

В своем втором анализе они изучили потенциальное влияние инвестиций на местный валовой внутренний продукт (ВВП). В этих усилиях для увеличения ВВП на одну единицу потребовалось 3,6 единицы дополнительных инвестиций. Было предсказано, что проект CPEC увеличит темпы роста ВВП на 1,5 процента в течение следующих 3 лет. Планировщики CPEC также видят возможности для частных инвестиций, если окружающая среда позитивна. Частные инвестиции добавляют 0,5 процента к ВВП страны (см. таблицу 3) (Abid & Ashfaq, 2015).

ВВП-FY 2015	\$ Млрд	287
Общий объем инвестиций	\$ Млрд	54 (приблизительно)
Общий объем инвестиций	процент от ВВП	16 процентов
Временной период	Годы	3
Ежегодное добавление к запасам / отношение ВВП	процент от ВВП	5,30 процента
Дополнительный потенциал роста ВВП	процент от ВВП	1,50 процента
Увеличение инвестиций частного сектора	процент от ВВП	1,80 процента
Дополнительный потенциал роста ВВП	процент от ВВП	0,50 процента
Общее увеличение потенциала роста ВВП	Процент Понт	2,00 процента

Таблица 3 Влияние потенциала роста ВВП.

Совокупный эффект от частных инвестиций будет таким .02 процента в течение 2016-2018 годов. Ожидалось, что темпы роста в течение 3-летнего периода будут близки .06 процентов (Ramay, 2016).

Роль Гвадара в развитии Белуджистана.

Роль Гвадара в развитии Белуджистана очень важна из-за его портовых сооружений и того, что он является центром природных ресурсов. Портовые коммунальные услуги связаны с обработкой грузов и пассажиров, а также с деятельностью, связанной с хранением и транспортировкой, как в пределах порта, так и в прилегающих центрах. Он также может быть использован в качестве судоремонтного завода. Кроме того, в порту также будет создан комплекс перерабатывающих производств. Будут включены функции перевалки и преобразования импортируемых материалов до их дальнейшей отгрузки. Промышленный комплекс порта будет обслуживать тяжелые товары, связанные с нефтяной и химической промышленностью, такие как железо, сталь и сахарные заводы (Kazi, 2017).

Четвертая функция порта могла бы вместить рекреационную и туристическую отрасли. По мере расширения промышленной базы в Гвадаре и расширения экономической деятельности людям будут предоставляться возможности для трудоустройства, что, следовательно, будет способствовать развитию региона. Ожидается, что она создаст около двух миллионов новых рабочих мест примерно через 8-10 лет. Можно было бы ожидать, что белуджистанский регион станет богатым почти во всех аспектах жизни (Khetran, 2014). Белуджистан богат природными ресурсами, но их освоение еще предстоит испытать. Ожидается, что СПЕС привлечет международное внимание к своим крупным газовым резервуарам, потенциальным запасам нефти и драгоценным материалам не только в Китае, но и в странах Центральной Азии, Европы и Африки. Инвесторы проявили живой интерес к процессу его развития. В недрах страны сосредоточена значительная часть энергетических и минеральных ресурсов Пакистана, на долю которых приходится 36 процентов от общего объема добычи газа. Он также содержит большое количество угля, золота, меди, серебра, платины, алюминия и Урана. Там, по оценкам, находится 200 миллионов тонн железа и 217 миллионов тонн угля. В Сайндаке запасы золота и меди оцениваются в 412 миллионов тонн. Аналогично, Reko Diq содержит 5,9 миллиарда тонн меди и золота. Однако в провинции отсутствует надлежащая инфраструктура для эксплуатации и транспортировки этих ресурсов (Khetran, 2014).

В 1970-х годах Пакистан и Китай подписали официальное соглашение о развитии добычи меди и золота в Сайндаке. Шахта была передана в аренду компании Metallurgical Corporation of China, Ltd. на протяжении 10 лет. Это соглашение должно было продлеваться каждые 5 или 10 лет в соответствии с пересмотренными условиями аренды. Шахта Сайндак, по оценкам, имеет 412 миллионов тонн золота и серебра, содержащих в среднем 0,5 грамма золота на тонну и 1,5 грамма серебра на тонну. По официальным оценкам, проект также имеет мощность производства 15 800 тонн blisterной меди в год, содержащей 1,5 тонны золота и 2,8 тонны серебра. Проект по добыче Сайндака внес значительный вклад в экономику Пакистана. По данным министерства нефти и природных ресурсов, Департамента шахт и полезных ископаемых, ежегодный экспорт меди из проекта "Сайндак" составляет около 280 миллионов долларов. Она исторически игнорировалась по целому ряду причин, включая соучастное невнимание феодальной племенной аристократии, коррупцию, недостаток образования и пренебрежение со стороны центрального правительства. В результате эта богатая полезными ископаемыми провинция не получила такого развития, как остальная часть страны. Его природные ресурсы не используются. Например, он имеет пятые по величине в мире запасы золота и меди с легким доступом к Тетианскому поясу запасов золота и меди. Этот пояс простирается от Венгрии в Европе до Индонезии на Дальнем Востоке через Евразию, но он гораздо легче доступен в Белуджистане (Khetran, 2014).

Проблемы и препятствия.

Пакистан сталкивается со многими проблемами и препятствиями на пути достижения максимальных выгод СРЕС, включая экономическую нестабильность, особенно в Белуджистане; угрозы безопасности; терроризм и религиозное воздействие СРЕС; иностранное участие и другие внешние вызовы; конвергентные интересы; географические обстоятельства; и плохую погоду. Каждый из них будет обсуждаться по очереди.

Экономическая нестабильность Пакистана, особенно в Белуджистане.

Несмотря на все свои ресурсы, Пакистан сталкивается с серьезными экономическими и политическими проблемами. СРЕС может оказаться подстановочным знаком в стабилизации своей экономики, одновременно улучшая отношения со своими соседями и превращая Гвадар в торгово-экономический центр региона. Коридор мог бы предложить решение проблемы нестабильной экономики и открыть новые горизонты развития за счет улучшения социально-экономических условий и повышения качества жизни. Многие особые экономические зоны создаются для Пенджаба, Гилгит-Балтистана, КПК, Белуджистана и Синда. В конечном счете они принесут богатство потенциальным международным инвесторам и помогут Пакистану стимулировать свой экономический рост. Текущий проект СРЕС рассматривается как игра, меняющая правила игры для региона. Коридор не только соединит порт Гвадар с Синьцзяном, но и сократит географические расстояния. Ожидается, что успешное завершение этого проекта приведет Пакистан к процветанию и поможет ему стать экономически сильным (Khetran, 2014). Однако в Пакистане существует глубоко укоренившийся регионализм, который необходимо учитывать. Регионалистские силы выступали против КПЭК, требуя большей доли в проекте или полностью отвергая его. Было показано, что участие Китая в Пакистане ведет к ужесточению контроля военных над гражданскими вопросами, связанными с проектом (Nameed, 2018).

Угроза безопасности.

Наиболее очевидной из проблем функционирования порта Гвадар могла бы стать проблема безопасности. К сожалению, некоторые люди с корыстными интересами пытались преувеличить опасения по поводу ситуации с безопасностью в Гвадаре. Поэтому крайне важно, чтобы такие элементы контролировались и обеспечивалась безопасность всего коридора. Наилучшим способом достижения этой цели было бы вовлечение местного населения в процесс принятия и осуществления решений и обеспечение того, чтобы признаки прогресса были видны населению в целом. Без полноценной поддержки местных жителей было бы наивно полагать, что такой масштабный проект может быть успешно реализован.

Еще одной сложной задачей для успешного завершения СРЕС является угроза безопасности как на внутреннем, так и на внешнем уровнях. И Китай, и Пакистан имеют проблемы внутренней безопасности, и Пакистан сталкивается с основной тяжестью экстремизма и терроризма. От Синьцзяна до Гвадара существует множество экстремистских группировок, состоящих из Исламского движения Восточного Туркестана (ЕТИМ), Техрик-и-Талибан Пакистан (ТТР), Лашкар-и-Тайиба, Лашкар-и-Джангви, ДАИШ, Фронта освобождения Белуджистана и воинствующих крыльев некоторых политических партий. Все эти группы пытаются остановить проект СРЕС. За последние годы в провинции Белуджистан были убиты два китайца. В результате правительство Пакистана усилило охрану 5000 китайских рабочих в различных секторах проекта (Ghaffar et al., 2015).

Терроризм и религиозное воздействие СРЕС.

Еще одна проблема связана с терроризмом и крайне религиозным воздействием на СРЕС, а также с ростом повстанческого движения в Афганистане. Это может нарушить работу, потому что группа ТТР все еще активна, несмотря на операцию Zarb-i-Azb. Хотя он разделен на небольшие группы, террористы могут быть нацелены на военных, рабочих и инженеров, работающих в этом районе. Аналогичным образом, с китайской стороны, ЕТИМ в Синьцзяне также может создать проблемы для сухопутной экономической деятельности. Однако Китай принял достаточные меры для сдерживания мятежа и развития западной части Китая (Salman, 2015).

Иностранное участие/другие внешние вызовы.

Внешние элементы, активно поддерживающие и финансирующие Белуджийские воинствующие организации в Пакистане, являются еще одним вызовом экономическому коридору. Пакистан поднял этот вопрос с соседними странами, чтобы ликвидировать мятеж. Китай и Пакистан договорились сотрудничать в борьбе с повстанцами и терроризмом и договорились о совместном механизме обеспечения безопасности китайских рабочих в Пакистане (Bhutta, 2015). Кроме того, Соединенные Штаты недавно предупредили Пакистан, что он столкнется с долгосрочным экономическим ущербом с небольшой отдачей, если Китай продолжит развивать свою гигантскую инфраструктуру.

Главный американский дипломат по Южной Азии заявил, что СРЕС принесет пользу только Пекину и что Соединенные Штаты предлагают лучшую модель. Многомиллиардная инициатива с Китаем продиктована неконцессионными кредитами, причем китайские компании посылают свою собственную рабочую силу и материалы перед лицом растущего ущерба для пакистанской экономики. Это будет усугубляться, когда основная часть платежей придет в срок. С другой стороны, частные инвестиции США в сочетании с американскими грантами существенно улучшили бы проблемную экономику (World, 2019).

Конвергентные интересы.

Конвергентные интересы противоборствующих сил могут объединиться, чтобы поставить под угрозу проект СРЕС. В этом процессе сепаратисты внутри Белуджистана могли бы сыграть важную роль благодаря поддержке Индии и других зарубежных стран (Khan, 2013). Кроме того, хотя СРЕС может трансформировать Пакистан, он также имеет явные последствия для государств Персидского залива, потому что это будет область конкуренции для них (Cole, 2019).

Географические обстоятельства.

Еще одним потенциальным препятствием при строительстве нефтепровода является его большая высота. Трубопровод пройдет по территории, которая находится на высоте 15 000 футов над уровнем моря, что создаст технические сложности. Поскольку китайцы имеют опыт строительства газопроводов из среднеазиатских республик в Китай, они, скорее всего, построят газопровод через Гвадар. Этот проект принесет еще больше пользы китайской экономике. Например, это уменьшило бы зависимость от транспортировки нефти через Индийский океан через Малаккский пролив (Zubir, 2004).

Плохая погода.

Плохая погода также является препятствием для проекта. СРЕС столкнется с проблемой погоды, потому что в зимний сезон транспортировка по дорогам становится затруднительной, поскольку дороги блокируются сильным снегом в северном регионе. Для открытия маршрутов необходимо будет начать работы по расчистке снега. Тем не менее, снегопад может привести к серьезным дорожно-транспортным происшествиям и засорам (Khan, 2013).

Вышеупомянутые реалии должны быть учтены, поскольку ожидается, что каждый фактор будет препятствовать осуществлению проекта. Правительства Китая и Пакистана должны быть привержены строительству Экономического коридора, чтобы начать новую эру экономического возрождения. Китайские власти знают, что порт Гвадар может сыграть значительную роль и может сформировать будущие торговые отношения с региональными странами. Китай также хорошо понимает, что Соединенные Штаты и Индия не будут счастливы, если Китай будет контролировать порт Гвадар, и обе страны, вероятно, почувствуют угрозу от присутствия Китая в Индийском океане. Поэтому зависимость Пакистана от Китая может усилить трудности для Индии, хотя Китай и не проявлял гегемонистских устремлений в регионе (Khan, 2013).

Возможности для Пакистана.

СРЕС-это название беспроигрышной ситуации, крупных изменений и крупного банка для Пакистана. Это особенно верно для менее развитых районов, таких как Белуджистан. Стратегическое положение Пакистана придает ему огромное значение в регионе и будет усилено после завершения строительства коридора. Это могло бы уменьшить бедность, безработицу и несправедливость в развитых провинциях. Она могла бы породить массовую торгово-экономическую активность и открыть новые перспективы прогресса и процветания для народов обеих стран (Ahmed et al., 2016).

По словам китайского посла, в Пакистане, можно ожидать, что СРЕС обеспечит энергетические источники, транспорт, инфраструктуру и промышленные проекты, которые будут выгодны всем провинциям Пакистана. Кроме того, коридор не ограничивается дорогами и инфраструктурой, а соединяется со многими автомагистралями и инфраструктурными проектами, включая порт Гвадар. Вторая фаза проекта включает в себя Каракорамское шоссе, проект автомагистрали между Лахором и Карачи, автомагистраль Тхакот-Хавелиан и скоростную автомагистраль порта Гвадар (Jabri, 2015).

Этот проект также позволит смягчить хронический энергетический кризис, который оказывает негативное влияние на пакистанскую экономику. Нехватка энергии сдерживает промышленное производство в стране. Предприятия закрываются и перемещаются в другие страны. Пакистанская промышленность нуждается в бесперебойном энергоснабжении для плавного экономического роста. СРЕС - это центральный и идеальный проект, который мог бы освободить страну от энергетического кризиса (Akram, 2015). Это было подтверждено главным министром Пенджаба (Пакистан), который заявил, что Китай оказывает большое экономическое сотрудничество Пакистану для разрешения его энергетического кризиса, и что другие проекты с китайской помощью начнут производить необходимую электроэнергию (отчет персонала, 2015). Эти проекты основаны на ветровой, солнечной, угольной и гидроэлектростанции мощностью 16 400 МВт, а также на ее системе передачи, которая будет расположена в различных провинциях Азад Кашмира. Кроме того, Китай создаст 10 проектов мощностью 6600 МВт в пустыне Тар, которые превратят этот отдаленный и слабо развитый регион в энергетическую столицу Пакистана (Bhattacharjee, 2015).

С полным функционированием порта Гвадар у Белуджистана есть блестящие перспективы быть наравне с остальной частью Пакистана. Реальная ценность порта Гвадар может быть продемонстрирована, когда китайская торговля растет со странами Персидского залива, Ближнего Востока и европейскими странами. Любые транспортные или оборонные проблемы в Малаккском проливе, Ормузском проливе и Суэцком канале способствовали бы

повышению значимости Центральной Азии как стратегического торгового коридора (Anwar, 2010).

Китай, Иран и Индия отчаянно стремятся установить более тесные связи с Афганистаном и другими центральноазиатскими государствами. Главные соображения Ирана заключаются не только в том, чтобы увеличить торговлю, но и в том, чтобы обезопасить свои границы и избежать конфликта с американским флотом в этом регионе. Это согласуется с тем, что Пакистан стремится к миру в регионе и не хочет, чтобы боевики портили его экономику. Таким образом, Пакистан стремится установить наилучшие отношения с Афганистаном и другими центральноазиатскими государствами. В результате такого развития событий и Чабхар, и Гвадар могут в равной степени извлечь выгоду из центральноазиатского бизнеса (Butt & Butt, 2015).

Продвижение контактов между людьми.

Еще одной важной перспективой КПЭК как для Пакистана, так и для Китая было бы расширение контактов между людьми и расширение культурного сотрудничества. По словам председателя КНР Си Цзиньпина:

Именно люди способствуют прогрессу наций и истории. Поддержка наших народов является неиссякаемым источником укрепления китайско-пакистанской всепогодной дружбы и всестороннего сотрудничества. Мы должны использовать площадки городов-побратимов, культурных центров и медийных организаций для проведения разнообразных праздничных мероприятий. Китай и Пакистан должны продолжать направлять молодежные группы в составе 100 человек для посещения стран друг друга и поощрять расширение контактов и обменов между молодыми китайцами и пакистанцами. В ближайшие пять лет Китай предоставит Пакистану 2000 возможностей для профессиональной подготовки и подготовит 1000 учителей китайского языка для Пакистана. (Цитируется в Nawaz, Sharif, & Rabbani, 2015, стр. 1)

Расширение торговых путей для Китая.

Со стратегической точки зрения коридор принесет Китаю неограниченные выгоды, поскольку он может расширить число торговых путей между Китаем и другими региональными странами. Китай импортирует 60 процентов своей нефти с Ближнего Востока, а 80 процентов транспортируется в Китай через длинный, дорогой и опасный для пиратства морской Малаккский пролив. Этот маршрут проходит через Южно-Китайское, Восточно-Китайское и желтое моря. В настоящее время транспортировка энергии через пролив занимает около 45 дней, которые можно было бы легко сократить до менее чем 10 дней, если бы это было сделано через порт Гвадар, наилучшие сухопутные и морские маршруты для этой цели. Таким образом, маршрут Гвадар–Синцзянь может служить альтернативой Малаккскому проливу для транспортировки энергии, что будет экономически выгодно и экономично по времени. Это также позволит Китаю импортировать энергию и найти новые рынки сбыта для своей продукции в Центральной Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Важность СПЕС усиливается тем фактом, что он также свяжет большой китайский план экономического пояса Шелкового пути (SREB), который свяжет Китай с Европой через Центральную Азию. Связи, предлагаемые китайским руководством для SREB, - это политический обмен, дорожная сеть, денежное обращение и дружба народов. Соединяясь с SREB, СПЕС имеет огромное значение для Китая. Поэтому серьезное долгосрочное внимание к этому проекту со стороны руководства Пакистана и Китая имеет потенциал дальнейшего укрепления тесных связей между двумя странами. Соединение Гвадара с Кашгаром и далее с Центральной Азией улучшило бы торговые и инвестиционные отношения Пакистана с Китаем, а также с Центральной Азией. Считается, что в какой-то момент проект газопровода Иран-Пакистан также может быть расширен и включить в него Китай. Важность морского порта Гвадар для торговли между Персидским заливом и западной частью Китая, в которую входит ближневосточная нефть, также подчеркивается тем фактом, что, как указывалось ранее, он может сократить время транспортировки товаров в эту часть Китая примерно на две недели. Что касается расстояния, то СПЕС сократит расстоя-

ние торгового маршрута между Аравийским морем и Южно-Китайским морем на 16 000 км до 2500 км. СРЕС также считается важным для торговли Китая с Афганистаном, а также его стратегического проецирования в Западную Азию и Африку (Khan, 2013). СРЕС включает в себя строительство дорог, железнодорожных путей, энергетических трубопроводов и международного аэропорта Гвадара. Это сулит Пакистану новый актив в виде инфраструктуры. С помощью СРЕС Пакистан приобретет развитую инфраструктуру. Для этого Китай ссужает миллиарды долларов по низким процентным ставкам и с prolonged льготными периодами, чтобы Пакистану не приходилось запрашивать более высокие процентные ставки у других международных финансовых институтов. По словам министра планирования Пакистана, из \$46 млрд китайских инвестиций \$ 11 млрд будут потрачены на инфраструктуру экономического коридора (Ahmad & Hong, 2017). Однако есть много проблем. Одним из примеров является реконструкция Каракорумского шоссе, ключевая часть торговой и инфраструктурной инициативы Китая в регионе. Многие ожидают от шоссе, которое вьется через высокие горные хребты Северного Пакистана, достигая Западного Китая. Обе страны рассматривают его потенциал как торговый путь, в то время как Пакистан также рассматривает его как средство укрепления контроля над территориями, оспариваемыми Индией. Главная проблема заключается в том, что часть 500-мильного маршрута-это едва ли двусторонняя дорога, вырезанная в скале, которая резко спускается в долины внизу. Он страдает от камнепадов, наводнений и землетрясений. Оползень в 2010 году заблокировал реку и затопил примерно 14 миль дороги (Sattar & Nadid, 2019).

Китайские интересы и возможности.

Китай имеет большой стратегический интерес в Гвадаре, потому что он сильно зависит от нефти из Персидского залива. Как уже говорилось выше, эта нефть проходит по очень длинному маршруту через Малаккский пролив, находящийся под влиянием США. После того, как эта нефть достигнет Шанхая или восточного побережья Китая, она должна быть транспортирована на тысячи миль вглубь страны к западу от Китая. Используя Гвадар, а затем Каракорумское шоссе, нефть следует гораздо более безопасным, дешевым и коротким маршрутом на запад Китая. Кроме того, Ближний Восток является очень важным регионом в мире благодаря своим запасам нефти и крупным рынкам сбыта. Китай имеет естественную зависимость от этого, но не имеет средств влиять на это. Поскольку Пакистан уже взял на себя обязательство предоставить Китаю военно-морскую базу в Гвадаре, это не только поможет обеспечить безопасность Гвадара в обороне, но и поднимет пакистано-китайский альянс на новые высоты. Однако есть опасения. Некоторые аналитики утверждают, что Китай намерен установить военно-морское присутствие в Гвадаре, в то время как другие утверждают, что Китай будет осторожен в отношении такого развития событий. Китай, возможно, не захочет вмешиваться во внутренние конфликты Пакистана, и китайское военное присутствие в Гвадаре может спровоцировать значительную реакцию как со стороны Соединенных Штатов, так и со стороны Индии (Malik, 2012).

Попытка Пекина обойти с фланга военно-морские операции США, используя сухопутный маршрут, сама по себе может быть обойдена в военное время. Если Вашингтон направит Военно-Морской Флот США на перехват китайских поставок нефти, он, вероятно, сделает это в пределах Персидского залива, где отслеживание и перехват поставок, направляющихся в Ормузский пролив, является довольно простым делом для американских военных кораблей и самолетов. С другой стороны, стратегически расположенный вблизи Ормузского пролива новый морской порт представляет собой как новые экономические ворота, так и военную возможность для Пекина. С точки зрения энергетической безопасности Гвадар может выступать в качестве стратегической преграды, давая Пекину обходной путь, если Соединенные Штаты будут блокировать Малаккский пролив во время тайваньского чрезвычайного положения или другого китайско-американского столкновения. Нефть Персидского залива может быть выгружена в порту и транспортирована (или пере-

качана, если планы строительства трубопровода принесут плоды) по суше в Китай. Пекин может счесть высокую цену такой альтернативы достойной оплатой за обеспечение поставок энергоносителей в условиях введенного США эмбарго. С военной точки зрения Гвадар уже предлагает полезную установку для мониторинга коммерческих и военных перевозок через критическую точку дроссельной заслонки в Ормузе. В более долгосрочной перспективе, если Китай создаст достаточно мощный военно-морской флот, чтобы проецировать надежную мощь в Индийский океан, то порт обещает позволить Пекину впервые непосредственно формировать события в Персидском заливе (Malik, 2012).

Выводы и рекомендации.

СРЕС-это беспроигрышная договоренность. Связи транспортных, энергетических и телекоммуникационных сетей позволят региону превратиться в процветающий Экономический пояс, который будет способствовать социальному развитию общин вдоль коридора, несмотря на многочисленные проблемы. Китайское правительство инвестирует около \$ 54 млрд (США) в проект СРЕС, от которого оно ожидает получить обильные экономические результаты. Многие другие страны также проявляют большой интерес к китайскому проекту, и есть больше шансов на то, что в будущем будут сформированы другие экономические коридоры, связывающие Гвадар с центральноазиатскими государствами. По этой причине Пакистан должен принять быстрые меры по всем проектам. Он также должен понимать, что задержки в реализации проектов могут создать возможности для терроризма и экстремистов (Ahmad & Hong, 2017).

Ожидается, что проект СРЕС будет включать в себя примерно 2000-километровый совмещенный транспортный маршрут между Кашгаром на северо-западе Китая и портом Гвадар на Аравийском море, очень близко к иранской границе. После завершения строительства коридора нефть с Ближнего Востока может быть выгружена в Гвадаре. Это даст Пакистану шанс стать "азиатским тигром". "В прошлом Пакистан пренебрегал двумя своими самыми богатыми ресурсами районами, то есть Белуджистаном и морем. СРЕС - это отличная возможность изменить этот стратегический курс (Kazi, 2017).

СРЕС откроет стимулы не только для Китая и Пакистана, но и для стран Ближнего Востока и Африки. Необходимо провести углубленный отраслевой анализ, чтобы правильно определить спрос на рабочую силу и затем распределить этот спрос в соответствии с различными наборами навыков в этих областях. Спрос на переводчиков и лингвистов для перевода китайского языка на английский / урду и наоборот для этого сотрудничества должен быть тщательно проведен, чтобы быть успешным (Starr, 2007).

В заключение следует отметить, что почти две трети мирового населения проживает в регионе Южной Азии, который считается наименее интегрированным регионом в мире. Уровень безработицы высок из-за низких рыночных и инвестиционных стимулов. СРЕС проложит путь между этими удаленными рынками и инвестиционными стимулами. Это также привело бы к урбанизации слаборазвитых районов Китая и Пакистана, особенно Белуджистана, и привело бы к индустриализации. В конечном счете это создало бы многочисленные возможности для обеих стран (Starr, 2007).

Пакистан должен в полной мере воспользоваться этими проектами и помочь Белуджистану в создании рабочих мест, повышении уровня жизни и развитии адекватного здравоохранения, образования и повышения квалификации. Критическая важность развития связи между портом Гвадар и западной частью Китая была признана, когда 13 ноября 2016 года СРЕС частично начал функционировать, а китайские грузы перевозились по суше в порт Гвадар для дальнейшей морской перевозки в Африку и Западную Азию (Ramachandran, 2016).

Не менее важно, чтобы СРЕС был представлен всем пакистанским общинам, включая бизнес и промышленность, через социальные сети, местные газеты и телевидение, чтобы заручиться поддержкой населения. Наконец, самым важным компонентом успеха любого проекта по подключению является взаимное доверие. Китай и Пакистан должны работать вместе, чтобы добиться фундаментальных СРЕС изменений в своих двусторонних отно-

шениях. При этом стороны, участвующие в работе КЗЭК, могут начать надеяться на ее успех.

Рекомендации.

1. Abid, M., & Ashfaq, A. (2015). КЗЭК: проблемы и возможности для Пакистана. Журнал пакистанского видения, 16(2), 142 – 169.
2. Ahmad, R., & Hong, M. (2017). Китайско-пакистанский экономический коридор и его социальные последствия для Пакистана: как КЗЭК будет стимулировать пакистанскую инфраструктуру и преодолевать проблемы. Журнал "Искусство и социальные науки", 2, 265-273.
3. Ahmed, S., Mahmood, A., Hasan, A., Sidhu, G. A. S., & Butt, M. F. U. (2016). Сравнительный обзор секторов возобновляемых источников энергии Китая, Индии и Пакистана, и возможностей для совместного использования. Обзоры возобновляемой и устойчивой энергетики, 57, 216-225. doi: 10.1016 / j.rser.2015.12.191 [Crossref], [Web of Science®],
4. Акрам, М. (2015). Чашку и губу тоже. Рассвет, 26 Апреля.
5. Али, С. (2015). Дальний конец коридора. The Tribune, Исламабад, Пакистан.
6. Анвар, З. (2010). Становление глубоководного порта Гвадар как регионального торгово-транспортного узла: перспективы и проблемы. Журнал политических исследований, 17(2), 97.
7. Бхаттачарджи, Д. (2015). Китай-пакистанский экономический коридор.
8. Нью-Дели, Индия: Индийский Совет по международным делам. Доступно по адресу SSRN 2608927. doi: 10.2139 / ssrn.2608927],
9. Бхутта, З. (2015). Попытки Индии остановить пакистанские проекты проваливаются. "Экспресс Трибюн", Август.
10. Батт, К. М., И Батт, А. А. (2015). Влияние КПЭК на региональных и внерегиональных субъектов. Журнал политических наук, 33, 23. [Google Scholar]
11. Chandio, A. A., Yuansheng, J., & Magsi, H. (2016). Показатели деятельности сельскохозяйственных подотраслей: анализ доли сельского хозяйства в ВВП Пакистана в разбивке по секторам. Международный журнал экономики и финансов, 8(2), 156 – 162. doi: 10.5539/ijef.v8n2p156
12. Cole, J. (2019, Июнь). Китайско-пакистанский экономический коридор и кризис в Персидском заливе. Отчет серии, монография Центра исследований Персидского залива, серия Qatar University No. 4 (pp. 1–22). Брюссель, Бельгия: Международная Кризисная Группа
13. Ghaffar, A., Pongronich, S., Ghaffar, N., & Mehmood, T. (2015). Факторы, связанные с использованием услуг дорожной помощи в пакистанской провинции Белуджистан: анализ Многоиндикаторного кластерного обследования (MICS) 2010 года. Pakistan Journal of Medical Sciences, 31 (6), 1447. [Web of Science ®]
14. Гаури, И. (2006). Пакистан, Китай рассматривают возможность прокладки нефтепровода из Гвадара. Ежедневная Газета. Исламабад, Пакистан, 24 Мая.
15. Hali, S. M., Shukui, T., & Iqbal, S. (2015). Один пояс и один путь: влияние на Китайско-пакистанский экономический коридор. Стратегические Исследования, 34(4), 147 – 164.
16. Хамид, М. (2018). Политика Китайско-Пакистанского экономического коридора. Пэлгрейв, 4 (1), 64. doi: 10.1057 / s41599-018-0115-7 [Crossref], [Google Scholar]
17. Жабре, П. (2015). Проекты СРЕС в интересах всех провинций Пакистана: китайский посланник: Associated press of Pakistan. Извлечено из www.brecorder.com/top-news/108-pakistan-top
18. Кази, А. (2006). Ключевой Пакистан: GCAP и геополитика традиционного коридора бассейна Инда в Центральной Азии. Доклад, представленный на международной конференции " Партнерство, торговля и развитие в Большой Центральной Азии", Кабул, Афганистан.

19. Кази, А. (2017). СРЕС: влияние на Центральную и Южную Азию. Доклад, представленный на конференции СРЕС в Исламабаде: Институт стратегического видения.
20. Хан, С. А. (2013). Геоэкономические императивы морского порта Гвадар и Кашгарской экономической зоны для Пакистана и Китая. Журнал IPRI, 13(2), 87 – 100.
21. Хетран, М. С. (2014). Потенциал и перспективы порта Гвадар. Стратегические Исследования, 34(4/1), 70-89.
22. Machel, G., Salgado, S., Klot J. F., & Salgado, S. (2001). Воздействие войны на детей: обзор прогресса, достигнутого после представления в 1996 году доклада Организации Объединенных Наций о воздействии вооруженных конфликтов на детей. Лондон: Херст.
23. Majeed, G., & Hashmi, R. S. (2014). Соппротивление Балоха в эпоху Зульфикара Али Бхутто: причины и следствия. Южноазиатские исследования(1026-678X), 29 (1), 1026-6784. [Google Scholar]
24. Малик, Х. Ю. (2012). Стратегическое значение порта Гвадар. Журнал политических исследований, 19(2), 57-69.
25. Naseem, A. (2015). Влияние китайского экономического коридора Пак-вид с высоты птичьего полета. [в интернете]. Исламабад, Пакистан: BMA Capital.
26. Nawaz, M. M., Sharif Y. E., & Rabbani, R. (2015). Полный текст выступления председателя КНР Си Цзиньпина на совместном заседании парламента Пакистана. Извлечено из <http://issi.org.pk/wp-content/uploads/2015/07/Pak-China Year of Friendly Exchange Doc-1.docx.pdf>
27. Рамачандран, С. (2016). КПЕК делает шаг вперед по мере того, как в Белуджистане нарастает насилие. Извлечено из www.atimes.com
28. Рамой, С. А. (2016). Китайско-пакистанский экономический коридор: китайская мечта материализуется через Пакистан. Извлечено из [https://sdpi.org/publications/files/China-Pakistan-Economic-Corridor-\(Шакил-Ахмад-Рамай\).pdf](https://sdpi.org/publications/files/China-Pakistan-Economic-Corridor-(Шакил-Ахмад-Рамай).pdf)
29. Салман, А. (2015). Пак-китайский экономический коридор: анализ затрат и выгод. "Экспресс Трибюн", 3 Мая
30. Sathar, Z. A., & Casterline, J. B. (1998, декабрь). Начало переходного периода рождаемости в Пакистане. Обзор народонаселения и развития, 24(4), 773 – 796. doi: 10.2307 / 2808024
31. Саттар, А., И Хадид, Д. (2019). Жизнь вдоль пакистанского горного шоссе, куда Китай вкладывает миллиарды долларов. Вашингтон, округ Колумбия: NPR, 14 декабря.
32. доклад персонала. (2015). Комитет критикует главу НХА за изменение маршрута экономического коридора. Рассвет
33. Старр, Ф. С. (2007). Новый Шелковый путь: транзит и торговля в Большой Центральной Азии. Вашингтон, округ Колумбия: институт Центральной Азии и Кавказа и Программа исследований Шелкового пути в SAIS, Университет Джона Хопкинса. Мир. (2019).
34. Китайская инициатива "Пояс и путь "нанесет" удар по экономике Пак": американское агентство Франс Пресс. Извлечено из <https://www.ndtv.com/world-news/chinas-belt-and-road-initiative-will-take-toll-on-pak-economy-warns-us-diplomat-alice-wells-2136623>
35. Zhuo, Z., & Liping, X. (2010). Узкие места и контрмеры технологических инноваций развития низкоуглеродной экономики [J]. Доклад представлен на форуме по науке и технологиям, школа экономики, Университет бизнеса Уганду, Гуанчжоу, Китай.
36. Зубри, М. (2004). Стратегическое значение Малаккского пролива. Аналитический документ, Морской Институт Малайзии, Куала-Лумпур, Малайзия.

Приложение Е

Публикация на тему:

Политика Китайско-Пакистанского экономического коридора. Maham Hameed(2018)

Краткий обзор.

Присутствие Китая на глобальном Юге резко возросло в течение десятилетия. Дискуссия о взаимной выгоде и невмешательстве привлекла большое внимание в развивающемся мире, который сейчас сталкивается с последствиями западных интервенций. Однако степень, в которой китайское участие в развивающемся мире остается верным этим принципам, необходимо оценивать с точки зрения его воздействия на политические экономические структуры принимающих стран. Это исследование анализирует, как Китай и Китайско-пакистанский экономический коридор (СРЕС) взаимодействуют с политическими и экономическими реалиями Пакистана. Во-первых, исследование прослеживает историю регионализма в Пакистане и показывает, что на протяжении многих лет миссия развития центрального государства создала глубоко укоренившийся регионализм в Пакистане. Исследование показывает, что СРЕС углубляет такие расщепления. Региональные силы выступали против этого проекта в двух широких формах: требуя большей доли участия в проекте или полностью отказываясь от вмешательства. Во-вторых, в исследовании анализируются односторонние гражданско-военные отношения в Пакистане и делается вывод о том, что участие Китая в Пакистане ведет к более жесткому контролю военных над гражданскими и экономическими вопросами, связанными с СРЕС.

Введение.

Глобальный подъем Китая был представлен в резком контрасте с Западным глобальным порядком. Дискурс взаимной выгоды и невмешательства поддерживается не только Китаем, но и странами, с которыми он взаимодействует. Аналогичная дискуссия развернулась и в Пакистане. Однако несогласие с этими обещаниями и надеждами не было трудно обнаружить. Чтобы в полной мере понять последствия китайского присутствия в третьем мире, особенно в Пакистане, я рассматриваю последствия китайского участия для политической экономической структуры Пакистана. Анализ политико-экономической структуры Пакистана, истории развития инфраструктуры Пакистана, внешней политики и национальных интересов Китая, а также основы пакистано-китайской дружбы используется для понимания того, как Китайско-пакистанский экономический коридор (СРЕС) взаимодействует и, как ожидается, будет взаимодействовать с государственной структурой Пакистана.

СРЕС и стратегические интересы.

Прежде чем мы начнем понимать возможные последствия участия Китая в Пакистане, олицетворенные СРЕС, важно понять, что этот проект означает для обоих государств. Понимание стратегической важности проекта и того, как проект взаимодействует с историческими интересами обеих стран, позволит нам лучше подготовиться к анализу СРЕС с точки зрения его политических и социальных последствий.

Пакистанская Мусульманская лига (N) ¹⁵ вступила в должность в 2013 году после своей полной победы на всеобщих выборах 2013 года в Национальное Собрание. Режим, возглавляемый двумя главными действующими лицами-братьями Шариф—был полностью сосредоточен на экономике: Шариф продал свой избирательный банк мечте о процветаю-

¹⁵ Пакистанская Мусульманская лига (N) - правоцентристская консервативная партия в Пакистане. Утверждается, что PML-N является исключительно представителем интересов пенджабцев.

щей экономике, поддерживаемой сильной инфраструктурной сетью (Small, 2015). Все амбициозные планы строительства автомагистралей, промышленных зон и устранения энергетического кризиса не могли быть профинансированы на местном уровне, и правительство Шарифа знало, где искать инвестиции. За это время Китай, переосмыслив свою экономическую политику, которая поддерживала экономический рост Китая на протяжении более чем трех десятилетий, амбициозно стремился построить интегрированную южно-азиатскую инфраструктуру для подключения Внутреннего Китая к портам Индийского океана. Инвестиции в инфраструктуру стали необходимым условием для поддержания высоких темпов роста во вновь растущих провинциях Юньнань и Синьцзян. Китай искал сотрудничества с Индией и Пакистаном. Ли Кэцян — премьер-министр Китая — впервые посетил Индию со своими амбициозными предложениями. Однако вместо этого Индия нашла своего экономического союзника в Японии. Затем настала очередь Пакистана. Однако убедить Китай инвестировать в Пакистан было бы непростой задачей для правительства Шарифа. Многие китайские инициативы в прошлом проваливались из-за отсутствия политической воли у действующего режима (Small, 2015). Однако пакистанское правительство обязалось облегчить эти сомнения для Китая. Ли прибыл в Пакистан 22 мая 2013 года с амбициозным предложением региональной связанности и разрешения энергетического кризиса Пакистана. Пакистанское гражданское и военное руководство приветствовало ли широкими жестами. С этого момента идея соединения Синьцзян-Гвадар набрала обороты. Китай также готов помочь Пакистану в преодолении энергетического кризиса путем строительства гидроэлектростанций, угольных электростанций и атомных электростанций. Идеи быстро воплощались в жизнь: составлялись планы, проводились совещания, подписывались меморандумы о взаимопонимании.

Однако не все шло гладко. Китаю вскоре придется пересмотреть свои планы в Пакистане после террористических нападений либо на работников СПЕС, либо на предлагаемые регионы для проектов СПЕС¹⁶. китайские подозрения были получены с обещаниями шарифского правительства сделать выполнение коридора гладким и безопасным. Китай решил действовать осторожно, начав с небольших проектов.

Пакистан вскоре оказался в центре внимания Пекина, избавившись от всех сомнений Китая об инвестировании в Пакистан. Взрыв бомбы на площади Тяньаньмэнь в Пекине 28 октября 2013 года, ответственность за который взяла на себя исламистская Партия Туркестана, стал тревожным сигналом для Китая. За этим нападением последовали ножевые и бомбовые удары по железнодорожным станциям Куньмина и Урумчи, свидетельствующие о распространении терроризма с отдаленного северо-запада страны в ее городские центры (Small, 2015). Если беспорядков 2009 года между Ханьскими китайцами и мусульманскими уйгурами в Синьцзяне было недостаточно, то эта серия инцидентов встряхнула Пекин, чтобы обратить более пристальное внимание на Пакистан и Афганистан (Pant, 2012). Стабильность в этих странах должна была представлять большую озабоченность для Китая, чтобы исламистский экстремизм не распространился в Западном регионе

¹⁶ Хотя нет никаких доступных данных о количестве террористических актов, связанных с СПЕС, которые имели место в прошлом, есть некоторые новостные сообщения, которые рисуют кровавую картину СПЕС. В докладе пакистанской англоязычной газеты "The Nation" утверждалось, что в период с 2014 по 2016 год в результате различных нападений погибли 44 пакистанских работника, связанных с СПЕС. Мишенями были в основном мужчины, работающие на строительстве дороги в Белуджистане (The Nation, 2016). В докладе, составленном Asia Times в 2017 году, было зафиксировано несколько инцидентов различного характера, произошедших в Белуджистане и Синде в этом году. В докладе перечисляются инциденты, нацеленные на персонал Пограничного корпуса, полицейских, работников СПЕС и китайских граждан, работающих в различных проектах, связанных с СПЕС (Shakil, 2017). Несмотря на то, что ситуация в области безопасности вокруг СПЕС является ужасной и требует внимания, различные акты насилия также используются различными заинтересованными сторонами для поддержки рассказа о том, что СПЕС находится под угрозой со стороны внешних держав. Нападения и взрывы в Белуджистане были открыто названы правительственными чиновниками 'попытками саботажа СПЕС' (Шахид, 2016).

Китая (Pant, 2012). Таким образом, Пакистан имеет решающее значение для экономических интересов Китая и его стремления расширить свое влияние в регионе. Хотя это ничто не изменило для крупных экономических проектов (в том, ли следующего визита и почти окончательные планы крупных проектов, чтобы показать, что они стали еще более важное значение для китайских интересов), Китай начал оказывать давление на безопасность создание в Пакистане для подавления уйгурских боевиков ¹⁷Северном Вазиристане (Малый, 2015). Политическая борьба между гражданским правительством и военным истеблишментом привела к досадным задержкам в достижении соглашения. Однако, несмотря на их разногласия, пакистанское руководство согласилось лишь в одном—в ценности Пакистанско-китайской дружбы, которая теперь обещала приток 46 миллиардов долларов, которые трансформируют пакистанскую экономику. Когда давление со стороны китайского правительства усилилось, Рахиль Шариф наконец подчинился и начал операцию в Северном Вазиристане. Однако решение о размещении десятков тысяч военнослужащих в регионе было вызвано и другими факторами, связанными с терроризмом и ситуацией в области безопасности в стране (Small, 2015).

Хотя проблемы безопасности являются важным фактором, объясняющим интерес Китая к Пакистану, у Китая есть и другие причины для укрепления своих связей с Пакистаном. В последние два десятилетия Китай увеличил свое глобальное присутствие. С этой целью Китай играет более активную роль в установлении дипломатических отношений с другими странами. Пакистан—одна из немногих стран, которую Китай может назвать своим другом (Shambaugh, 2013). Эта дружба является долгожданным изменением для пакистанских политических элит и различных институтов государства, которые испытывают все более ухудшающиеся отношения с США (Small, 2015). Общественная поддержка пакистанско-китайских отношений в Пакистане также поражает (Chandra, 2016). Согласно опросу общественного мнения о Китае в Пакистане, проведенному исследовательским центром Pew Research Centre, 84% респондентов положительно относятся к Китаю по сравнению с 16% в США. Если опрос является реалистичным представлением реальности, то Пакистан может быть самой прокитайской страной в мире (Chandra, 2016).

Импульс, который китайско-пакистанская дружба быстро приобрела после 2010 года, не может быть достаточно объяснен китайскими интересами только в Пакистане. Пакистан также имел сильные мотивы для укрепления своих связей с Китаем. Пакистанское военное и гражданское правительство недавно потеряло своего давнего друга—США—и пережило экономический и военный вакуум, оставшийся после вывода войск США.

С момента своего основания Пакистан сильно зависел от иностранной помощи. Одним из ее крупнейших доноров на протяжении всей истории страны были Соединенные Штаты. Поток помощи начался как часть усилий по экономическому восстановлению. Эта помощь сыграла решающую роль в высоких темпах роста, достигнутых в 1960—е годы, — она дала толчок индустриализации и помогла бороться с отсутствием продовольственной безопасности (Zaidi, 2004, p. 104). Приток иностранной помощи в этот период также оказал поддержку государственным инвестициям в инфраструктуру (главным образом в энергетику и ирригацию) и социальные услуги (Khan and Ahmed, 2007, с. 220).

¹⁷ Мусульмане-уйгуры являются религиозным и этническим меньшинством в китайской провинции Синьцзян. При государстве Цин Синьцзян никогда не был колонизирован и стратегически поддерживался как пограничная зона со своей собственной структурой управления (Davis, 2010). После падения династии Цин и последовавших за этим политических потрясений Китай был объявлен многонациональным государством в 1949 году. Однако антиправая кампания Коммунистической партии была направлена на искоренение "местного национализма". "Культурная революция была еще более сильной силой против этнических меньшинств, населяющих Китай. Уйгуры в Синьцзяне были одной из жертв этой государственной репрессии. С годами это этническое меньшинство превратилось в сепаратистское, воинствующее образование (Davis, 2010). Считается, что уйгурские боевики имеют транснациональные сети в Афганистане, Пакистане, Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане (Davis, 2010; Small, 2015).

Позднее идеологическое выравнивание и военные связи с США во время Холодной войны ускорили поток помощи и необратимо привязали пакистанских военных к внешней помощи и развитию (Zaidi 2004, p. 104). Эта помощь ускорилась во время советской оккупации Афганистана, когда США предоставили финансовую и военную поддержку Пакистану для борьбы с Афганской войной (Cooley, 2001). Поскольку средства и обучение должны были предоставляться не непосредственно через Центральное разведывательное управление, а через Пакистан и его армию, в течение этого периода силовые структуры накопили огромную власть (Cooley, 2001). Хотя помощь в этот период помогла Пакистану модернизировать свои силы обороны и военную технику, она сделала это ценой роста терроризма, сектантства, кризиса беженцев, роста расходов на обслуживание долга и падения ВВП (Hilali, 2002).

Отношения между США и Пакистаном оставались напряженными на протяжении 1990-х годов, однако после войны Соединенных Штатов с терроризмом эта дружба приобрела новое значение. Пакистан получил пакеты помощи для борьбы с терроризмом внутри и за пределами своих границ (Qazi, 2012). Политическое и социальное воздействие войны на террор в Пакистане было катастрофическим¹⁸. Кроме того, пакистанский истеблишмент безопасности, который постоянно предоставлял убежище талибам из-за своих стратегических интересов, отказался выполнить требования США (Qazi, 2012). Гражданское правительство также было сбито с толку все более хаотичным характером помощи. Разочарованные действиями Пакистана в борьбе с терроризмом, США продолжают объявлять о задержках или отмене обещанной помощи (Naviwala, 2017). В результате Пакистан пережил постепенный уход США, вызванный сомнениями в том, что американские политики ставят под сомнение роль Пакистана в борьбе с терроризмом и эффективность помощи в качестве контртеррористической политики (Zaidi, 2011).

После рейда США, убившего Усаму бен Ладена в 2011 году, Пакистан столкнулся с интенсивным международным осуждением его роли в борьбе с экстремизмом в пределах своих границ. В такие времена страной, открыто высказывавшейся в поддержку Пакистана, был Китай (Pant, 2012). Китай выразил заинтересованность в том, чтобы стать "всепогодным стратегическим партнером" Пакистана (Pant, 2012). Именно на этом фоне совпали видение развития шариатского правительства, политические и экономические интересы военного истеблишмента и глобальные, национальные и стратегические интересы китайского правительства.

Все эти интересы сошлись и проявились в виде СРЕС.

СРЕС как пространство состояний.

Одной из наиболее заметных особенностей СРЕС является очень заметное присутствие государства. Как китайские, так и пакистанские государства имеют ценные доли в проекте и играют решающую роль в запуске инвестиционного режима, охватывающего как государственный, так и частный секторы. Пакистанское государство, в частности правитель-

¹⁸ Мирные жители стали жертвами войны с террором (Кази, 2012). Помимо бюджетных ограничений, вызванных огромными военными расходами, гражданские лица также были прямыми мишенями войны. Кампания беспилотников ЦРУ в Пакистане началась в 2004 году. Хотя удары наносились по боевикам "Аль-Каиды", гибель мирных жителей была слишком колоссальной, чтобы остаться незамеченной. Как пакистанская, так и американская общественность критиковали и выступали против ударов беспилотников, серьезно подрывая популярность американо-пакистанских отношений. Хотя военные и гражданские правительства Пакистана открыто осуждали эти забастовки, они поддерживали их за кулисами. Однако, учитывая растущую непопулярность, правительство в последнее время пытается добиться большей роли в принятии решений по поводу забастовок (Qazi, 2012). Тем не менее, несмотря на растущую критику в адрес беспилотной войны, она остается жизненно важным компонентом войны США с терроризмом (Williams, 2017). К октябрю 2015 года число ударов беспилотников, санкционированных администрацией Обамы, возросло до 353 (по сравнению с 48 ударами беспилотников при президенте Буше) (Williams, 2017).

ство Шарифа, из всех сил пытается претендовать на право собственности на проект, несмотря на то, что, как утверждается, большинство проектов будут частными предприятиями. Подписание меморандумов о взаимопонимании, финансовых соглашений, церемонии инаугурации и пресс-релизы широко рекламируются в средствах массовой информации. На проектных площадках, наряду с рекламным щитом с изображением председателя КНР Си Цзиньпина, аккуратно размещена фотография премьер-министра Наваза Шарифа. Быстрые результаты СРЕС будут хорошим предзнаменованием для PML-N на следующих выборах, но отношения между государством и инфраструктурой гораздо глубже, чем интересы одного режима. Государство и инфраструктура тесно вплетены в процесс создания нации процесс тесно переплетается между собой. В следующих разделах я кратко рассмотрю литературу о взаимоотношениях между инфраструктурой и государством. Чтобы лучше понять отношения между государством и инфраструктурой в случае Пакистана, я деконструирую пакистанское государство на центральное государство, региональные элиты и вооруженные силы и анализирую роль этих групп власти в развитии инфраструктуры в Пакистане.

Инфраструктура как государственное пространство.

Инфраструктуры-это материи, которые обеспечивают движение другой материи (Larkin, 2013 p. 328)

В самом широком смысле инфраструктура - это физическая и институциональная структура, облегчающая поток людей, товаров, идей и информации (Guldi, 2012; Larkin, 2013). Хотя инфраструктура в различных формах существовала на протяжении тысячелетий, пересечение экономических требований, технической экспертизы и политических стимулов для создания стандартизированных структур с целью консолидации государственной власти и интеграции нации является современным явлением (Knox and Harvey, 2012, p.523). Другими словами, инфраструктура все чаще понимается как средство достижения легитимности; создания "интегрированного" национального пространства и идеологии (Anwar, 2015; Goswami, 2004; Akhter, 2015; Knox and Harvey, 2012, 2015).

Маркс, размышляя о связи между обеспечением инфраструктуры (то, что он называл общественными работами) и накоплением капитала, утверждал, что только на самой передовой стадии капитализма капитал сам может обеспечить 'общее состояние производства' (1857-1861). До тех пор столица возлагает на государство задачу по обеспечению инфраструктуры. Кроме того, государство по-прежнему пользуется властью и стремлением заставить общество платить за инфраструктуру в виде доходов (Маркс, 1857).

Анри Лефевр уточнил марксистское понимание связи между капиталистическим государством и инфраструктурой, теоретизируя отношения между государством и пространством (Lefebvre, 2009, p. 223; Akhter, 2015, p. 852). Помимо предоставления инфраструктуры для облегчения движения капитала, он утверждал, что государство имеет более глубокие отношения с космосом. По его мнению, "гомогенизированные, иерархизированные и фрагментированные пространства" создаются с помощью капитала, но также критически важны пространственные стратегии (включая институциональные и материальные инновации и научные знания) государства (Lefebvre, 2009). Цель состоит в том, чтобы расширить политический и социальный охват и полностью проникнуть в общество.

Это важный момент по отношению к инфраструктуре и стоит углубиться в него дальше. Ману Госвами в своем исследовании производства колониального пространства в Индии утверждает, что инфраструктура стала инструментом колониального правительства, чтобы придать легитимность повествованию о том, что британские правители были там, чтобы помочь Индии прогрессировать и интегрировать государство-пространство через новые правила субъективности (2004)¹⁹. Аналогичным образом, Димитрис Далакоглу, опи-

¹⁹ Госвами утверждал, что эта часть из символического представления социально-экономического прогресса дает легитимность колониальному государству; инфраструктура также стала центром инициирования новых форм субъективности (Anwar, 2015, p. 31). Инфраструктура необратимо сделала бы население субъектом

сывая трансграничную магистраль в Албании и Греции, анализирует, как инфраструктура отражает фетишистские желания органов планирования участвовать в концептуальном и визуальном образе современности, который представляют себе развитые страны (Dalakoglou, 2010). Мортен Алекс Педерсен высказывает аналогичную точку зрения о российских инвестициях в инфраструктуру как предпосылке социалистической современности (Larkin, 2013, С. 333). Развитие инфраструктуры планировалось не только как служение экономическим целям, но и как “инвестирование в новое существо, новое человечество, новый космос” (Pedersen, 2011, р. 45 цитируется по Larkin 2013, р. 333). Нокс и Харви, 2012 год в своем исследовании дорог на севере Перу они приводят аналогичный аргумент, но с другим подходом-о том, как инфраструктура воспринимается местным населением. Дороги, утверждают они, тесно связаны со стремлением местного населения к связям и современности. Идея заключается в том, что дороги-это система физической поддержки региональной экономики, которая инициирует процесс экономического развития через более тесную интеграцию с государством и глобальной торговой системой (Knox and Harvey, 2012).

Учения по национальному строительству и развитию инфраструктуры-это два тесно связанных проекта государства, проявившихся в истории развития инфраструктуры Пакистана. В 1950-е годы возник особый дискурс в кругах глобального экономического развития, фокусирующихся на развитии как инфраструктуре (Anwar, 2015, с. 8). Этот сдвиг имел решающее значение для тогдашнего третьего мира не только в конкретных экономических терминах—в формулировании механизмов финансирования и определении траектории международной помощи—но и в том, как он повлиял на роль государства как центрального планового органа. Инфраструктура была помещена в центр экономического восстановления постколониальных обществ, таких как Пакистан. Пакистан должен был развиваться, используя иностранное финансирование и опыт Всемирного банка и Фонда Форда. Иностранцы консультанты и экономисты разрабатывали идеи, которые способствовали развитию нового дискурса на местном уровне. “Их труды, в частности, указывали на интенсивную метонимическую связь между инфраструктурой и государством” (Anwar, 2015, р. 6). Чтобы преодолеть свою отсталость, она не только должна была иметь дисциплинированное, предприимчивое и производительное население, но также нуждалась в национальной электрической сети, промышленности, автомобилях, дорогах и аэропортах. Кроме того, инфраструктура также представлялась связующей силой между географически нечетным Восточным и западным Пакистаном (Anwar, 2015, р. 35-37).

Тесная связь между инфраструктурой и государством сохранялась на протяжении всей истории Пакистана. Однако не всегда эти отношения были такими гармоничными, как того хотелось центральному государству. Попытки Центрального пакистанского государства создать интегрированное пространство посредством инфраструктурных проектов были встречены альтернативными концепциями государственности различных региональных элит.

Маджед Ахтер в своем анализе политики развития инфраструктуры реки Инд также отмечает аналогичную картину незавершенности гегемонистского проекта государства. Он утверждает, что усилия по национальному строительству, экономическому восстановлению и строительству крупных плотин и других речных инфраструктур были тесно связаны друг с другом в случае Пакистана (Akhter, 2015). Договор о водах Инда, подписанный 19 сентября 1960 года, разделит контроль над рекой Инд и ее притоками между Индией и Пакистаном. Соглашение о развитии бассейна Инда, подписанное в тот же день, обеспечило Пакистану 895 миллионов долларов в качестве субсидий на развитие от богатых ка-

государства и наделила бы его набором прав и обязанностей. Другими словами, инфраструктура дисциплинирует и цивилизует население. Инфраструктура также стала локусом патронажно-клиентских отношений; распределения благ лояльным сторонникам, создания привилегированных субъектов государства (Анвар 2015, стр. 31).

питалистических государств для строительства плотин и других водных путей. Помимо перенаправления использования воды проекты также способствовали "инфраструктурному производству государственного пространства" (Ахтер, 2015, С. 861). Наличие крупных фондов развития и создание интегрированной водной сети расширили мощь и пространственный охват государства. Однако проект центрального государства по интеграции национального пространства встретил сопротивление со стороны региональных интеллектуальных элит (Ахтер 2015, С. 860-861). Провинциальные политики, занимавшие важные властные посты в бюрократии в силу колониального наследия "сверхразвитого" государства, по-прежнему не были убеждены в том, что процесс национального строительства центрального государства носит инклюзивный характер. Со временем такое сопротивление усилилось, превратившись в региональные амбиции. Случай отделения Восточного Пакистана в 1971 году показал силу этих сил (Ахтер, 2015).

Военно-бюрократическое государство Пакистан.

Чтобы понять корни регионализма в Пакистане, необходимо деконструировать природу пакистанского государства. С этой целью особенно проницательна статья Хамзы Алави "государство в постколониальных обществах: Пакистан и Бангладеш" (1972). Он утверждает, что структура пакистанского государства не может быть полностью понята без понимания институционального наследия, унаследованного им от колониального государства. Колониальное правительство или столичная буржуазия нуждаются в сложном государственном аппарате для осуществления господства над всеми коренными социальными классами в колонии. В результате власть переходит к военно-бюрократическому государственному аппарату, созданному через эту структуру управления. Он назвал такое состояние "сверхразвитым". Пакистан унаследовал эту структуру колониального правления (1972). Преобладание военно-бюрократического государственного устройства продолжалось на протяжении всей истории Пакистана. В Пакистане не было хорошо развитых политических партийных организаций, что затрудняло процесс развития функциональной парламентской демократии (Джалал, 1990). Таким образом, Пакистан полагался на свою гражданскую службу и вооруженные силы для выполнения государственных функций. Концентрация власти в руках такой избранной элиты без сильного гегемонистского проекта породила региональные трещины (Джалал, 1990). Непропорциональное представительство пенджабцев в военной и гражданской бюрократии еще больше усугубило эти недовольства. Отчаянные попытки государства такие как единая единица²⁰, я не мог сделать много, чтобы смягчить симптоматические условия этих глубоких трещин. В следующих разделах я представляю тематические исследования Синда и Белуджистана, чтобы проиллюстрировать корни этих жалоб в контексте развития инфраструктуры.

Синд и гидравлический регионализм.

Хотя большая часть напряженности между провинциями возникла из-за непропорционального присутствия пенджабцев в бюрократической и военной структуре государства, трения между Пенджабом и Синдом также коренятся в технологическом присвоении вод реки Инд (Akhter, 2013). Тот факт, что Пенджаб находится выше по течению, а Синд-ниже по течению, создает политическую географическую динамику. Эта динамика привела к возникновению трений между двумя провинциями, как только колониальное государство начало свой проект плановой системы управления реками (Ахтер, 2013, р. 151). По мере того как все больше воды стало удерживаться Пенджабом с помощью различных инфраструктурных технологий, права Синда на воду стали подавляться. Эти трения продолжались вплоть до обретения независимости. Пенджабская военно-бюрократическая элита помогла Пенджабу присвоить большую долю вод Инда, чем это было ему причитается (Akhter, 2013).

²⁰ Одной из них была административная реформа, проведенная в Западном Пакистане в 1954 году и объединившая все провинции в единую структуру. Возглавляемая бюрократически-военной элитой, реформа была частично принята для подавления набравшей в последнее время обороты региональной политики.

Наконец, гидротехнические проекты центрального государства также дали толчок региональной политике. Плотина Тарбела, одна из самых важных плотин в стране, стала очень спорным местом, поскольку провинции соперничали за права на воду, хранящуюся в плотине. В то время как провинции боролись за более широкие права на воду, Пенджаб утверждал, что ему нужна большая доля, чтобы компенсировать потерю Индии трех восточных рек. Комитет, созданный для обсуждения вопросов, связанных с правами на склады в Тарбеле, непропорционально состоял из пенджабцев; из 15 членов 11 были Пенджабцами. В заключительном докладе комитета было высказано мнение о том, что Пенджаб имеет право на более широкие права распределения. В результате все четыре члена совета опубликовали свои записки о несогласии, хотя и без особых последствий. Была построена плотина Тарбела, и Пенджаб получил непропорционально большую долю западной воды.

Несмотря на то, что все провинции пострадали от несправедливого характера гидравлических технологий, Синд и Пенджаб находятся в прямой конфронтации в силу их динамики вверх/вниз по течению. Кроме того, Синд-это в основном сельскохозяйственная провинция, опирающаяся в основном на воду из Инда. В отличие от Пенджаба, Синд не имеет много полезных грунтовых вод, и он получает гораздо меньше дождей, чем Пенджаб. Таким образом, обиды были глубоко укоренившимися и до сих пор не разрешены (Ахтер, 2013).

Белуджистан: националистическая политика отсталости и развития.

Помимо Синда, еще одной провинцией, которая последовательно выступает против гегемонистского проекта центрального государства, является Белуджистан. История националистических настроений среди Белуджийских элит восходит к позднему колониальному периоду. Создание Пакистана стало тяжелым ударом для региональных элит (особенно белуджей и пуштунов), надеявшихся создать автономные государства на основе своей этнической принадлежности (Titus and Swidler, 2000). Во время обретения независимости племенным вождям и муниципальным властям британского Белуджистана был предоставлен выбор между объявлением Белуджистана независимым государством или присоединением к Пакистану. Хотя эти элиты предпочли присоединиться к Пакистану, существовали целеустремленные группы активистов, которые выступали против того, каким образом было навязано это решение. Действия против проекта варьировались от мирной политической организации до саботажа. Нарождающееся государство, в котором доминировала Пенджабская военно-бюрократическая элита, ответило арестами и собственными саботажными кампаниями (Titus and Swidler, 2000). Центром раннего Белуджийского национализма был регион Калат (Atarodi, 2011). Вскоре после создания Пакистана была провозглашена независимость Калата. Однако центральное государство отказалось принять декларацию, и в результате военных действий Калат был вынужден ассимилироваться в Пакистан 27 марта 1948 года. С этого дня национализм Белуха усилился сверхурочно. Трения между центральным государством и белуджистскими активистами продолжались на протяжении всей истории Пакистана, приобретая особую остроту в периоды мятежей и военных действий в 1948, 1958, 1962, 1973 и 2004 годах (что знаменует собой последнюю волну мятежей). После первых военных репрессий в 1948 году провинция была передана под контроль генерал-губернатора. Белуджистан не получил никакого избирательного представительства в государстве до 1972 года, когда Национальная партия Авами (прогрессивная политическая партия, которая в конечном итоге возглавила движение за независимый Восточный Пакистан) одержала полную победу в Белуджистане. Вновь избранные представители стали требовать от государства прав, указывая на относительную неразвитость государства. Однако с открытием природного газа провинция стала очень важной для пакистанского государства, и поэтому Бхутто ²¹отказалась предоставить НАП свои требования большей автономии. Бхутто распустил собрание Белуджистана и восста-

²¹ Четвертый президент Пакистана с 1971 по 1973 год.

новил правление губернатора. Это привело к продолжительной серии военных столкновений (Atarodi, 2011). К тому времени, когда в 1977 году боевые действия прекратились, недовольство усилилось, и сильные сепаратистские чувства получили широкое распространение (Harrison, 1981).

Хотя одной из главных исторических причин, способствующих мятежу белуджей, была относительная отсталость провинции, недавняя волна мятежей мобилизуется вокруг совершенно противоположной проблемы (Aslam, 2011; Grare, 2006). Она была подпитана масштабными проектами развития, которые центральное правительство осуществляет в провинции (Grare, 2006). Правительство Пакистана с самого начала эксплуатировало провинцию, добывая ресурсы провинции, не отдавая белуджам их должной доли. Мало того, что роялти за эти ресурсы были низкими, но и провинция извлекала из них наименьшую выгоду. Поэтому Белуджистанские националисты и боевики, крайне скептически относившиеся к этим интервенциям центрального государства, в основном нацелились на пакистанское и иностранное участие в проектах 'развития' Белуджистана. Военная операция, проведенная в 2005 году, оказалась результатом ракетного обстрела Белуджистанской освободительной армии (БЛОА), осуществленного за несколько часов до визита туда генерала Мушаррафа (Atarodi, 2011).

Огромная земельная масса провинции, ее разумная обеспеченность природными месторождениями, такими как газ, полезные ископаемые, и ее высоко стратегическое побережье означают, что она является реальной мишенью для добывающих амбиций центрального государства (Ахтар, 2007). Учитывая долгую историю эксплуатации провинции, националистические элементы отнеслись к государственным инфраструктурным проектам с подозрением и откровенным неприятием. Эксплуатация газовых запасов и приобретение порта Гвадар являются классическим проявлением государственных инфраструктурных проектов, являющихся очагом сопротивления в Белуджистане (Ахтар, 2007).

Несмотря на то, что Белуджистан является крупным производителем газа, он не только получает гораздо меньшую долю газа, чем другие провинции, но и получает только 12,4% роялти от газа, добываемого в провинции (Grare, 2006). Эта тенденция эксплуатации была довольно последовательной на протяжении многих лет, создавая недовольство среди населения белуджей. В результате белуджские националисты теперь яростно выступают против эксплуатации газовых запасов центральным правительством (Grare, 2006). По данным южно-азиатского террористического портала, с 2005 по 2011 год было зафиксировано 165 случаев нападений на газопроводы (Mohanty, 2011).

Развитие порта Гвадар - еще один очаг напряженности. В сотрудничестве с Китаем правительство Пакистана приступило к развитию глубоководного порта и вспомогательной инфраструктуры, и промышленности в прибрежном городе Гвадар на Аравийском море (Аслам, 2011). Националисты Белуха утверждают, что соглашение между федеральным правительством и китайской компанией, связанное с проектом развития, является еще одним доказательством эксплуатации богатств Белуха. Они утверждают, что пакистанское государство и китайская компания забирают большую часть прибыли от этих проектов, оставляя мало народу Белуджистана. Что еще хуже, все строительные контракты предоставляются фирмам, не являющимся белухами (Aslam, 2011).

Кроме того, как указывает Фредерик Грар, большинство людей, участвующих в проектах, находятся за пределами Белуджистана (Grare, 2006). Среди Белуджистских молодежных националистов растет опасение, что Гвадар, скорее всего, продолжит ускорять приток небелуджистов, ищущих работу (Akhtar, 2007). Опасения обоснованы: из 600 человек, занятых на первом этапе строительства порта Гвадар, только 100 были белухами (Grare, 2006). Пример Синда и Белуджистана показывает, что вместо интеграции национального пространства и создания гегемонистского государства-пространства политика инфраструктуры только создала и углубила трещины в Национальном пространстве. Региональные амбиции усугубляются попытками центрального государства создать интегрированное пространство с помощью технологий интеграции. В следующих разделах я расскажу о том,

как СРЕС взаимодействует и, как ожидается, будет взаимодействовать с этими особенностями пакистанской политической экономики.

СРЕС и политика регионализма.

Политическое и воинственное присутствие националистических сил, исламских экстремистов (в настоящее время включая Исламское государство), делает Белуджистан очень спорным и опасным пространством для СРЕС. Хотя Белуджистан оказался наиболее сложным для пакистанских и китайских актеров, участвующих в СРЕС, региональная проблема СРЕС расширяет границы Белуджистана. Планирование СРЕС было в высшей степени централизованным, и провинциальные правительства плохо реагировали на эти тенденции. Китайское участие (через проекты СРЕС) до сих пор только углубляло эти региональные расколы. Региональные силы выступают против проекта двумя широкими способами: требуя большей доли участия в проекте или полностью отвергая интервенции. Трения между центром и провинцией проявились в споре о маршруте СРЕС. Провинциальные правительства возражали против изменения маршрута автомобильных и железных дорог. Правительство Пакистана объявило, что первоначальный маршрут, или Западная трасса, начнется после завершения Восточной трассы. Согласно первоначальному плану, коридор, состоящий из автомобильных и железных дорог, должен был соединить Гвадар с Кашгаром, проходя через различные южные и восточные районы Белуджистана, некоторые районы Южного Пенджаба, Исламабад (за пределами которого нет разницы между Восточным и западным маршрутом) (Abid and Ashfaq, 2015). Однако среди региональных элит стали появляться опасения (подкрепленные статистическими данными), что центральная политическая элита отдает приоритет восточному маршруту (Менгал, 2016). Восточный маршрут полностью проходит через Белуджистан, соединяет Гвадар с Карачи, минуя основные районы Белуджистана, и в основном проходит через относительно хорошо развитые провинции Пенджаб и Синд (Mengal, 2016). С тех пор как возник этот спор, правительство делало различные заявления (Bengali, 2015). Хотя карты не были раскрыты, а заявления оставались расплывчатыми и запутанными, из пресс-релизов следует, что маршрут был изменен, чтобы вместо этого проходить в основном через Центральный Пенджаб (Bengali, 2015).

Несмотря на то, что был создан парламентский комитет, с провинциями Пакистана было проведено недостаточно консультаций (Куреши, 2015). Провинциальное собрание Хайбер-Пахтунхвы (КПК) отвергло приоритетность Восточного маршрута и приняло резолюцию, выступающую против любого изменения маршрута, поскольку первоначальный маршрут обещает принести пользу слаборазвитым районам КПК (Mengal, 2016; Ahmad and Hong, 2017). Афтаб Ахмед Шерпао, лидер партии "Кауми Ватан" - партии, которая стала четвертой по величине партией КПК на всеобщих выборах 2013 года, - выразил свою озабоченность по поводу национальной пропаганды СРЕС на заседании парламентского комитета, состоявшемся в октябре 2016 года (Raza, 2016). Утверждая, что он представляет всех членов оппозиционной партии, он утверждал, что заявления правительства о закачке 10 000 мегаватт электроэнергии в национальную сеть мало что обещают провинциям, кроме Пенджаба. Поскольку все остальные провинции имеют слабую систему распределения электроэнергии, увеличение производства энергии не принесет пользы этим маргинализированным провинциям (Raza, 2016).

Gilgit-Baltistan также требовал большей доли в СРЕС через протесты и забастовки (Ali, 2016). Центральное правительство ответило угрозами. Министерство планирования, развития и реформ объявило, что протестующие против СРЕС будут привлечены к ответственности в соответствии с антитеррористическими законами (Business-Standard, 2016). Правительство также ответило на возражения, выдвинутые провинциями, неоднократно заверяя, что СРЕС принесет пользу провинциям в равной степени, и объявляя о проектах в этих провинциях. Будет ли центральное правительство выполнять эти обещания, неясно, и отсутствие прозрачности только еще больше подстегнет эти страхи и оппозицию.

Тенденция в Белуджистане, обусловленная историей эксплуатации в провинции, была противоположной. Они выступили против СРЕС на том основании, что это еще больше усилит круг эксплуатации, возникающий из центра—на этот раз в сотрудничестве с иностранным государством (Ahmad and Hong, 2017; Mengal, 2016). Белуджийские сепаратисты и боевики продемонстрировали свою оппозицию СРЕС, совершая различные акты саботажа, такие как целенаправленное убийство и похищение китайских рабочих, а также Взрывы, нацеленные на объекты проекта СРЕС или инфраструктуру.

Следовательно, несмотря на обещания подключения, интеграции и развития всей нации, СРЕС мобилизовал новую волну региональной политики. Спор о маршруте показывает централизованную—а не инклюзивную—миссию государства. Провинции не только держались в неведении относительно процесса планирования, но и государство неадекватно реагировало на страхи провинций, а в некоторых случаях даже угрожало репрессиями. Успокоение националистических настроений в Белуджистане с помощью СРЕС остается неуловимым проектом пакистанского государства. Следовательно, от СРЕС в плане государственного строительства можно ожидать немногого, если только она не подкреплена мощным материальным и идеологическим проектом объединения провинций. Центральное государство, которое стремится преследовать свои собственные интересы, не проявляет большой приверженности этой цели.

Однако политические границы СРЕС выходят за пределы национальной территории - китайское государство и международные организации будут играть решающую роль в процессе СРЕС. Как мы можем логически ожидать, что китайское государство ответит? Ответ на этот вопрос должен основываться на внешней политике Китая и китайских интересах в Пакистане.

Китайский капитал и 'невмешательство'.

Пожалуй, наиболее заметной чертой китайского капитала, которую охотно рекламируют как революционный принцип, определяющий новый мировой порядок, является принцип невмешательства и мирного сосуществования. Кроме того, основная цель комиссии национальной безопасности Китая состоит в том, чтобы вести диалог и переговоры на равноправной основе для преодоления споров и обеспечения мира. Китай предполагает "справедливый и разумный новый международный порядок", гарантирующий мир и безопасность (Shambaugh, 2013, стр. 79). Со временем, в связи с определенными геополитическими событиями и обстоятельствами, Китай стал менее пассивным и более активным в глобальном масштабе—он активизировал участие в региональных организациях, установил многие двусторонние отношения и стал более активно участвовать в многосторонних организациях (хотя по-прежнему неохотно прибегает к принуждению, чтобы заставить режим подчиниться международным нормам и правилам по таким вопросам, как изменение климата, военная прозрачность, права человека и в определенной степени борьба с терроризмом).

Интерес Китая к безопасности, политической стабильности и нежелание участвовать в спорной политике за рубежом частично объясняются долгой историей внутренней и внешней незащищенности и паранойи Китая (Shambaugh, 2013). Постоянные внутренние угрозы сепаратистских движений подтолкнули Китай к вступлению в коалиции антисексессионистских движений, последствия которых выходят за пределы национальных границ (Каратасли и Кумрал, 2017). Эти антисексессионистские настроения и угрозы внешней безопасности в сочетании с экономическими интересами Китая "«похоже, подталкивают Китай к сохранению глобального статус-кво очень последовательным образом" (Каратасли и Кумрал, 2017, стр. 22). Среди нескольких других примеров Каратасли и Кумрал приводят проблемы, связанные с Южным Суданом и ролью Китая в непосредственных действиях международных держав и многосторонних организаций. По мере того как сепаратистское движение в Южном Судане набирало силу, напряженность в Китае росла. Южный Судан становится важным местом для обслуживания китайских экономических интересов. К 2001 году Южный Судан привлек международное внимание—отделение и про-

блемы прав человека нашли сильную поддержку западной коалиции. До самого конца Китай пытался сохранить единство Судана, играя роль посредника. Когда в 2011 году Южный Судан обрел независимость, Китай также приложил усилия к построению торговых отношений с Южным Суданом (Karatasli and Kumral, 2017, p. 22-23).

Однако, как показывает пример Намибии, существуют исключения из китайской политики невмешательства и отсутствия поддержки движений за независимость. Пекин оказал поддержку чернокожему националистическому освободительному движению против апартеида и господства белых в Южной Африке (Larmer, 2017). Китай стал одним из его первых союзников, когда в начале 1990-х годов Намибия провозгласила независимость. Этот шаг со стороны Пекина должен быть контекстуализирован необходимостью Китая искать союзников после его дипломатической изоляции после разгона китайского правительства на протестующих на площади Тяньаньмэнь в 1989 году (Larmer, 2017, p. 4).

Вышеприведенная дискуссия иллюстрирует, как Китай стремится сохранить политическую стабильность и совершенно нетерпим к регионалистским амбициям, учитывая проблему регионализма в своих границах. Следовательно, здесь можно с уверенностью ожидать, что Китай также не будет хорошо реагировать на региональные элиты, выдвигающие расходящиеся претензии к центральному планированию СРЕС. Китай не потерпит уступок или автономии регионалистским элементам, чтобы не дать регионалистам уверенности в своих собственных границах.

СРЕС и безопасность.

На протяжении многих лет проникновение пакистанских военных в политику, общество и экономику обеспечило военному истеблишменту важное положение в государственном аппарате. Реальные и воображаемые угрозы безопасности пакистанского государства, роль иностранных держав и постоянно растущая финансовая автономия оборонного истеблишмента привели к созданию охваченного кризисом 'гарнизона'. Что еще хуже, все более мощную роль пакистанские военные взяли на себя в течение всего срока существования СРЕС. Армия настаивала на формальной роли в осуществлении этих проектов. Давление со стороны пакистанской армии и разочарование Пекина по поводу деятельности федерального правительства в обеспечении стабильной среды для развития СРЕС означали, что армия добилась важных успехов в приобретении важной роли в СРЕС. Риторика безопасности также использовалась для оправдания отсутствия прозрачности, цензуры и произвола государства, что делало процесс планирования и исполнения СРЕС крайне недемократичным.

Накануне обретения независимости Пакистан унаследовал сложную военную структуру. Колониальное правление в Индии осуществлялось при посредничестве гарнизонного государства. Британские державы были полностью осведомлены о той эффективной роли, которую сила и принуждение играли в управлении Индией (Ahmed, 2013). Говоря о милитаристской природе Пенджаба, Тан Тай Ен отмечает, что колониальное наследие милитаризации Пенджаба может иметь решающее значение для объяснения постколониального состояния Пакистана (Ahmed, 2013, с. 13). Он утверждает, что возникновение военно-бюрократической олигархии, в которой доминировали пенджабцы и которая была достаточно могущественна, чтобы доминировать и контролировать государственный аппарат Пакистана, частично объясняется событиями в колониальном Пенджабе в начале XX века (Ahmed, 2013).

Колонизаторы своей вербовочной политикой создали миф о 'воинственной расе' пенджабцев (Siddiq, 2007). После мятежа бенгальской армии в 1857 году британские правители столкнулись с необходимостью реструктуризации вооруженных сил. На этом этапе колонизаторы обнаружили, что пенджабцы были более готовы завербоваться в британскую армию в обмен на возможности трудоустройства и материальное вознаграждение. В результате число пенджабцев в британской армии росло непропорционально (Siddiq, 2007).

Миф о Пенджабцах и Патанах (из Северо-Западной пограничной провинции) как о 'воинственной расе' сохранялся и после обретения независимости. Это действовало как сплоченная сила для сохранения этнического состава и сохранения изначально элитарной структуры Вооруженных сил (Siddiq, 2007). Кроме того, продолжалось колониальное предубеждение против бенгальцев, синдхов и белуджей в процессе вербовки. Эта дискриминационная политика подпитывала напряженность между центром и провинциями. Последствия были ужасны: лидеры белуджей поддерживают недовольство военными, которые рассматривают их не как национальные вооруженные силы, а как пенджабские силы, которые эксплуатируют (Siddiq 2007: p. 60).

Сильный военный аппарат, завещанный колониальным правительством, приобретал все большую силу по мере того, как нарождающееся государство боролось с созданием нации. Из-за глубокого чувства незащищенности, которое возникло после обретения независимости, армия стала играть центральную роль в качестве защитного органа (Ahmed, 2013). Идеология, на которой базировалась пакистанская националистическая борьба, сыграла огромную роль в создании этих угроз. Борьба за независимость была развернута как борьба за отдельную родину для мусульман. Знаменитая "теория двух наций"²², раз и навсегда отброшены все общие черты между мусульманами и индусами Индии. Кровавые беспорядки, последовавшие за разделом субконтинента, и преувеличенная вера в то, что Индия намеревалась привести Пакистан к гибели, создали почву для национальной одержимости безопасностью (Ahmed, 2013). Воображаемый страх сформировался после многочисленных войн между Индией и Пакистаном из-за кашмирского вопроса (Siddiq, 2007- с. 63). Конфликт имеет огромное значение для политиков и военного истеблишмента, которые воспринимают индийскую угрозу как главную угрозу Пакистану. Даже внутренние угрозы, такие как мятеж белуджей и другие этнические и религиозные конфликты, воспринимаются как продолжение этой внешней угрозы (Siddiq, 2007).

Военный истеблишмент черпал свою идеологическую мощь из индийской угрозы и экономическую мощь из иностранных держав. В связи с определенными стратегическими событиями помощь в целях развития была быстро превращена в военную помощь (Ahmed, 2013). Биполярное соперничество между США и бывшим Советским Союзом дало правящим элитам очень эффективное стратегическое преимущество для того, чтобы добиться союза с США (Ahmed, 2013). Гражданские и военные правители Пакистана использовали эту возможность, рекламируя Пакистан как передовое государство против подъема коммунизма и коммунистических держав. Когда союз с США для сдерживания распространения коммунизма стал более или менее спящим в 1960-х годах, Пакистан искал союза с Китаем. Позднее Пакистан еще больше расширил эту сеть зависимости, обратившись за поддержкой к Саудовской Аравии. Пакистано-американский альянс восстановился после советской оккупации Афганистана и Иранской революции. Китай также испытывает аналогичные опасения в отношении советской оккупации. Саудовская Аравия чувствовала угрозу со стороны растущей мощи иранской ветви ислама. Все эти державы могли бы реализовать свои цели через Пакистан. Пакистанские военные использовали это уникальное стратегическое положение Пакистана в своих интересах (Ahmed, 2013).

Учитывая корыстные интересы иностранных и местных властей в милитаризации государства, неудивительно, что за 67 лет независимости военный истеблишмент приобрел достаточно власти, чтобы править страной четыре раза. Даже во времена гражданского правления армия сохраняла значительную власть путем переговоров (Siddiq, 2007). Пять вооруженных конфликтов с Индией, несколько операций в Белуджистане по подавлению

²² Теория двух наций была идеологическим инструментом, используемым для мобилизации мусульман в пакистанское движение, утверждая, что религия является основной идентичностью мусульман Южной Азии, и вместо языка или этнической принадлежности их исламская идентичность является объединяющим знаменателем. Имплицитно и чрезвычайно эффективно идеология проецировала индусов и мусульман Южной Азии как настолько разных, что они не могли бы жить вместе в одной нации, хотя история — Южной Азии-это именно история сосуществования индусов и мусульман.

организованных требований большей автономии и самая последняя 'война с терроризмом' не только свидетельствуют об уровне милитаризации государства, но и являются симптомом огромной власти в руках пакистанской армии (Siddiqi, 2007).

Пакистанские военные и СРЕС.

На протяжении всего существования КПЭК военные играли все более важную роль. Армия настаивала на официальной роли в осуществлении проектов и предложила включить СРЕС в Национальный план действий ²³(Rana, 2016). Последнее предложение было отклонено гражданской структурой, и гражданское правительство в целом неохотно делило контроль над СРЕС (Ghumman, 2016). Однако способность армии вмешиваться в гражданскую политику в сочетании с разочарованием Пекина по поводу эффективности федерального правительства в обеспечении стабильной среды для развития СРЕС (Ghumman, 2016) означала, что армия добилась значительных успехов в приобретении важной роли в СРЕС.

Мощь, которую пакистанская армия приобретает в операциях СРЕС, делает процесс СРЕС крайне недемократичным. Это ведет к дальнейшему ослаблению гражданского правительства. Есть несколько событий, которые указывают на эту тенденцию. Во-первых, новые вооруженные силы были сформированы в Белуджистане и Синде армией, предназначенной исключительно для защиты проектов СРЕС (Wolf, 2016). Это решение было принято исключительно высшими должностными лицами армии (Вольф, 2016). Согласно четырехуровневому плану обеспечения безопасности, примерно 32 000 сотрудников Службы безопасности были назначены для охраны более 14 321 китайского рабочего, занятого в различных проектах по всей стране (Gishkori, 2015). Согласно плану, Белуджистан будет охраняться наиболее усиленно, получив около 5700 человек личного состава пограничного корпуса. ²⁴Аналогичным образом, операция "Зарб-э-Азб", начатая армией для контроля над боевиками в Северном Вазиристане в 2014 году, также получила легитимность через СРЕС. Китайские внешнеполитические деятели были удовлетворены попыткой пакистанской армии ликвидировать повстанческое движение, возглавляемое Исламским движением Восточного Туркестана в регионе. Кроме того, начальник штаба Сухопутных войск постоянно повторял вклад операции в обеспечение безопасных условий для завершения работы КЗЭК и управления ею.

Во-вторых, создание высших комитетов на федеральном и провинциальном уровнях, направленных на укрепление связи между гражданскими и военными властями по вопросам безопасности, привело к дальнейшему ослаблению полномочий гражданского правительства по принятию решений (Wolf, 2016). Передача полномочий высшим комитетам привела к тому, что важные решения, касающиеся СРЕС, теперь принимаются военно-бюрократическим комплексом без какого-либо участия национальных или провинциальных ассамблей (Wolf, 2016).

Военные, ссылаясь на риторику озабоченности безопасностью, оправдали государство от того, чтобы сделать СРЕС прозрачным и открытым для публичных дебатов. Отсутствие прозрачности, цензура и произвольные действия государства удобно оправдываются маркировкой СРЕС как вопроса государственной безопасности (Ali, 2017; Bengali, 2015). Если ситуация сохранится, планирование и реализация СРЕС станут крайне недемократичными, создавая более глубокие трещины в государственном пространстве. Однако этот потенциал необходимо оценивать с учетом не только политики пакистанского государства и общества, но и характера инвестиционного режима СРЕС, китайского государства и международных акторов. Хотя, как упоминалось ранее, официальная риторика глобальной инвестиционной политики — Китая-это риторика "невмешательства", внешняя политика,

²³ Политика Пакистана в области борьбы с терроризмом, принятая в 2014 году

²⁴ Пограничный корпус-это силы безопасности, входящие в состав военизированных формирований Пакистана, дислоцированных в Белуджистане и КПК. Хотя эти силы подпадают под юрисдикцию Министерства внутренних дел, их возглавляет генерал-майор пакистанской армии в звании офицера.

по-видимому, развивается по мере того, как Китай осознает ограничения невмешательства и важность защиты своих экономических интересов (Mohan and Power, 2010). Например, была отменена политика блокирования резолюций Совета Безопасности ООН, санкционирующих ввод миротворцев в Дарфур, и Китай оказал умеренное давление на Хартун, чтобы тот разрешил развертывание миротворцев ООН (Hansen, 2008). Изменения во внешней политике Китая обусловлены необходимостью обеспечения интересов бизнеса и опасениями по поводу “негативной реакции и потенциального ущерба его стратегическим и экономическим отношениям с США и Европой” (Ahlbrandt and Small, 2008). Однако этот наметившийся сдвиг следует понимать осторожно, поскольку Китай не пережил фундаментального изменения ценностей. Экономические интересы остаются главным приоритетом, и, несмотря на растущее участие Китая в отношениях с США, он не разделяет их риторику о правах человека и демократии (Ahlbrandt and Small, 2008).

Хотя внешняя политика Китая демонстрирует гибкость, важно отметить, что китайское присутствие на глобальном Юге обусловлено определенными национальными и экономическими интересами. Китай продемонстрировал готовность отказаться от своей позиции невмешательства, если этого потребуют его экономические и национальные интересы. В Пакистане Китай продемонстрировал эту гибкость, настаивая на том, чтобы организация безопасности взяла на себя решение вопроса безопасности СРЕС. Привлечение пакистанских военных также отвечало национальным интересам Китая. Борьба с уйгурскими боевиками в Северном Вазиристане была одной из важнейших забот Китая, которая привела к тому, что китайское государство заключило союз с пакистанскими военными. Кроме того, исторически сложилось так, что Китай чувствовал себя более комфортно в переговорах с пакистанской военной элитой, чем его беспокойный гражданский коллега (Small, 2015). Таким образом, можно ожидать, что сила пакистанской военной элиты только укрепится с этим проектом, если не будет серьезного международного или местного сопротивления этой тенденции.

Вывод.

Исследование было направлено на то, чтобы понять, как СРЕС взаимодействует с политической экономической структурой Пакистана. С этой целью путем исторического анализа деконструировал пакистанское государство и разделил его на три основные державы: центральное государство, региональные элиты и вооруженные силы. На протяжении всей статьи я использовал эти категории для анализа роли этих держав в процессе планирования и осуществления СРЕС и того, как эти взаимодействия влияют на политический ландшафт Пакистана. Кроме того, я изложил экономические, национальные и стратегические интересы Китая в Пакистане, чтобы проанализировать, как Китай может вмешаться в этот процесс.

Установив связь между инфраструктурой и государством, я утверждал, что с самого начала проект развития инфраструктуры в Пакистане был тесно связан с процессом национального строительства. Однако в своих попытках создать однородное пространство центральное государство, в котором доминировали пенджабцы, в конечном итоге создало раздробленные пространства, в которых размещались региональные амбиции. СРЕС, утверждал я, инициировал новый режим региональной политики, присвоив пенджабу непропорциональную долю проектов и сохранив планирование СРЕС в высшей степени секретным и недемократичным.

Затем я проанализировал роль военных в пакистанской политике, чтобы понять их роль в СРЕС. На протяжении многих лет проникновение пакистанских военных в политику, общество и экономику обеспечило военному истеблишменту важное положение в государственном аппарате. СРЕС стал еще одной возможностью для военных расширить свое влияние в процессе принятия решений государством. Армия настаивала на формальной роли в выполнении проектов СРЕС. Этому процессу способствовали проблемы безопасности Пекина и его собственная война с уйгурскими боевиками. Риторика безопасности также использовалась для оправдания отсутствия прозрачности, цензуры и произвола гос-

ударства, что делало процесс планирования и исполнения СРЕС крайне недемократичным и неравноправным. Отсюда я делаю вывод, что если не будет серьезного международного или местного вызова этой тенденции, то СРЕС приведет лишь к увеличению мощи пакистанских вооруженных сил.

Анализ внешней политики и национальных интересов Китая привел к выводу, что у Китая мало интересов или мотивации для изменения дисбаланса сил в Пакистане, который усугубляется СРЕС. Китай намерен сохранить политическую стабильность в своих двусторонних отношениях. Эта склонность выражается в политике безоговорочной помощи, нежелании вмешиваться во внутренние дела и уважении территориального суверенитета. Менее очевидной движущей силой внешней политики Китая являются его национальные интересы, которые иногда расходятся с его принципами невмешательства. Например, Китай стремится к сохранению политической стабильности и абсолютно нетерпим к регионалистским амбициям, учитывая проблему регионализма в своих границах. Учитывая эту озабоченность, Китай, как ожидается, не будет хорошо реагировать на региональные элиты, выдвигая различные претензии к центральному планированию СРЕС.

Поэтому я утверждаю, что, если не будет национальной или международной реакции против воздействия СРЕС на политическую экономическую структуру Пакистана, можно ожидать, что СРЕС сохранит статус—кво властных структур пакистанского государства, трещины в которых будут только углубляться.

Наличие данных.

Наборы данных, созданные в ходе и / или проанализированные в ходе текущего исследования, не являются общедоступными для сохранения конфиденциальности интервьюируемых, но доступны соответствующему автору по разумному запросу.

Рекомендации.

1. Abid M, Ashfaq A (2015) СРЕС: вызовы и возможности для Пакистана *Pakistan Vis* 16 (2): 142-169
2. Ahlbrandt S, Small A (2008) дипломатия новой диктатуры Китая. *The New York Times*, [онлайн]. Доступно по адресу: http://www.nytimes.com/cfr/world/20080101faessay_v87n1_kleine.html?pagewanted=print&_r=0
3. Ahmad R, Hong M (2017) Китайско-пакистанский экономический коридор и его социальные последствия для Пакистана: как СРЕС будет стимулировать инфраструктуру Пакистана и преодолевать проблемы? *Art Soc Sci J*, 08(02)
4. Ahmed I (2013) *The Pakistan garrison state origins, evolution, consequences (1947-2011)*. Оксфордский Университет. Пресса, Нью-Йорк
5. Ахтар АС (2007) Белуджистан против Пакистана. *Econ Polit Wkly* 42(45):73-79
6. Ахтер м (2013) геополитика проектирования плотины на Инде. *Econ Polit Wkly* 48(19):24-26
7. Ахтер м (2015) инфраструктурная нация: пространство государства, гегемония и гидравлический регионализм в Пакистане. *Антипод* 47(4):849-870
8. Алави Н (1972) государство в постколониальных обществах: Пакистан и Бангладеш. *Обзор новых левых*, I / 74 [онлайн]. Доступно по адресу: <https://newleftreview.org/I/74/hamza-alavi-the-state-in-post-colonial-societies-pakistan-and-bangladesh>
9. Али а (2016) Китай пакистанский экономический коридор: перспективы и вызовы для региональной интеграции. *Art Soc Sci J*, 7(4)
10. Али У (2017) пакистанская цензура принимает опасный оборот. дипломат. [в интернете]. Доступно по адресу: <http://thediplomat.com/2017/02/pakistans-censorship-takes-a-dangerous-turn/>
11. Anwar NH (2015) *Infrastructure redux: кризис, прогресс в промышленном Пакистане и за его пределами*. Пэлгрейв Макмиллан, Лондон

12. Aslam R (2011) Greed, creed, and governance in civil conflicts: a case study of Baluchistan. *Contemp South Asia* 19 (2):189-203
13. Атароди А (2011) повстанческое движение в Белуджистане и почему оно имеет стратегическое значение. Анализ Обороны. FOI, Стокгольм, стр. 2011
- 14.
15. Блок политических реформ главного министра-правительство Белуджистана. Карачи: The Times Press
16. Business-standard.com (2017) протестующим будут предъявлены обвинения в соответствии с антитеррористическими законами: Pak on CPEC row. Бизнес-Стандарт, [онлайн]. Доступно по адресу: http://www.business-standard.com/article/international/protestors-to-be-charged-under-anti-terrorism-laws-pak-on-cpec-row-116081800623_1.html [Дата обращения 11 июня. 2017]
17. Chandra D (2016) китайско-пакистанские отношения: последствия для Индии, 1-е изд. Vij Books India Private Limited, Нью-Дели
18. Кули Дж. (2001) нечестивые войны: Афганистан, Америка и международный терроризм. 1-е изд. Плутон Пресс: Лондон
19. Cpec.gov.pk (2017) введение Китайско-Пакистанского экономического коридора [онлайн]. Доступно по адресу: <http://cpec.gov.pk/introduction/1>
20. Dalakoglou D (2010) the road: an ethnography of the Albanian-Greek cross-border Highway. *Американский Этнолог*, 37(1)
21. Элизабет Ван Ви Дэвис (2010) Уйгурский мусульманский этнический сепаратизм в Синьцзяне, Китай, азиатские дела: американское обозрение. 35(1):15–30. <https://doi.org/10.3200/AAFS.35.1.15-30>
22. Ghuman K (2016) PML-N не желает делиться контролем CPEC? Рассвет, [онлайн]. Доступно по адресу: <https://www.dawn.com/news/1271483>
23. Goswami M (2004) Producing India: From colonial economy to national space. University of Chicago Press, Чикаго
24. Grare F (2006) Pakistan: возрождение Белуджийского национализма. *Carnegie Papers Massachusetts Avenue, NW: Фонд Карнеги За международный мир*: 1-15
25. Guldi J (2012) дороги к власти: Британия изобретает государство инфраструктуры. Гарвард, Кембридж
26. Hansen S (2008) Китай, Африка и нефть. *Washington Post* [онлайн]. Доступно по адресу: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/09/AR2008060900714.html>
27. Harrison S (1981) In Afghanistan's shadow: Baluch nationalism and soviet temptations. *Иностранный АФФ* 60 (1):216
28. Хилали АЗ (2002) издержки и выгоды Афганской войны для Пакистана. *Современный Юг. Азия* 11: 291-310
29. Jalal A (1990) the state of military rule: пакистанская политическая экономия обороны. Cambridge University Press, Кембридж
30. Каратасли С., Кумрал С. (2017) территориальные противоречия подъема Китая: Геополитика, национализм и гегемония в сравнительно-исторической перспективе. *J World-Syst Res* 23: 5-35. <http://jwsr.pitt.edu/ojs/index.php/jwsr/article/view/591>. Дата обращения 11 июня 2017 года
31. Khan MA and Ahmed A (2007) Pakistan Institute of Development Economics, Islamabad Foreign Aid—Blessing or Curse: Evidence from Pakistan. *Обзор Развития Пакистана, Том II. 46, No. 3 (Autumn 2007), PP. 215-240* опубликовано: пакистанский Институт экономики развития, Исламабад стабильный URL: <http://www.jstor.org/stable/41261157> доступ: 17-04-2017 10: 34 UTC
32. Knox H, Harvey P (2012) очарование инфраструктуры. *Mobilities*, vol. 7, No. 4, PP. 521-536, (November 2012)

33. Knox H, Harvey P (2015) дороги антропология инфраструктуры и экспертизы. Cornell University Press, Итака, Нью-Йорк.
34. Лармер Б (2017) является ли Китай новой колониальной державой в мире? Журнал "Нью-Йорк Таймс", [онлайн]. Доступно по адресу: <https://nyti.ms/2qsVH2B>
35. Ларкин Б. (2013) политика и поэтика инфраструктуры. *Annu Rev Anthropol* 42: 327-343. www.annualreviews.org
36. Лефевр Н (2009) Космос и государство. In: Brenner N, Elden S (Eds) *State, space, world: Selected essays*. University of Minnesota Press, Minneapolis, PP. 223-253
37. Маркс К. (1857-61). Грюндрисс: основы критики политической экономии. Penguin Books in association with New Left Review, [online]. Доступно по адресу: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1857/grundrisse/index.htm>
38. Mengal S (2016) CPEC Route Controversy: проблемы и возможности. Двухлетний исследовательский журнал "BALOCHISTAN REVIEW" ISSN 1810-2174 Balochistan Study Centre, University of Balochistan, Quetta (Pakistan) vol. XXXV, № 2
39. Mohanty R (2011) Белуджистан: кончается газ. *South Asia Intelligence Review (SAIR)*, vol. № 9.46, [онлайн]. Доступно по адресу: http://www.satp.org/satporgtp/sair/Archives/sair9/9_46.htm
40. Naviwala N (2017) играет в жесткий футбол с помощью Пакистана. Внешняя политика-южноазиатский канал, [онлайн]. Доступно по адресу: <http://foreignpolicy.com/2015/09/04/playing-hardball-with-aid-to-pakistan/>
41. Атаки "The Nation" (2016) унесли жизни 44 пакистанцев, работающих в CPEC с 2014 года. наша страна. Доступно по адресу: <https://nation.com.pk/09-Sep-2016/attacks-have-killed-44-pakistanis-working-on-cpec-since-2014>
42. Pant HV (2012) The Pakistan thorn in China-India-U. S. relations. *Wash Q* 35 (1):83-95, [online]. Доступно по адресу: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.642294>
43. Педерсен Ма. 2011. Не совсем шаманы: духовные миры и политическая жизнь в Северной Монголии. Корнельский Университет. Пресса, Итака, Нью-Йорк
44. Power M, Mohan G (2010) Towards a critical Geographics of China 's engagement with African development *Geographics* 15 (3):462-495
45. Кази Ш. (2012) американо-пакистанские отношения: общие и противоречивые интересы. *Мировой АФФ* 175:71-78
46. Qureshi АН (2015) Китайско-пакистанский экономический коридор: критическая точка зрения, основанная на национальной и международной правовой политике. *Chin J Int Law* 14 (4):777-799. <http://chinesejil.oxfordjournals.org/>
47. Rana S (2016) армия ищет роль в управлении CPEC. *The Express Tribune*, [онлайн]. Доступно по адресу: <https://tribune.com.pk/story/1085784/for-timely-completion-army-seeks-role-in-cpec-administration/>
48. Проект угольной электростанции "раза м" (2016), вероятно, будет перенесен после разногласий правительства и Капко. *Рассвет*, [онлайн]. Доступно по адресу: <https://www.dawn.com/news/1245764/coal-plant-project-likely-to-be-shifted-after-govt-kapco-disagreement>
49. Шахид у (2016) Белуджистан: беспокойное сердце CPEC. *дипломат*. Доступно по адресу: <https://thedi diplomat.com/2016/08/balochistan-the-troubled-heart-of-the-cpec/>
50. Shakil FM (2017) Каталог атак теней Китая CPEC надеется в Пакистане. *Азия Таймс*. Доступно по адресу: <http://www.atimes.com/article/catalogue-attacks-shadows-chinas-cpec-hopes-pakistan/>

51. Shambaugh DL (2013) China goes global: the partial power. Издательство Оксфордского Университета, Нью-Йорк
52. Siddiqi A (2007) Military Inc. Внутри военной экономики Пакистана. Оксфордский Университет. Пресса, Лондон
53. Siddiqui S (2017) CPEC investment поднялась с \$55b до \$62b. The Express Tribune, [online]. Доступно по адресу: <https://tribune.com.pk/story/1381733/cpec-investment-pushed-55b-62b/>
54. Малый А (2015) китайско-пакистанская ось: Новая геополитика Азии. Издательство Оксфордского Университета, Нью-Йорк
55. Tareen SA (2016) Begum Nasim Wali предостерегает от политизации CPEC. Новости [онлайн]. Доступно по адресу: <https://www.thenews.com.pk/print/125687-Begum-Nasim-Wali-warns-against-politicising-CPEC>
56. Titus P, Swidler N (2000) Knights, not pawns: этнонационализм и региональная динамика в постколониальном Белуджистане. Int J Middle East Stud 32:47-69
57. Уошбрук (1981) закон, государство и аграрное общество в колониальной Индии. Современные азиатские исследования, том 15, вып. 3, власть, прибыль и политика: Очерки об империализме, национализме и изменениях в Индии двадцатого века. Cambridge University Press Stable, PP. 649-721 URL: <http://www.jstor.org/stable/312295>
58. Williams B (2017). Counter jihad: военный опыт Америки в Афганистане. 1-е изд. Университет Пенсильвании пресс, Филадельфия.
59. Вольф со (2016) Китайско-пакистанский экономический коридор и военно-гражданские отношения в Пакистане. IndraStra Glob 2(4): 0052, <http://www.indrastra.com/2016/04/PAPER-CPEC-and-Civil-Military-Relations-in-Pakistan-002-04-2016-0052.html>
60. Zaidi SA (2011) кому выгодна помощь США Пакистану? Экономический и политический еженедельник, т. 46, № 32 (6-12 августа 2011 г.): 103-109

Maham Hameed(2018)

Приложение Ё

Публикация на тему:

Большой проект политика урбанистической эпохи: городские мегапроекты в Азии и Европе.

Наоми К. Ханаката & Анна Гаско .

Краткий обзор.

В настоящем документе представлено комплексное исследование крупномасштабных, мастер-планируемых городских застроек в Азии и Европе. С 1980-х годов эти городские мегапроекты, получившие все большее распространение во всем мире,—здесь их называют грандиозными проектами —стали основными движущими силами интенсификации урбанизации. Установлено вперед для того чтобы сработать городское возобновление или увеличить расширение города, грандиозные проекты они стали пространственными проявлениями более крупных экономических и политических программ городов. В процессе своего развития они вызвали изменения в городских условиях за пределами самих границ своих участков. Как таковые, они предлагают продуктивное средство исследования текущих городских тенденций в глобально связанной форме концентрированной урбанизации. Это исследование, основанное в лаборатории ETH-Future Cities Laboratory (FCL) в Сингапуре, рассматривает восемь тематических исследований в Азии и Европе с помощью пяти аналитических рамок: концепция проекта, Проектирование, реализация,

эксплуатация и последствия. Этот подход затрагивает различные пространственные и временные масштабы в рамках различных теоретических и материальных практик, позволяя всесторонне обсудить Гранды проецируются внутри и через различные социально-политические контексты. Этот документ проливает свет на специфические городские условия крупных проектов, несмотря на их глобальные тенденции развития, транснациональные собственники или финансовые альянсы и международно регулируемую практику планирования. Часто зависящие от исключительных правил вне установленных законом процедур планирования, они подвержены специфическим для контекста вызовам, специфическим для проекта сводкам и уникальным конфигурациям действующих лиц и заинтересованных сторон, которые создали различные проявления грандиозных проектов в пространстве. Эти аналитические рамки, представленные в настоящем документе, лягут в основу более масштабных сравнительных исследований, которые будут завершены на более позднем этапе нашей работы.

Введение.

Развитие *грандиозных проектов* ускоряется по масштабам и скорости в различных географических точках земного шара. Изучение *грандиозных проектов* в контексте смены парадигм планирования и процессов социально-экономической перестройки позволяет рассматривать их как физические проявления этих тенденций, так и исключительные меры по развитию новых городских округов. В данной статье обобщаются предварительные выводы, полученные в ходе продолжающегося исследования городских мегапроектов-здесь их называют *грандиозными проектами*- в Азии и в Европе. Исследовательский проект, базирующийся в ETH-FCL в Сингапуре, рассматривает эти формы городского развития как сложные производственные процессы, действующие в различных масштабах и во времени. Таким образом, он проверяет воздействие и потенциал, которые *грандиозные проекты* предлагают своим соответствующим городским средам.

В настоящем документе представлена аналитическая основа, разработанная для анализа восьми тематических исследований. Этот подход также является основой для продолжающихся сравнительных исследований. Наша структура пытается охватить *грандиозные проекты* с учетом их временного масштаба и структурной сложности по отношению к их географическому положению. Наша методология предлагает набор аналитических точек входа в выбранные *нами грандиозные проекты* тематические исследования, которые включают Downtown Core (Сингапур), HafenCity (Гамбург), Kings' Cross (Лондон), La Défense (Париж), Lujiazui (Шанхай), Marunouchi (Токио), West Kowloon (Гонконг) и 22@ (Барселона) (см. рис 1).

CASE STUDY	■	●	■	■	■	●	●	●
LOCATION	Barcelona, Spain	Singapore	Hamburg, Germany	London, UK	Paris, France	Shanghai, China	Tokyo, Japan	Hong Kong
STARTING DATE OF CONSTRUCTION	2001	1967	2003	2007	1958	1990	1890	1992
INITIAL OR MAIN PROPERTY OWNER	Various	City State	City	King's Cross Central Ltd. Partnership	State	State	Mitsubishi Estate Co., Ltd.	State
INITIAL OR MAIN URBAN PLANNER	City of Barcelona	URA	KCAP, ASTOC	Allies Morrison Porphyrios, Townshend	Camelot, Mailly and Zehrfuss	IAURIF	Mitsubishi Estate Co., Ltd.	Foster and Partners, TFP Farrells
INITIAL OR MAIN PROGRAM	Business	Business	Business and housing	Commercial and housing	Business	Finance and business	Finance and business	Culture and retail
PROJECT AREA (ha)	198	430	127	25.8	160	180	128	83

Рисунок 10

Эти тематические исследования были выбраны изначально с учетом их местоположения, поскольку наш проект базируется в Азии (FCL Singapore) и Европе (ETH Zurich). Данный нашим исследователем опыт в области городского состояния соответствующих городов еще больше помог сузить число тематических исследований. Окончательный выбор был сделан, чтобы охватить широкий исторический диапазон проектов Grands различных стадий развития, подходов и управленческих структур. Наш выбор также представляет собой разнообразный набор конфигураций частных и государственных заинтересованных сторон, не зависящих от географического положения. Это позволяет нам опровергнуть предположения об определенных условиях развития, например предположение о том, что принадлежность заинтересованных сторон к частным или государственным органам присуща конкретным социокультурным истокам или определяется определенными моделями или намерениями городского развития. Эта ассоциация также была поставлена под сомнение Хоганом и другими (2012) на основе работ, в которых рассматриваются азиатские формы урбанизма и освещаются часто обобщенные наблюдения, полученные из тематических исследований, расположенных в одной социокультурной сфере.

Многомерная сложность грандиозных проектов требует сочетания количественных и качественных методов. Качественные методы, используемые в этом исследовании, варьируются от городского анализа, включая детальную полевую работу, до "полуструктурированных" интервью с широким кругом различных заинтересованных сторон. Эти качественные методы дополняют эмпирические данные, собранные из правительственных отчетов, документов, выпущенных развивающимися и/или действующими агентствами, местных информационных бюллетеней, статистических анналов и научной литературы.

Обоснование грандиозного проекта.

"Сегодня азиатские города являются плодородными площадками не для следования установившемуся пути или мастер-плану, а для множества экспериментов на местности, которые заново изобретают то, что городские нормы могут считаться "глобальными"" (Ong, 2011, стр. 2).

На протяжении всей истории города по всему миру инициировались, согласовывались и осуществлялись крупномасштабные и всесторонне спланированные проекты-

грандиозные проекты. Их влияние часто выходит за пределы их территории, влияя на равновесие более крупного городского региона. Грандиозные проекты возникали из различных мотивов, включая необходимость продемонстрировать власть, увеличить экономический рост, установить присутствие в глобальных финансовых сетях или расширить город. Grands Projets оказали сильное влияние на процессы городского планирования и развития, а также на идентичность их городов как центров финансов, бизнеса, туризма, искусства и культуры.

В прелюдии к своему отражению по сайту worlding городов с уделением особого внимания Азии (Рой и Онг, 2011) Ahiwa Онг пишет, что “крупные города в развивающихся странах стали центрами огромной политической инвестициями, экономическим ростом и культурным потенциалом, и, таким образом, превратились в сайты для создания своих стран претендует на мировое значение” (Онг, 2011, стр. 2). Это, как мы полагаем, относится и к городам в различных регионах мира, независимо от того, какие границы лежат на глобальном Юге или на "севере" от него. Кроме того, мы утверждаем, что Grands Projects формируйте сосуды для таких инвестиций. Они накладываются с одновременными задачами передачи пространственных качеств жизненности, роста и изобилия и достижения глобального значения.

Термин "Grand Projet" относится к попыткам французской политической элиты эпохи Миттерана усилить роль Франсез в искусстве, культуре, политике и экономике посредством предоставления современных гражданских зданий, парков и памятников в Париже в период с 1981 по 1998 год. Хотя сложность и размер наших дел имеют гораздо больший масштаб, чем Grandes Operations d'Architecture et d'Urbanisme ²⁵их логика, амбиции и влияние на городские условия показывают некоторое сходство. Грандиозные проекты Парижа были результатом планировочных конкурсов, которые часто приводили к отбору иностранных (st-)архитекторов для изменения имиджа города с помощью современных архитектурных вмешательств. Большинство грандиозных проектов Миттерана вызывали споры из-за их маниакальной иллюстрации власти и перерасхода средств, финансируемого за счет денег налогоплательщиков. Однако после их завершения такие проекты, как Институт арабского мира, Министерство финансов и Национальная библиотека, способствовали возрождению заброшенных районов в восточной части Парижа вдоль Сены, что со временем привело к изменению общественного признания. Хотя мы используем термин Grand Projet в нашем исследовании в качестве продуктивной аналогии, мы осознаем его контекстуальные и скалярные недостатки.

Именно это представление об овеществленном жесте власти, присущем французскому Великому Проекту, мы намерены развить в наших исследованиях. При этом мы квалифицируем наш предмет исследования в отличие от более нейтральных терминов, таких как "городской мегапроект", и делаем вопрос о власти конституирующим элементом. В контексте нашего исследования мы далее определяем грандиозный проект как крупномасштабный, всесторонне спланированный проект развития, который имеет четкое базовое видение и реализуется под надзором одного и того же органа, независимо от того, представлен ли этот орган одним или несколькими субъектами. Наше определение в меньшей степени определяется ценником (Altshuler and Luberoff, 2003 ; Marshall, 2003), культовым дизайном или публичным характером (Altshuler and Luberoff, 2003); оно не ограничивается определенным типом бизнес-модели или спекулятивной схемы (Swyngedouw et al. 2002; Шаткин, 2011).

²⁵ "Грандиозные операции по архитектуре и урбанизму" включали пирамиду Лувра, Музей Орсе, Парк Де Ла Виллет, Институт арабского мира, оперу Бастилии, Большую Арку обороны, Министерство финансов и, наконец, Национальную библиотеку Франции, безусловно самую большую и самую дорогую.

Определяемая инстанцией власти, грандиозная цель проекта состоит в том, чтобы преобразовать траекторию городского развития города, начиная от экономического состояния и заканчивая функциональной направленностью и имиджем города в глобальном масштабе. Грандиозный Проект тесно увязывается с динамикой существующих центров и формирует новый центр деятельности и занятости в столичном регионе. Многие из наших тематических исследований образуют важные узлы в локальных и региональных транспортных сетях. Необходимость модернизации инфраструктуры во многих случаях была основной движущей силой крупномасштабных вмешательств в структуру города, что подтверждает оценку Фливбьергом этих проектов как "центральных в новой политике расстояния, поскольку инфраструктура все чаще строится как мегапроекты" (2003, с. 3). С этим, Grands Projets они становятся точками преобразования абстрактного и физического пространства: это (вновь) построенные центры и локации внутри определенного гегемонистского царства, которое осуществляет контроль над своей городской территорией и за ее пределами.

С 1980-х годов число и скорость реализации крупномасштабных проектов городского развития возросли. Они стали средством развития новых городских районов, особенно в местах с ограниченными земельными ресурсами и растущим населением. В то же время, Grands Projets были подвергнуты критике как пространственно исключительные, исключаяющие регулирование проекты. Они обычно описываются как чрезмерно нисходящие и непрозрачные в своей политической организации, концепции, дизайне и процессах реализации. Их часто монофункциональные аутсайдеры рассматриваются как нацеленные на спрос и предложение (все более космополитичной) городской элиты, позволяющие "жителям реализовать свой потенциал в качестве акторов глобальной экономики" (Шаткин, 2011, с. 77), одновременно потворствуя социально-экономической поляризации и политико-экономической изоляции.

Инвестиционные партнерства, осуществляющие реализацию таких проектов, все больше полагаются на частные фонды и глобальные сети. Сегодня, как в Азии, так и в Европе, даже когда местные деньги финансируют строительство новых городских проектов, глобальная передача знаний о проектировании, планировании и управлении крупными проектами становится ключевым атрибутом этих процессов. В то же время экономический масштаб современных мегапроектов в некоторых случаях ставит под угрозу национальные бюджеты домашних хозяйств с риском неудачи, которая может быть транснационализирована, но не уменьшена (Merrow et al., 1988). Таким образом, изучение грандиозных проектов как ключевых элементов урбанизационных процессов может дать ответы на некоторые возникающие проблемы, связанные с будущим наших городов и их локальными, региональными и глобальными последствиями.

Введение пространственной направленности в изучение городских мегапроектов.

Одновременно с увеличением числа и размера проектов грандов их феномен и актуальность все чаще обсуждаются в академическом мире. Эта тема вызвала интерес прежде всего в области исследований, связанных с управлением, поскольку она служит средством обсуждения текущих процессов реструктуризации городов. Однако исследовательские проекты, посвященные этой теме, сами по себе создали ограничения, сосредоточившись либо на тематических исследованиях из Европы и Северной Америки (Swyngedouw et al., 2002; Fainstein, 2008; Savini and Salet, 2017) или Азия (Shatkin, 2011; Marshall, 2015). Другие научные работы сталкивались с проектами из разных политических систем и социокультурных контекстов, но представляли различные географические идеи рядом друг с другом, а не вовлекали их в сравнительный разговор (del Cerro, 2013). Одна из первых глубоких дискуссий была предложена Swyngedouw, Moulaert и Rodrigues в их сравнитель-

ном исследовании крупномасштабных проектов городского развития в контексте неолиберальной политики в Европе (2002; Moulaert et al., 2003). Рассматривая девять проектов в европейских городах различного размера, основное внимание в исследовании уделяется исключительному положению этих случаев в контексте местного планирования и их связи со стратегиями экономического развития на основе внутригородской конкурентной реструктуризации и новых форм частно-государственных институциональных структур. В своем исследовании Swyngedouw et al. провозгласите, что "растущая фрагментация компетенций и обязанностей" является значительным событием в разработке политики и планировании городских мегапроектов (2002, стр. 578). Такая фрагментация, по их мнению, позволяет более эффективно мобилизовать ресурсы и создать крупные совместные структуры заинтересованных сторон; в то же время дефицит демократии ведет к исключению некоторых субъектов из процесса принятия решений.

В более поздних исследованиях Сьюзен Файнштейн исследует роль частно-государственных партнерств в европейских и американских городских проектах и противостоит их недостаткам и социальным амбициям. Она приходит к выводу, что выгоды, вытекающие из этих партнерств, однако, создают дополнительную финансовую ценность для самих себя, а не способствуют улучшению качества городов (Fainstein, 2008). Гэвин Шаткин, Тревор Хоган и Тим Баннелл внесли свой вклад в обсуждение давно назревшего введения азиатских мегапроектов (Shatkin, 2011; Hogan et al., 2012). Шаткин акцентирует внимание на роли этих проектов как эталонных моделей в траектории городского развития быстро урбанизирующихся городов Азии. Он признает особую ключевую роль частного сектора в этом процессе, описывая его переход от простого посредника к центральному решающему актору в планировании, развитии и регулировании городского пространства (Шаткин, 2011).

Эти выводы, сделанные в ходе продолжающегося изучения крупномасштабных проектов городского развития, являются определяющими для нашего исследования и помогают нам сосредоточить наше внимание на двух аспектах, которыми мы надеемся обогатить дискуссию. Мы фокусируем наше исследование на грандиозных проектах как пространственная практика, так и материальная трансформация крупномасштабных градостроительных проектов на местах. Это измерение подразумевалось в существующих дискуссиях, но до сих пор мало внимания уделялось тому, как институциональные сдвиги, схемы планирования и стратегии, а также механизмы реализации формируют городскую форму и определяют качество пространств. Рассматривая материальные результаты, их динамику, потенциальные возможности и проблемы, а также выявляя связи с соответствующими институциональными рамками, в которые они встроены, мы надеемся получить представление о значении этих аспектов в процессах принятия решений и схемах планирования.

Для этого исследования мы разработали пять аналитических фреймов: "концепция", "дизайн", "реализация", "операция" и "импликация". Анализ наших тематических исследований с помощью этих фреймов позволяет нам в первую очередь обсуждать грандиозные проекты в широком смысле, от ранних до продвинутых стадий развития, что позволяет нам рассматривать различные институциональные взаимозависимости, отраженные в пространстве. Кроме того, он позволяет нам глубоко изучить то, как была разработана идея проекта (концепция), генеральные планы или строительные кодексы, которые охватывают нормативную базу для проекта (дизайн), тип институциональных партнерств, которые решают "когда" и "как" (реализация и эксплуатация), а также то, как проект влияет на состояние городов за пределами своей территории в региональном и глобальном масштабе (последствия).

Концепция и обсуждение этих пяти фреймов, которые обеспечивают общую нарративную структуру во всех наших тематических исследованиях, составляют центральную

часть этой статьи. На втором этапе мы рассмотрим сравнительную перспективу крупномасштабного развития городов с учетом территориальных различий, различных правил и культур планирования. Эти исходные фреймы станут отправной точкой для будущего исследования; сравнение наших тематических исследований в рамках этих фреймов, а не с проектами в целом, позволяет нам выявить сходства, выходящие за рамки контекстуальных различий (Robinson, 2011).

Следующее обсуждение каждого кадра опирается на три тематических исследования только из-за ограниченного пространства в этой статье. Сам фрейм, однако, был концептуализирован в беседе со всеми восемью тематическими исследованиями. Эти пять фреймов перечислены вместе с восемью тематическими исследованиями в таблице 1. Рассмотренные в настоящей работе случаи имеют серый фон (рис.1).

CASE STUDY	22@ (ES)	Downtown Core (SGP)	HafenCity (DE)	King's Cross (UK)	La Defense (FR)	Lujiazui (CN)	Marunouchi (JP)	West Kowloon (HK)
FRAMES								
CONCEPTION	Renewal of obsolete area by creating space for 'new economy';	Renewal of old city fabric and modernisation to become a 'global city', expansion;	Redevelopment of old port and connection of the city with the waterfront;	Redevelopment of centrally located, old industrial site into mixed use neighbourhood;	Development of new business district to host post-war expansion of service sector;	Development of financial district within special economic zone after China's re-opening to international trade;	Development of a model for a modern city;	Development of a cultural and transport infrastructure to turn Hong Kong into 'Asia's World City';
DESIGN	Emphasis on infrastructure and regulation, not on design;	Tapestry of different masterplans, stitched together by urban guidelines;	Ten individual neighborhoods connected in a linear, west-east sequence;	Network of streets, open spaces and small plots, integrating heritage with new buildings;	Separation of activities and transport infrastructures through deck with high-rise towers;	Car-centric development with wide roads, large plots and monolithic high-rise buildings;	Urban grid with central axis and en bloc developments;	Tapestry of four different design schemes around TOD infrastructures;
IMPLEMENTATION	Coordinated by private development initiative leaving 22@'s final outcome unclear;	Government land sales implemented by URA with various tender systems;	Coordinated by HCH GmbH following three different implementation options;	By KCCLP in consultation with local actors & regulated by spatial & programmatic framework;	Coordinated by state and local municipality;	Planned and developed by state-owned Shanghai Lujiazui Development Company Ltd.;	Implementation over several (re-)development cycles with gradual density increase;	Gradual implementation in (re-)development cycles with gradual density increase;
OPERATION	Public spaces managed by public & private developers complying with city wide regulations;	Public spaces managed by public & private developers complying with city wide regulations;	Managed by HCH GmbH;	Managed by KCCLP;	Managed by local authorities, after the first 60-years of central state management;	Managed by the Shanghai Lujiazui Development Company Ltd.;	Centrally managed by Mitsubishi Estate through a decentralized management structure;	Managed by a cooperation of different government related entities;
IMPLICATION	Barcelona becoming a tertiary hub in addition to a tourist destination;	Singapore becoming a reference for other Asian and Arab cities;	Gradual but direct impact on surrounding and HH's global image;	Factor in the gentrification of the surrounding and regional attraction of HQ;	Ensuring of Paris' position on the global finance market and preservation of the historical centre;	Placed Shanghai on the global financial map and created an international image for the city;	Limited impact on surrounding but defining for Tokyo's global image;	Major parts yet to be completed and implications therefore currently unforeseeable;

Рисунок 11

Пять аналитических рамок для анализа.

Концепция

Начальная фаза проекта, предшествующая любому проектированию или технико-экономическому обоснованию, выявляет первоначальные идеи, основные движущие силы и цель проекта в более широком социально-политическом контексте. Именно на этой стадии основные цели—хотя они, вероятно, будут развиваться—задумываются, чтобы задать тон для логики развития проекта. Исследование этой ранней стадии позволяет нам получить ключ к пониманию социально-политической, экономической и / или идеологической миссии, которую должен выполнить проект. При изучении наших разнообразных случаев мы выделили три более широкие логики развития:

1. Модернизация: создание постиндустриального города и демонстрация прогресса города или страны путем внедрения новых знаний и технологий, тесно связанных с попытками "вестернизации" в азиатских проектах;

2. Городское обновление: городское развитие для оживления районов, часто в центральных районах, в сочетании с новыми доступными землями или устаревшими функциональными зонами в рамках существующей городской структуры;
3. Расширение городов: городское развитие для снижения давления в городе и увеличения городской территории, иногда включающее мелиорацию земель и часто происходящее на периферии "старого центра города", что приводит к значительному увеличению застроенных земель.

Эти три логики развития не определяют исключительно траекторию проекта, но в сочетании с другими факторами, такими как заинтересованные стороны, проектные и управленческие практики, они дополнительно образуют схемы планирования, механизмы реализации и операций.

Маруноути в Токио, например, был инициирован, когда город (и страна) только что были открыты для внешней торговли и влияния после изоляции в течение почти 200 лет. Для изучения последних "тенденций развития городов" в Европу было направлено несколько миссий под руководством нового правительства Мэйдзи, которым было приказано вернуть знания о современной архитектуре и градостроительстве. Маруноути, участок площадью 120 гектаров, расположенный между Императорским дворцом и старым торговым центром города, использовался в качестве военного полигона и предлагал себя в качестве испытательного полигона для этих новых идей, принесенных в японскую столицу. Под руководством западных планировщиков в этом районе и вокруг него были реализованы отчетливо европейские идеи о том, как должен выглядеть современный город. Управляемый частным девелопером Mitsubishi, Маруноути был создан как новый деловой центр города. Это стремление обозначило место как важный момент в формирующейся структуре капиталистической жизни. Деловая штаб-квартира Mitsubishi, конгломерата ключевых факторов индустриализации Японии, и другие создали центр капитала и контроля в рамках развития Маруноути.

В Париже послевоенная экономическая перестройка и экономический рост создавали пространственные проблемы, которые исторический город не мог решить. Чтобы защитить центр города и расширить его функции для сферы услуг, французское правительство выбрало участок площадью 138 га в Ла-Дефансе для размещения новых офисных помещений и современного антипода из стали и стекла. Планируемый с 1950-х годов, Ла Дефанс был первым комплексно спроектированным, крупномасштабным деловым районом, построенным в Европе. Расположенный в западной части исторической оси Парижа, начиная с Пале-Рояля, планировка этого нового района находилась под сильным влиянием современного видения функционального города, концептуализированного в Афинской хартии 1941 года: пространственное разделение различных программ с высотными офисами и жилыми кварталами, которые, в случае Ла Дефанс, были сшиты вместе большой пешеходной палубой, размещающей необходимую транспортную и сервисную инфраструктуру внизу. Как формальный разрыв с городской тканью города, La Défense представил начало нового подхода к планированию и радикально отличающихся архитектурных типологий в европейском городе.

В обоих случаях концепция проекта знаменует определенный момент времени-постизоляционный, послевоенный-и начало эпохи. Это нашло отражение в новом понимании города, для которого грандиозный проект является макетной конструкцией для воплощения этих идей в жизнь.

Грандиозный проект Западного Коулуна состоит из множества проектов различной направленности с различными сроками разработки, связанных между собой модернизированной транспортной сетью. Как следствие, он мотивирован сближением сил в результате "передачи" Гонконга в особый административный район (САР) Китайской Народной Республики (КНР). Построенный на мелиорированной земле через гавань Виктория от остро-

ва Гонконг, стратегически расположенный проект начался как инфраструктурное развитие, соединяющее остров Гонконг с новым аэропортом Чек-Лап-Кок в 1990-х годах. Нынешнее состояние проекта включает в себя (а) транзитно-ориентированное развитие станции Коулун; (б) станцию Экспресс-железнодорожной (XRL), соединяющую Гонконг с Гуанчжоу в КНР; и (в) Культурный район Западного Коулуна (WKCD) в Южной прибрежной зоне. В то время как части Западного Коулуна, включая станцию XRL и дворец-музей WKCD, стали символизировать то, что граждане Гонконга считают растущим вторжением центрального правительства КНР в САР, эти проекты раскрывают роль правительства САР в привлечении и содействии присутствию и авторитету центрального правительства в Гонконге. Реализация и деятельность ВККД также отражают желание правительства САР и связанных с ним элит стать "мировым городом Азии". "Соответствующие усилия по брендингу поддерживаются привлечением международных звездных архитекторов для генерального плана WKCD и отдельных зданий, а также наймом иностранных кураторов, которые имеют мало связи с местными культурными производителями и рассматриваются как дальнейшее обхождение и отчуждение общественности (Chu, 2010).

Изучение грандиозных проектов в их концепции позволяет нам понять их первоначальные масштабы, движущие силы, стимулы и контекст пространства и времени. В рамках трех выявленных случаев мы также наблюдали, что логика развития очень динамична и со временем претерпевает изменения. Важной интенцией во всех наших случаях является аспект городского (ребрендинга)брендинга, изменение или создание имиджа города на мировой арене. Эта цель часто связана с другими стратегиями создания мест, которые фокусируются на конкурентных преимуществах проекта и/или города: финансово брендированные города, такие как Гонконг, стремятся к имиджу культурного центра, в то время как культурно брендированные города, такие как Париж, стремятся расширить сферу своих городских услуг."Это обстоятельство также указывает на общую диверсификацию программы, которую мы наблюдали во всех крупных проектах: предпринимаются усилия по созданию все более разнообразных городских условий, которые, однако, всегда складываются в логику развития проекта, заложенную в концепции Большого Проекта.

Дизайн.

Основная схема проектирования любого грандиозного проекта знаменует собой решающий момент переговоров и является центральным инструментом осуществления контроля. Потенциально противоречивые идеи и приоритеты вовлеченных заинтересованных сторон должны быть согласованы и воплощены в пространственный сценарий. Предлагаемые схемы проектирования все чаще опираются на глобальный обмен знаниями о типологиях городов, пространственных требованиях и стандартах эффективности через международные активные разработчики и бюро планирования. Исследование дизайна проекта позволяет нам взглянуть на механизмы, лежащие в основе производства пространства, и понять материализованный результат проекта.

Реализованная схема La Défense была запланирована и реализована Институтом общественного планирования La Défense (Établissement public pour l'aménagement de la région de la Défense: EPAD) с 1958 года. Первая схема генерального плана, разработанная Camelot, Mailly и Zehrfuss в 1964 году, предлагала функциональный город с многоуровневой палубой, чтобы вместить всю транспортную и сервисную инфраструктуру в пределах участка, дизайн, который позволял создать пешеходную эксклюзивную открытую площадь с высотными офисами и жилыми кварталами. Генеральный план создавал несколько проблем, таких как физическая граница, которая отделяла окружающие общины от делового района. Хотя первоначально планировалось провести почти эксклюзивную беседу между центральным правительством и ЕПАД, роль соседних муниципалитетов в планировании и управлении Ла-Дефанс неуклонно возрастает. Адаптация палубы, центрального

элемента дизайна, однако, представляет собой постоянную экономическую и интеграционную проблему для планирующего органа (Établissement public d'aménagement de la Défense Seine Arche: EPADESA, до декабря 2017 года).

Генеральный план Луцзяцзуа был выбран на конкурсе, проведенном в 1992 году. Участвующие офисы включали Richard Rogers Partnership, Dominique Perrault Architecture, Massimiliano Fuksas и Toyo Ito & Associates. Официальные причины выбора предложения Richard Rogers Partnership утверждали, что оно отражает более традиционные, западные принципы градостроительства в объемной композиции и схеме кольцевой дороги (Xue et al. 2011, стр. 10). План, который Шанхайский институт городского планирования и проектирования наконец опубликовал, показал значительные отклонения от плана партнерства Ричарда Роджерса, однако: хотя он сохранил центральную круглую площадь в качестве парка и центральной оси, он в основном обслуживал корпоративные штаб-квартиры транснациональных корпораций, отражая экономические устремления клиента. Городская планировка с большими кварталами и широкими дорогами иллюстрирует доминирование автоцентрической сети, занимающей более трети наземного пространства. Большие участки с монолитными высотными зданиями отходят от улиц и образуют крупное городское зерно. Основными проблемами реализуемой схемы являются качество и связность общественных пространств, которые сокращают доступное пешеходам пространство менее чем на пятнадцать процентов. В то время как уникальные, знаковые здания внутри объекта хорошо связаны с дорожной и транспортной сетью, связь между объектами создает проблемы для людей, которые живут или работают в Луцзяцзуе. Это одно из пространственных условий объекта, которое, как мы утверждаем, подразумевает, что приоритет в рамках проектной схемы был отдан современному внешнему виду застройки и внушительному горизонту, а не ее функциональности и качеству грунта.

В случае с HafenCity в Гамбурге победившая схема была выбрана на международном конкурсе в 1999 году. Этому конкурсу предшествовало углубленное исследование развития, которое выявило потенциал и проблемы участка площадью 127 гектаров как расширения исторического центра города. Победившей схемой этого конкурса был скелетный план архитекторов и планировщиков KСАР и ASTOC, который служил основой, предназначенной для обновления в течение двадцатилетнего периода реализации и конкретизации с помощью нескольких менее масштабных конкурсов городского дизайна. Этот дизайн-скелет подчеркивал развитие десяти районов в пределах участка, которые имели различную программную направленность и были составлены из различных архитектурных типологий. Тем не менее, все они опирались на близость к набережной и визуальную связь с историческим портом и городом, чтобы создать отличные городские качества, несмотря на некоторые проблемы дизайна, такие как защита от наводнений и шумовое загрязнение.

Этот краткий обзор дизайна некоторых из наших тематических исследований Grands Projects уже показывает многие различия в том, как были созданы первоначальные схемы проектирования, их важность для разработки проекта и их фактические пространственные качества. Предлагаемые схемы проектирования можно условно разделить на проекты, которые работают либо с пространственно уникальной особенностью высокой знаковой ценности, либо с более общей пространственной рамкой стратегической открытости, что позволяет обеспечить большую гибкость в интерпретации сайта и его дальнейшем развитии. Хотя процесс подготовки этих документов может быть более или менее всеобъемлющим, характер базовых документов - это еще один вопрос: будь то формальный генеральный план (как в случае Луцзяцзуа), подробный генеральный план брифа (Кингс-Кросс), рамочный план (Хафенсити) или свод строительных норм (Барселона), эти документы отражают различные правовые требования и проектные подходы к более фор-

мальным планам, с одной стороны, и более открытым планам с повышенной способностью адаптироваться к меняющимся городским потребностям, с другой стороны.

Реализация.

Реализация грандиозного проекта обеспечивает критический момент для анализа в рамках разработки проекта, где "грандиозные" видения сталкиваются с реальной политикой местных органов власти и установившейся практикой. Следующие исследования наших тематических исследований в рамках аналитической структуры "реализация" сосредоточены на руководящей структуре, которая играет важную роль в процессе реализации, средствах и процедурах, выбранных для реализации проекта, и временных рамках реализации проекта.

В случае с Кингс-кроссом в Лондоне местные власти-главным образом район Камден—наряду с другими государственными заинтересованными сторонами и частным застройщиком Арджентом сотрудничали в реконструкции этого участка. Кэмден играл активную роль в переговорах, выступая одновременно в роли "посредника, партнера и клиента" (Swyngedouw, Moulaert and Rodriguez, 2002 566) обеспечить новые доступные дома, гражданские и общественные объекты, общественные пространства, центры занятости и профессиональной подготовки. Кроме того, длительные консультации с общественностью помогли разработать довольно согласованное соглашение о будущем этого района. Тем не менее новая схема была подвергнута критике за отсутствие реальных социальных и регенеративных преимуществ для более широкого сообщества (Edwards, 2010 , 2015 ; Campkin, 2013), а также за то, как проводились консультации (Imrie, 2009). Ключевой стратегией поддержки физической и социальной интеграции нового развития в рамках его более широкого окружения была поэтапная реализация. На ранних стадиях основное внимание уделялось развитию общественной сферы; улицы и открытые пространства были реализованы первыми и поддерживались различными временными видами использования для отдельных участков, которые еще не были разработаны, таких как общественный сад и пруд для купания. Эти меры создали возможности для взаимодействия между местными пользователями и соседними жителями и способствовали постепенной реинтеграции сайта в общественную жизнь.

В случае Сингапура главным исполнительным органом по осуществлению городских планов и стратегий для центра города, занимающего площадь в 430 га, является Управление городского развития (УРА)—централизованное Национальное управление городского планирования. Несмотря на то, что его консультировала международная команда консультантов, он смог реализовать проектные схемы для этого района согласованным образом, поскольку все старые, а также недавно восстановленные земли принадлежат правительству, за исключением некоторых участков на фригольде, которые продаются в течение 999 лет. С начала осуществления проекта в 1960-х годах стабильная центральная администрация и постоянно обновляемая городская повестка дня позволили практике городского планирования развиваться таким образом, чтобы она позволяла определять местоположение и реагировать на конкретные проекты либо путем приоритизации экономических моделей доходов, знаковой ценности проекта, либо путем компромисса между ними. Варианты этих тендерных систем привели к созданию отличительной модели реализации, ориентированной на создание добавленной стоимости в городах.

Пример Хафенсити - это особый институциональный формат, инициированный городом для облегчения реализации проекта. The Gesellschaft für Hafen und Standortentwicklung a body established in 1997, was renamed in 2004 as the HafenCity Hamburg GmbH. Этот новый орган должен был быть оснащен необходимыми экспертными знаниями для того, чтобы разработка могла функционировать на международном конкурентном уровне. Он принадлежит городу Гамбургу и отвечает за "специальный городской и портовый фонд", а

также за продажи и развитие проекта в целом. Он обладает глубокими местными знаниями, с помощью которых управляет вверенным ему земельным активом. При этом она обладает большой свободой в определении механизмов, стратегий и приоритетов: в то время как различные государственные и частные субъекты участвуют на различных этапах в форме консультативных советов, комитетов по присуждению премий и оценочных групп, компания остается главным авторитетом в принятии решений в процессе реализации. Основываясь на пространственном каркасном плане, предусмотренном его планировщиками, компания HafenCity Hamburg GmbH разработала сложную схему тендеров для реализации небольших индивидуальных проектов. Это позволяет реализовать грандиозный проект на отдельных этапах с различными пространственно ориентированными спецификациями, которые связывают разработку воедино и одновременно дают возможность проектам типологически и программно реагировать на меняющиеся потребности и требования с течением времени.

Глядя на то, как реализуются грандиозные проекты в разных городах мира, мы можем заметить различные сходства в структуре управления этими проектами, а также в правовых рамках и процедурах, выбранных для их реализации. В то время как роль самого правительства сильно варьируется от одного случая к другому, частный сектор играет важную роль во всех этих случаях. Эта роль варьируется от грандов проектов как новые возможности для частных инвестиций, чтобы адаптировать их к потребностям частных, корпоративных арендаторов, чтобы, в более крайнем случае, создать специальные, частные учреждения, отвечающие за разработку проектов. Эти органы формально являются частными образованиями, построенными на сильной поддержке местных органов государственной власти. Таким образом, они представляют собой децентрализованные формы управления и рыночного развития, опираясь при этом на выданные государством исключительные правила и условия для облегчения реализации крупных проектов. Это также наблюдение, сделанное Swyngedouw et al. сделайте в своем исследовании европейскую крупномасштабную городскую застройку. Их анализ все более "фрагментированного и плюралистического режима городского управления" предполагает "пересмотр роли, которую играют местные органы власти" (Swyngedouw et al., 2002, с. 566), а также помогает учитывать меняющиеся условия переговоров по космосу, правам доступа и приоритетам в процессах реализации грандиозных проектов.

Менее удивительным является тот факт, что из-за своих размеров и сложности все гранды проецируются требуется много времени для реализации. Однако временная составляющая процессов реализации существенно различается между тематическими исследованиями по важности и подходу: рассматривая наши восемь тематических исследований в Азии и Европе, мы видим, что реализация с течением времени является либо центральной частью стратегии развития проекта, либо непреднамеренным результатом других процедур. Интересно, что оба сценария связаны с первоначальной концепцией проекта и / или преемственностью институциональной среды, в рамках которой была создана структура проекта; таким образом, то, как реализуется проект, говорит о том, призван ли грандиозный проект создать конкретный предполагаемый образ или, скорее, внести определенный вклад в городскую трансформацию.

Операция.

Наш четвертый аналитический фрейм - это "работа" больших проектов. С помощью этого фрейма мы анализируем повседневное управление проектами и вовлеченных в них участников. Эксплуатация имеет решающее значение для качества и доступа к открытым пространствам, а также для выбора арендаторов и их возможной роли в управлении недвижимостью. Таким образом, эта структура позволяет нам понять властные отношения между заинтересованными сторонами в управленческом процессе и приоритеты в этом

процессе, которые отражают конкретные управленческие культуры и пространственные программные результаты. В следующем разделе основное внимание уделяется публичной сфере, поскольку она является ключевым элементом, непосредственно влияющим на практику управления в рамках крупных проектов.

В случае Сингапура несколько правительственных учреждений (включая ура) и многочисленные частные заинтересованные стороны управляют общественным пространством в центральной части города. Открытые пространства, управляемые частными застройщиками, подлежат утверждению и выполнению основной цели-привлечению коммерческого внимания. Те, которыми управляет ура, в первую очередь обслуживают национальные и международные мероприятия в рамках реализации правительственного видения Марина-Бей как "бухты для мероприятий и национальных торжеств". Эти пространства также подчиняются общим правилам УРА, чтобы гарантировать, что события не нарушают социальную или расовую гармонию или не создают угрозы общественному здоровью, порядку или безопасности (Ура Сингапур, 2017). Это условие множественных, но часто переплетающихся институтов, отвечающих за ²⁶отражает специфику и сложность многоуровневой правительственной организации страны и многочисленные программы развития центра города.

В случае с Маруноути в Токио, после реструктуризации Mitsubishi после Второй мировой войны, Mitsubishi Estate продолжала оставаться центральным частным планирующим органом района. В 1988 году в ответ на растущий общественный и государственный интерес и критику будущих планов в этой области был создан новый руководящий орган. Сегодня этот орган, Совет по развитию территорий и управлению Отемач, имаруноучи и Юракучо, состоит из различных собственников и представляет более широкий круг интересов. В последующие годы были добавлены дополнительные управляющие дочерние компании, которые занимались программированием общественных пространств в этом районе, обеспечением большего разнообразия видов деятельности и усилиями по обеспечению устойчивого развития. Однако все эти дочерние компании оставались под директивным управлением Mitsubishi Estate. Кроме того, последовательная стратегия мерчандайзинга была введена в действие с помощью "карты Маруноучи", чтобы обеспечить преимущества коммерческим объектам в рамках Mitsubishi Estate properties. Это одна из многих мер Mitsubishi Estate, которые поддерживают согласованный опыт и конкретную стратегию создания места для этого района, которые помогают компании регулировать доступ к пространству и осуществлять контроль, подчиняя этот район своим собственным правилам.

В случае 22 управление открытыми пространствами зависит от землевладения. В этом районе существует три различных типа владения открытыми пространствами: а) общедоступные помещения, находящиеся в государственной собственности (обеспечиваются за счет требования 18 м² открытых пространств на каждые 100 м² социального жилья GFA); б) частные и общедоступные помещения; и с) частные помещения, недоступные для общественности. Первый тип (А) принадлежит городскому совету и управляется муниципальным Институтом парков и садов. Правила, определяющие использование этого пространства, не отличаются от правил использования общедоступных пространств в Барселоне. Второй вид открытых пространств (в) принадлежит частным владельцам и управ-

²⁶ Некоторые из других общественных пространств, управляемых различными правительственными учреждениями, включают водохранилище Марина (Совет по коммунальным услугам), мост юбилей и спираль (управление наземного транспорта) и поплавок (SportSG).

ляется ими. Однако у них есть так называемое "право проезда", предоставленное городским советом. Это законное право позволяет обществу проходить через частную собственность. Мотивацией для этого является повышение общественной доступности открытых пространств и обеспечение непрерывной сети открытых пространств. Хотя как владение, так и управление этими помещениями остаются в руках частных собственников, государственная администрация предъявляет особые требования к тому, как содержать эти помещения в надлежащем состоянии. Однако в общественном восприятии эти пространства обычно ничем не отличаются от первого и второго типов (А и в), а также не ограничивают использование или доступ в большей степени. Таким образом, 22 дает пример, в котором согласованное качество открытых пространств было установлено, несмотря на различные операционные структуры.

Анализ управления общественным пространством в рамках крупных проектов позволяет нам понять приоритеты, установленные различными управленческими структурами и стратегиями, и последствия, которые они имеют для пользователей. Несмотря на распространение городских мегапроектов и передачу знаний в поддержку их концептуализации и реализации, практика управления остается в значительной степени локализованной и/или контекстно-зависимой. Тематические исследования, такие как Maginouchi или Downtown Core, показывают, что широкий круг заинтересованных сторон может внести свой вклад в операционную практику крупных проектов. Однако существование единого руководящего органа, отвечающего за повседневную деятельность проекта, в конечном счете информирует "когда" и "как" об этом вкладе, отражая таким образом иерархические структуры власти крупных проектов.

Последствия.

Грандиозные проекты являются главными движущими силами трансформации траектории городского развития, его экономического состояния и функциональной направленности. "Последствия" грандиозных проектов становятся очевидными в разных масштабах и в разных измерениях. Грандиозные проекты могут служить катализаторами для регенерации прилегающих территорий, но также могут способствовать изменению имиджа города в глобальном масштабе. В нашем исследовании мы проанализировали и квалифицировали четыре типа эффектов—не взаимоисключающих—различных масштабов:

1. Локализованные эффекты, происходящие внутри самих грандов-проектов. Они могут быть непосредственно востребованы стратегией (повторного)развития, но также возникают в результате поведения пользователей или изменений в экономической и политической ситуации.
2. Воздействие на соседние кварталы, которые претерпевают изменения в результате воздействия перестроенной территории.
3. Региональные эффекты, происходящие в более широком масштабе; например, благодаря расширению транспортной связанности или программной интенсификации, грандиозные проекты могут изменить региональную городскую динамику.
4. Глобальные эффекты, происходящие, когда грандиозные проекты трансформируют глобальное восприятие своего города через производство определенного образа для достижения определенных целей, таких как повышение узнаваемости или экономическое процветание.

Все эти эффекты могут быть преднамеренными или непреднамеренными; однако большинство из них не находятся под непосредственным контролем фактической нормативной базы Grand Projet.

В случае с Кингс-кроссом в Лондоне рябь от центра участка к его окрестностям заметна при росте цен на жилье на месте и в радиусе полутора километров (Knight Frank, 2016). Хотя эти эффекты на окружающую среду можно рассматривать как распростране-

ние облагораживания в более широком районе, трудно отделить это облагораживание от центрального расположения проекта в городе и легкого доступа к транспортному узлу. Окрестности, в основном к востоку от объекта, начали меняться еще до его реконструкции (Edwards, 2010), и главным образом после утверждения закона О железнодорожном соединении туннеля канала в 1996 году, который переместил первую британскую высокоскоростную железную дорогу от лондонского железнодорожного вокзала Ватерлоо до Сент-Панкраса. Более поздние локализованные эффекты на месте становятся очевидными в 2018 году, хотя до сих пор разрабатывается только половина проекта: зернохранилище стало любимой игровой площадкой для детей и популярным местом для встреч и мероприятий под открытым небом. Впоследствии интенсивное общественное использование открытых пространств в этом районе может привести к ограничению доступа автомобилей; фактически, Центральное Коммандитное партнерство Кингс-Кросс-партнерство землевладельцев-упомянуло о желании закрыть зернохранилище для автомобильного движения между Королевским бульваром и стабильной улицей, чтобы обеспечить безопасную пешеходную среду (Alderson, 2017).

Случай 22@ изображает многообразные последствия. В региональном масштабе этот проект был инициирован для предотвращения ухода компаний из Барселоны, обеспечив современный третичный центр для наукоемкой деятельности в пределах городского региона. С тех пор каталонский город был признан самым инновационным мегаполисом Испании (2016-2017 годы), пятым в Европе и 13-м в мире. 22@ усилил глобальный акцент Барселоны на важности наукоемких и технологически интенсивных компаний. 22@ также ограничила городскую реструктуризацию северо-восточной части Барселоны, создав новый центральный район за счет предоставления 93 000 новых рабочих мест, 1 600 новых жилых единиц, 15 км урбанизированных улиц с высококачественной инфраструктурой и нескольких научно-исследовательских и образовательных учреждений, которые поддерживают передачу знаний между промышленностью и обществом. Последующее глобальное внимание к городу, в свою очередь, укрепило статус Барселоны как ведущего туристического направления. Развитие 22@ также привело к преобразованию его окружающих объектов, таких как Площадь Славы, которая в настоящее время перестраивается в городской парк, окруженный третичными культурными зданиями.

Западный Коулун в Хонг Конге иллюстрирует напряженность, которая часто возникает, когда гранды проецируют распространяемые изменения в региональном масштабе. В данном случае это последствия его транспортно-ориентированного развития, а именно связь аэропорта и скоростной железнодорожной станции с Китаем, а также его Культурный район. Гонконгская корпорация MTR и местные частные застройщики превратили станцию Коулун в престижную достопримечательность благодаря маркетинговой стратегии элитных эксклюзивных резиденций, расположенных над роскошным торговым центром. Через пятнадцать лет после того, как станция Коулун была задумана, это место стало одним из самых престижных районов недвижимости в Гонконге. Особенно учитывая будущую соседнюю станцию XRL, которая соединит пассажиров с Китаем, резиденции выше станции Коулун являются предпочтительной целью материковых китайских инвесторов, превосходя более традиционные жилые комплексы высокого класса, расположенные на острове Гонконг (например, средние уровни). С 2015 года элитные спекулятивные жилищные проекты-все еще в значительной степени незанятые сегодня—были разработаны на периферии Западного Коулун, полагаясь на будущий успех близости к станции XRL и культурному району.

Грандиозные проекты имеют множество последствий для их городов. Эти последствия не являются монокаузальными, а скорее являются результатом изменения экономической ситуации, стратегий брендинга и других факторов. В конечном счете, рассмотрение качеств и масштабов последствий позволяет нам увидеть различные способы, с по-

мощью которых грандиозные проекты изменяют текущую городскую динамику и реконфигурируют существующие структуры власти. Грандиозные проекты разрушают так же сильно, как и провоцируют эту динамику и структуры. Кроме того, их физическая форма, модели финансирования или управленческая практика имеют последствия, становясь ориентирами для новых форм городской трансформации в других местах. Именно последнее Рой и Онг называют "межреферентной" и "мировой" практикой применительно к различным формам глобального пространственного производства (Roy and Ong, 2011).

Вывод.

Рост числа и размеров крупных проектов привел к появлению новых форм городского управления, пространственного проектирования, производства и регулирования. Во многих случаях крупные проекты могут быть найдены в центре процессов реструктуризации городов и объединенных усилий по (повторному) генерированию развития. Таким образом, наше исследование использовало Grands Projects как момент для изучения современных тенденций в глобально связанной форме концентрированной урбанизации.

Наши пять аналитических фреймов не дают исчерпывающего инструментария для анализа городских мегапроектов; тем не менее они позволяют рассмотреть проект во временном масштабе и структурной сложности. В то время как мы фокусируемся на аспектах, которые непосредственно влияют на пространственные практики, именно контекстное чтение в рамках наших общих аналитических рамок создает продуктивный диалог между процессами разработки Grand Projet в различных географических регионах.

В нашем исследовании мы смогли выявить некоторые общие тенденции: за последние три десятилетия риторика, с которой рекламировались и реализовывались грандиозные проекты, распространилась на более широкий спектр нарративов и программ, теперь включающих различных актеров и деятельность, включая розничную торговлю, культурные, образовательные и развлекательные учреждения. Это изменило то, как гранды проектируют интегрироваться в городские условия. В таких местах, как Маруноути в Токио или Ла Дефанс в Париже, первоначально монофункциональный бизнес-центр диверсифицировал свою программу в ответ на новых пользователей и растущее население жилых районов. В то же время недавно задуманные проекты, такие как Западный Коулун или Кингс-Кросс, продвигали себя как районы смешанного использования с акцентом на культуру или образование.

Другим наблюдением, хотя и менее последовательным, был сдвиг в разработке проектов: вместо разработки детальных генеральных планов, которые определяют проект в его полном объеме, некоторые крупные проекты теперь демонстрируют более стратегический подход. В случае HafenCity Hamburg основной генеральный план не определяет конкретный городской сценарий, а скорее фокусируется на существенных пространственных элементах, областях и фазах в рамках траектории развития. Это дает заинтересованным сторонам возможность адаптироваться к изменениям и реагировать на новые потребности или идеи, возникающие в процессе развития. Этот подход наделяет проекты большей способностью адаптироваться и развивать свою собственную логику, но он требует стабильной, перспективной структуры управления, способной ориентироваться на многие "открытые" возможности в траектории развития.

Что касается их реализации и функционирования в глобальном сравнительном контексте, то грандиозные проекты покажут зависимость от исключительных правил и практик вне установленных законом процедур планирования для достижения эффективной реализации. Это находит свое отражение в аутсорсинге управленческих и оперативных вопросов от созданных государственных плановых органов к специально созданным, кото-

рые зачастую способны обойти затяжные (плановые) процедуры подачи заявок. Это может привести к исключению широкого круга заинтересованных сторон, поскольку ответственность за проект становится размытой или, как представляется, в значительной степени находится в руках частных разработчиков. Кроме того, навигация вне общих процедур планирования и создание специальных органов городского развития приводят к единичным и/или локальным результатам. Поэтому возможности этих городских проектов указывать на изменение практики планирования в более широком масштабе ограничены. Таким образом, крупные проекты могут рассматриваться не столько как отражение изменений в местных системах планирования, сколько как индикаторы конкурентных процессов реструктуризации в концентрированных городских районах в глобальном масштабе.

Наконец, благодаря своему потенциалу оживить и/или направить траекторию городского развития города, гранды проектируют они получили высокий приоритет в городской повестке дня местных заинтересованных сторон и часто становились центральными для переоценки положения города в формирующейся глобальной экономике. Такие проекты, как Lujiazu или Downtown Core, были концептуализированы для создания глобально конкурентоспособного имиджа своих городов и с тех пор служили визуальным ориентиром для того, чего страна была способна достичь: они стали образцами "маленьких идеальных миров" того, каким город может быть, должен быть или будет. Grands Projets таким образом, они стали источниками теоретизации, а не просто моментами применения или точками входа в понимание городского развития во взаимосвязанном и взаимосвязанном состоянии. Таким образом, грандиозные проекты также стали показателем глобальной расширяющейся сети практик городского развития, будь то с привлечением иностранных проектных и консалтинговых команд, международных практикующих разработчиков и подрядчиков, космополитичных жителей, арендаторов или посетителей. Grands Projets они основаны на глобальной передаче знаний на всех этапах их развития, но они также выступали в качестве инфраструктуры для самой этой передачи; они стали центральными элементами для практики развития, а также ориентирами для проектов в других странах

Наоми К. Ханаката & Анна Гаско (2018)

Приложение И

Центр Абитуриент ВГУЭС

СПРАВКА

Подтверждает прохождение социальной практики нижеперечисленных
студентов в течении 2019-2020 учебного года

ФИО	Группа	Количество часов
1. Андросова Алена	БМО-19-03	15
2. Бабешко Александра	БМО-19-03	30
3. Демидева Дарья	БМО-19-03	75
4. Карамышев Дмитрий	БМО-19-03	15
5. Ким Елизавета	БМО-19-03	15
6. Курасов Егор	БМО-19-03	16
7. Лузин Леонид	БМО-19-03	52
8. <u>Музюкова</u> Елизавета	БМО-19-03	72
9. <u>Нагорнов</u> Илья	БМО-19-03	62
10. Наумов Илья	БМО-19-03	30
11. <u>Отгов</u> Аман	БМО-19-03	62
12. Талипова Мадина	БМО-19-03	35
13. Тищенко Анастасия	БМО-19-03	30

Ведущий специалист

Пискаева М.А.